

КАМЫШЕВ

КУЛЬТУРА и БЫТ ХАКАСОВ

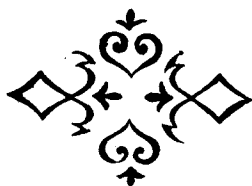
/XVIII-XIX вв./

1971

К. М. ПАТАЧАКОВ

КУЛЬТУРА и БЫТ ХАКАСОВ

*в свете исторических связей
с русским народом
/XVIII—XIX вв./*

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1958

О Т А В Т О Р А

Хакасы, как и другие многочисленные народы Сибири, возрождены к свободной национальной жизни благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. При постоянном внимании и заботе Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства хакасы за годы Советской власти достигли небывалого в их истории развития экономической и культурной жизни. В ликвидации многовековой культурной отсталости огромное влияние оказывают культура и практическая помощь русского народа. Культурно-исторические связи хакасов с русским народом уходят вглубь истории. Эта связь началась ещё в XVII в., со времени постепенного включения исторических предков хакасов в состав русского государства. Однако этот, очень важный вопрос для истории хакасов до сих пор не был предметом специального изучения.

Основная задача нашей работы заключается в том, чтобы показать на конкретном историческом материале культурно-экономические связи хакасов с русским народом, выяснить на фактах влияние и роль русской народной культуры в хозяйственном развитии хакасов, в их домашнем быте и культуре в условиях дореволюционного периода. Работа построена на этнографическом материале. Она отнюдь не претендует на полное, всестороннее освещение многостороннего влияния высокой культуры русского народа на культуру хакасов.

Источником для написания работы послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в различных районах Хакасии. Используются также архивные документы, хранящиеся в Хакасском областном архиве, привлечены соответствующие фактические материалы из различных литературных источников. Мы надеемся, что наши материалы и некоторые соображения принесут в какой-то степени пользу для дальнейшего более глубокого и всестороннего изучения истории и этнографии хакасов.

Работа состоит из трёх глав, из которых первая является вводной. Включение её мы считаем необходимым для того, чтобы

читателю было легче разобраться в вопросах, освещаемых в последующих двух главах. Разумеется, предлагаемая работа содержит ряд недостатков. Это нам кажется тем более неизбежным, если принять во внимание, что попытки изучить вопрос, сформулированный в заголовке нашей работы, предпринимается впервые. Автор надеется, что некоторые недостатки, оставшиеся незамеченными, будут указаны ему читателями. Критические замечания по этому поводу автор воспримет с благодарностью, и они будут им учитываться в процессе его дальнейшей работы по историко-этнографическому изучению хакасов.

Глава I

РАННИЕ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ХАКАСОВ С РУССКИМ НАРОДОМ (XVII—XVIII вв.)

1. Краткие сведения о хакасах

Территория современной Хакасии и прилегающих к ней районов была занята предками современных хакасов ещё задолго до включения их в состав Русского государства.

В XVII в., как показывают исторические источники, господствующее положение на территории так называемой Минусинской котловины занимали енисейские киргизы, которые вели длительную борьбу против русского освоения Южной Сибири. Согласно исследованию ряда авторов, в начале XVIII в., точнее в 1703 г., киргизская феодальная верхушка, а с нею вместе и большая часть рядовых киргизов были уведены западными монголами (калмыками) в Джунгарию¹. Оставшаяся небольшая часть киргизов растворилась среди местного населения. После ухода киргизов территорию Минусинской котловины продолжали занимать их бывшие киштымы (данники), представлявшие в этническом отношении сложный конгломерат различных родоплеменных и территориальных групп. Наиболее многочисленными из них были качинцы, кызыльцы, сагайцы, бельтиры и койбалы, которые жили по соседству.

Качинцы расселялись на севере по верхнему бассейну р. Чулыма, по р. Белому Июсу. Отсюда их кочевья простирались на юг по левой стороне Енисея до р. Абакана с притоками Камышта и Уйбат. По описанию И. Георги, северное кочевье качинцев до прихода русских доходило до р. Качи, впадающей в р. Енисей около г. Красноярска². У современных качинцев существует пре-

¹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, гл. I. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 223.

² И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб, 1776, стр. 151.

дание, что их предки жили в районе р. Качи, а с приходом русских они переселились в пределы их современного расселения. Это предание подтверждается некоторыми историческими документами¹. Земли на северо-западе от качинцев по Белому и Чёрному Июсам в бассейне р. Чулыма, по рекам Урюп, Сереж, включая районы современного Ачинска, занимали кызыльцы. По мере продвижения русских в северных районах кызыльского расселения возникали русские селения.

К югу от качинцев между левым берегом Енисея и правым берегом Абакана по рекам Табат, Уты, Бея жили койбалы. Часть из них расселялась по правым притокам Енисея.

К юго-западу от качинцев за Уйбатом, по его правым притокам: Бее, Нине, Бюре и по Большому и Малому Уленьям, впадающим в р. Белый Июс, по степям между реками Аскиз и Камышта по левой стороне р. Абакана, по рекам База, Большой и Малый Сыр в XVIII в. расселялись собственно сагайцы.

Верхний бассейн р. Абакана, по его обеим сторонам до р. Аскиза (степные, подтаёжные и таёжные районы) был занят бельтирами, южными соседями сагайцев. По соседству с бельтирами, местами смежно, например, по рекам Таштыпу, Тёе, Еси, жили родовые группы: каргинцы, кобинцы, кийцы, шорцы и другие, предки которых переселились сюда из районов рек Мрассы и Кондомы, т. е. из Горной Шории².

Основным занятием перечисленных групп было полукочевое скотоводство. Земледелие было развито слабо. Обрабатывали земли первобытной мотыгой (абыл). Занимались также охотничьим промыслом и рыболовством. Таким образом, в XVII—XIX вв. предки современных хакасов делились на ряд родоплеменных и территориальных групп, из которых более многочисленными были качинцы, кызыльцы, сагайцы, бельтиры и койбалы. Каждая из этих групп в свою очередь состояла из ряда различных улусов и сеоков (родов).

У качинцев такими сеоками были Ызыр, Кыргыз, Пюрют, Ах хасха, Хара хасха, Паратан хасха, Талчанъ хасха, Аары, Туба, Ах сохы, Кёк сохы, Тиин, Ойрат, Частых. Кызыльские сеоки: Хызыл, Кічіг ачыг, Улуғ ачыг, Ыгы, Боссагар, Хамнар, Арғын, Колмак, Курчик, Шуы.

Сагайские сеоки: Сагай, Юс сагай, Том сагай, Туран, Сарыг, Таг харғазы, Суғ харғазы, Хобый, Сибичин, Сайын, Кыргыз, Читті пүүр, Аба, Чода, Тайас, Сор-шор, Хызыл хая, Халлар.

Бельтирские сеоки: Пилтір, Ах пилтір, Хара пилтір, Табан пилтір, Сарығлар, Ах чыстар, Хара чыстар, Суғ хахпаназы, Таг хахпаназы, Кечін, Мазылай.

Койбальские сеоки: Байгодо, Ханъ, Тарачах, Чода, Мадыр,

¹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 107.

² Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография». № 3. 1947.

Кӧл, Ингара, Бегеди, Арчы, Кейек, Кайдын, Ирген, Чонъмай и Ордыт.

Лица, принадлежавшие к одному и тому же сеоку, расселялись более компактно, кочуя улусами. Улусы назывались тогда, как правило, по именам старшего рода по возрасту или по имени князца.

В административном устройстве соблюдался родовой принцип подчинения.

В XVII—XVIII вв. предки современных хакасов вступили в тесные культурно-экономические связи с русским народом. Но в предшествующие века, до прихода русских, они общались с народами центральной Азии. Самым губительным и тяжёлым для населения были частые грабительские набеги со стороны монгольских Алтын-ханов, центр которых находился в Туве, и западных монголов-калмыков (джунгар). Завоеватели угоняли скот, собирали албан пушниной. Постоянные набеги феодалов тяжело отражались на хозяйственном развитии предков хакасов. Из-под гнёта центрально-азиатских феодалов они были освобождены лишь со времени вхождения их в состав Русского государства.

2. Возникновение русских селений

Освоение Сибири началось со II половины XVI в. Сюда шла стихийная волна свободного переселения, сюда направлялась правительственная колонизация. Результатом этого процесса явилось освоение русским народом всей обширной территории к востоку от Урала до Тихого океана. Уже в XVII в. русскими отважными землепроходцами были достигнуты самые отдалённые точки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но освоение Южной Сибири несколько затянулось ввиду вооружённого сопротивления местного населения. Борьба, начатая киргизами против русского освоения в начале XVII в., продолжалась почти до начала XVIII в. В ходе этой борьбы и освоения вокруг Хакаско-Минусинского края в XVII в. возникли города-крепости (остроги): Томск (1604), Кузнецк (1618), Мелецкий острог (1622), Красноярск (1628), Ачинск (1641). В конце XVII в. недалеко от Красноярска вверх по Енисею возник Караульный острог. Мирное освоение южной части Минусинской котловины началось лишь в начале XVIII в. Оно шло с севера на юг из Красноярска по обеим сторонам Енисея, из Ачинска вверх по Чулыму. Русские строили укрепления, основывали сёла и деревни. Так, в начале XVIII в. между Енисеем и Чулымом на территории качинских кочевий были построены форпосты Новосёлово, Яново и форпост в районе Солёного озера,¹ выросшие впоследствии в крупные деревни.

¹ Форпост у Солёного озера впоследствии был назван Солёно-озёрной казачьей станицей. Но в памяти стариков он сохранился до сих пор под названием форпост. Качинцы называют его Паарбусом.

В 1707 г. по правому берегу Енисея, в 60 км ниже устья р. Абакана был построен Абаканский острог (ныне Краснотуранск), который почти с первых дней возникновения стал на некоторое время местным административным центром, подчинённым Красноярску. В 120 км выше от Абаканского острога на берегу Енисея был заложен в 1709 г. Саянский острог. Саянский острог так же, как и Абаканский, подчинялся Красноярскому воеводству. Казаки для несения караульной службы отправлялись сюда из Красноярска. Во главе гарнизона стоял приказчик, назначаемый красноярским воеводой. В связи с установлением государственной границы с Китаем, обусловленной известным Буринским договором 1727 г., возникли новые караульные посты. В числе их были Таштыпский, Монокский и Арбатский форпосты, расположенные в верховьях р. Абакана. В районе Саянского острога, вверх по Енисею, одновременно с указанными постами, возникли при слиянии рек Кебеж и Ой — Ой-Кебежский, на р. Ое при устье реки Нариссы в 52 км от Ой-Кебежского — Нариссойский пост. У впадения речки Шадата в р. Амыл возник Шадатский караул, именованный впоследствии Каратузской станицей. На пограничной линии были построены редуты (укрепления) и маяки (пограничные столбы), куда казаки выезжали для охраны границы. Так, из Таштыпского, Монокского и Арбатского караулов выезжали на редуты, построенные в горах Сабын-Табан, а из Ой-Кебежского и Нариссойского постов осматривались пограничные маяки, имевшиеся в горах Хоин-Табан Саянской цепи¹.

С установлением государственной границы и позже, с падением Джунгарии², угроза со стороны южных соседей исчезла. В условиях такой мирной обстановки несение караульной службы становилось чистой формальностью. Казаки же одновременно со службой по охране границы занимались и сельским хозяйством. В 60-х годах (XVIII в.) им официально было разрешено селиться семьями, заниматься сельским хозяйством в окрестностях караульных постов. Казаки пользовались определёнными правительственными льготами. От казны они получали денежное жалование, были освобождены от рекрутского набора³. При посещении их П. С. Палласом (1771), в Таштыпе было только пять дворов и одна мельница, а в Моноке три двора. Но к ним постепенно приселялись русские крестьяне, многие из которых причислялись к казакам. Почти одновременно с указанными казачьими селениями в XVIII в. в окрестностях караульных постов появились русские крестьянские селения. Ряд селений возник с развитием горного дела в Минусинском крае. По сообщениям П. С. Палласа, в 70-х годах XVIII в. на территории сагайцев, кроме упомяну-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб, 1788, стр. 547.

² Д. П. Потапов. Очерки истории алтайцев, М-Л, 1953, стр. 180.

³ Д. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), стр. 105.

тых казачьих селений, было русское селение Синявино на Нине. В Аскизе оседло жили русский священник и сагайский князёк Амзор. Во многих деревнях крестьяне жили смешанно с казаками. По Енисею, в деревне Каптырево был 21 двор, из них 16 крестьянских и 5 казачьих. В деревне Шунере, расположенной в 5 верстах от Саянского острога, было 5 дворов. В д. Усть-Ойской, кроме «мужиков» (крестьян), занимавшихся земледелием и скотоводством, жили также казаки, служившие в караулах по р. Ое. Несколько ниже от Саянска была деревня Шушь (ныне с. Шушенское), в которой находилось 26 крестьянских дворов, в том числе 5 казачьих. Выше Саянского острога возникло селение Означенное, где также поселялись крестьяне и казаки. Город Минусинск в то время представлял небольшое селение, жители которого занимались исключительно сельским хозяйством. По р. Тубе (правый приток Енисея) были расположены русские селения: Курагино (названное по имени местного князца Хурага), Пойлово, Шелаболино, Листвягово, Мальцево, Капроново и Тубинский городок. На землях, населённых кызыльцами, в XVIII в. «енисейскими мужиками» — крестьянами — были основаны сёла Амыл, Сосновское, Назарово, Сереж, Ужур. У П. С. Палласа также упоминается заимка Копьёво, состоявшая из одного двора, около которого кочевали кызыльцы. Владелец двора выселился из г. Томска. Содержал он здесь почтовых лошадей. В свободное от службы время он занимался выделкой юфтяных кож из местного сырья. На севере по соседству с кызыльцами и качинцами возникли крестьянские селения Игрышное и Балахтинское.

Из вышеизложенного видно, что уже значительная часть Минусинской котловины была заселена русскими ещё в первой половине XVIII в. Более интенсивное заселение происходило в последующие столетия. Русские крестьяне-земледельцы, основавшие здесь селения, осваивали земли под пашни, сеяли зерновые культуры, выращивали овощи, разводили скот (на основе стойлового содержания с заготовкой сена), занимались звероловством и ремеслом и вступали в тесные экономические и культурные связи с хакасами.

Г л а в а II

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА ХАКАСОВ В XVIII—XIX вв.

I. Зарождение и развитие земледелия

К приходу русских местные родоплеменные группы Минусинской котловины вели полукочевой образ жизни. Занимались в основном скотоводством и охотой, а также собирательством. Земледелие находилось здесь в зачаточном состоянии, поэтому оно в экономике существенной роли не играло. Первобытным земледелием издавна занимались сагайцы и бельтиры. Сеяли они морозостойкие культуры: ячмень (ас по-саг., көче по-кач.), ярицу (арыс). Старые приёмы местной земледельческой техники у подтаёжного населения сохранялись частично вплоть до Октябрьской революции, что даёт возможность описать её довольно полно. Земледельческая работа начиналась в конце апреля или в начале мая. Этот период в хозяйственном календаре сагайцев и бельтиров назывался «хыраа сыхчанъ ай» (месяц выезда на пашню) или «хыра тартчанъ ай» (месяц вспашки пашни).

Земля под посевы выбиралась на горных склонах, в прогалинах и вблизи берёзовых рощ. Пахали, вернее разрыхляли почву под посев, примитивным орудием — абылом. Абыл представлял собой железную лопату закруглённой формы. Черенок вставлялся под углом (рис. I). Боронили почву деревянными боровами из суковатого обрубка дерева. Сеяли зерно путём разбрасывания, что значит по-сагайски «үрен саларға» (буквально: семя класть). Удобрения не применялись.

Уборка урожая начиналась в августе месяце, который у сагайцев и бельтиров назывался «хыра кисченъ ай» (месяц срезания пашни) или «ас кисченъ ай»

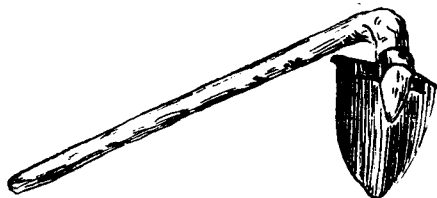

Рис. 1. Абыл.

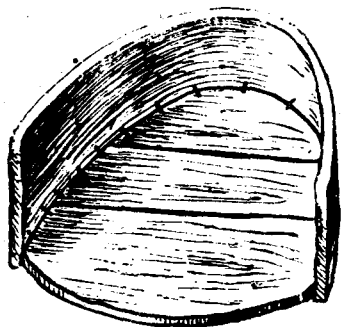

Рис. 2. Лоток (сарфас)
для веяния зерна.

(месяц срезания ячменя). Жали хлеб серповидным орудием (оргах), или выдёргивали руками. Затем связывали в небольшие снопики (поом) и развешивали колосьями вниз на жердях, положенных на высокие козлы. Молотили, когда хлеб достаточно просыхал, в начале сентября месяца. Молотьба была примитивная. Колосья пережигали на огне и собирали в кучу. Солому отбрасывали в сторону. Сагайское и бельтирское название сентября месяца «үртүн айы» или «үртүн алчанъ ай» (месяц сбора жатвы) означает месяц обжи-

гания от «үрт» (палы). Отсюда токи или гумно у хакасов называют «үртүн». Веяли при помощи полукруглого деревянного или берестяного лотка, называемого «сарфас» (рис. 2). Обмолоченный хлеб хранили в берестяных сосудах (тербис), в кожаных мешках или кожаных ящиках (кожа натягивалась на деревянную раму). Мололи зерно ручными каменными или деревянными жерновами (хол тербені). Кроме того, для размельчания зерна применялась деревянная ступа (рис. 3) с пестом, сделанная из обрубка крепкого дерева.

В лексике хакасского языка, в частности сагайского диалекта (сюда входят и бельтиры), наряду со словами ас (ячмень), арыс (рожь), пазах (колос), хуус (мякина), хулга (всходы), чічір, сызыр (солома) отражающими некоторые стороны местного земледелия, существуют и такие слова, как пуғдай (пшеница), сула (овёс). По-видимому, выращивание этих зерновых культур было известно хакасам также издавна. Из технических культур хакасы знали кендырь (дикая конопля). Из волокна кендыря изготавливали холст, сети, верёвки и т. д.

Плужное земледелие среди хакасов начало развиваться лишь с приходом русских крестьян. По сведениям путешественников XVIII в., кызыльцы, сагайцы, бельтиры и койбалы уже со второй четверти XVIII в. умели пользоваться русской сохой¹. Но процесс заимствования и освоения русской земледельческой культуры

Рис. 3. Ступа
для размельчания
зерна.

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным ирвинциям Российского государства, ч. III, СПб, 1788, стр. 498, 527.

И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, СПб, 1776, стр. 13.

протекал различно, в зависимости от характера местных природных условий и традиций. У качинцев, например, преобладало полукочевое скотоводческое хозяйство, и поэтому русская земледельческая культура усваивалась более медленно. По некоторым сведениям качинцы, жившие под Красноярском, уже в начале XVII в. сеяли ячмень и кырлык¹. В литературе встречаются отдельные сведения, что в XVIII в. качинские бедняки собирали дикую гречиху (кырлык) на пашнях у знакомых русских, а некоторые из них, жившие по соседству с сагайцами и русскими, сеяли ячмень². Основная же масса населения качинцев хлебопашеством не занималась³. Хлеб они, как правило, покупали у русских крестьян. Однако часть качинцев занималась хлебопашеством и в XVIII в. Русский исследователь Г. Спасский, побывавший в начале XIX в. в бассейне р. Енисея, писал, например, о качинцах, что «хлеб для многих из кочующих сделался почти столько же необходим, как и для русских. Богатые из них покупают хлеб у сих последних, а бедные достают работою, либо сеют сами»⁴. По неполным данным, в середине XIX в. (1858) абаканскими качинцами было засеяно 105,5 десятин земли⁵, а в 1890 году площадь всей паашки земли качинцев составляла 1 041,7 десятин, засеяно было 477,5 десятин⁶. В начале XX в. у качинцев, по примеру сагайцев и русских, возникает поливное земледелие, значительно расширяется площадь паашки.

Кызыльцы, северные соседи качинцев, занимались в XVIII в. главным образом охотничьим промыслом, рыболовством и скотоводством. Но у северных кызыльцев, живших по соседству с русскими поселениями, постепенно входило в быт и плужное земледелие. В 1824 году кызыльцами было вспахано под посев 68 десятин земли (засеяно 63,8 десятин), а в 1890 году уже было вспахано 2 117,5 десятин и посеяно 825,4 десятин⁷. Сеяли кызыльцы рожь, пшеницу, ячмень, овёс и коноплю. Посевы были незначительными, поэтому кызыльцы, как и качинцы, из года в год покупали хлеб у русских крестьян.

Плужное земледелие быстрее осваивалось сагайцами, бельтирами, койбалами. Путешественники XVIII в. отмечали, что сагайцы и бельтиры землю обрабатывают, наряду с местным ору-

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.-Л., 1941. Приложение № 257 стр. 348.

² И. Георги. Указ. соч., стр. 153.

³ Е. Пестерев. Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как Российских ясажных татарах... «Новые ежемесячные сочинения», СПб, 1793, стр. 14.

⁴ Г. Спасский. Сибирский Вестник, ч. I, СПб., 1918, стр. 23.

⁵ Хакасский областной архив (далее ХОА), ф. 5, оп. I, д. 18, л.л. 9, 10.

⁶ Материалы по исследованию землепользования сельского населения Иркутской и Енисейской губ., т. III, Иркутск, 1893, стр. 686.

⁷ А. Кузнецова и П. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы, Красноярск, 1898, стр. 79.

дием — абылом, русской сохой, которую они называли салда¹, а койбалы — сабан². Г. Спасский указывал, что «бельтиры и сагайцы суть самые лучшие пахари, однако же далеко отстают в сей промышленности от здешних крестьян»³. Размеры посевных площадей были весьма мизерными. Самый лучший пахарь, по сообщению Е. Пестерева, имел не более полудесятины посева⁴. Однако уже в начале XIX в. отдельные земледельцы сагайцев и бельтиров имели посевы от 10 до 15 десятин⁵.

Постепенный рост и развитие земледелия у сагайцев, в состав которых с 1822 г. административно входили бельтиры (а с 1858 г. и койбалы) можно проследить по данным XIX в.:

Год	Засеяно зерна четвертей	Всего засеяно десятин	Общая площадь запашки (десятин)
1825	—	348 ⁶	—
1835	—	556 ⁷	—
1845	—	579 ⁸	—
1858	1675	837,5 ⁹	—
1872	1994	997 ¹⁰	—
1882	3866,5	1928,25 ¹¹	—
1890	—	5126,4 ¹²	10587,7

Вышеприведённые цифровые данные показывают, что наибольшее увеличение посевных площадей хакасов в целом относится к концу XIX в. Этот заметный рост был вызван экономическим оживлением края и спросом местного рынка. Расширение посевных площадей происходило за счёт освоения целинных и мочажных площадей. Вместе с этим совершенствовалась и техника земледелия.

Одним из первых земледельческих орудий, заимствованных от русских крестьян, была одноконная соха (пир ат салдазы), из-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб, 1788, стр. 498.

² Там же, стр. 527.

³ Г. Спасский. Указ. соч., ч. I, стр. 24.

⁴ Е. Пестерев. Указ. соч., стр. 13.

⁵ Г. Спасский. Указ. соч., стр. 24.

⁶ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 206, л. 8.

⁷ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 250, л. 5.

⁸ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 351, л. 6.

⁹ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 634, л. 55.

¹⁰ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 1012, л. 15.

¹¹ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 1285, л. 13.

¹² Материалы по исследованию земледользования сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, ч. III, стр. 686.

вестная в Сибири под названием «соха-рукопашка» или «рогальюха» (рис. 4). Она состояла из основы (а) с железными сошниками (б), соединительного стержня (в), один конец которого вставлялся в основу сохи, а противоположный — в переднюю поперечину (г) оглобли. Верхний конец основы вставлялся в первую поперечину (д). Глубина вспашки регулировалась чекой (е).

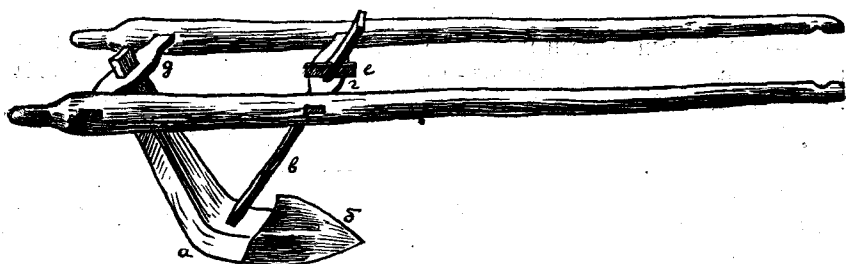

Рис. 4. Одноконная соха (пір ат салдазы)..

Соха-рукопашка была мало пригодна для пахоты степной твёрдой почвы. Ею можно было распахать лишь мягкие земли, расчищенные от кустарников. Недостатком этой сохи было ещё то, что на концах загонов её приходилось поднимать и нести на руках от одной борозды к другой. Насколько широко был распространён упомянутый вид сохи, нам не удалось выяснить. Вероятно, ею пользовалась лишь притаёжная часть населения, где почва наиболее рыхлая и не требует особой обработки. Но по мере распространения более совершенной сохи она вышла из употребления, по-видимому, во второй половине XIX в.

Наиболее широко распространённой ещё в XVIII в. (по памяти современных стариков) была пароконная соха, которую в народе называли «колесухой» или «рассохой» (рис. 5). Эта соха состояла из двух сошников, надетых в рассоху (а), левый сошник был несколько шире правого и загнут под углом (б). Он резал землю по вертикали и горизонтали, а правый сошник только по горизонтали. У русских крестьян левый сошник назывался «мужиком» (по-хакасски «апсагы»), правый — «жинкой» (по-хакасски «ипчізі»). При вспашке земля отваливалась направо при помощи деревянной отвалки (в), прикреплённой передним концом к краю левого сошника и к стержню (г) у основания рассохы. Глубина вспашки регулировалась чекой (д), вдеваемой в отверстие, сделанное в стержне. Корпус сохи к передку прикреплялся при помощи стрелки (е), т. е. перед стрелки накладывался на ось передка и зацеплялся так, чтобы она могла свободно поворачиваться. Это давало возможность регулировать движением сохи во время пахоты. Преимущество этого типа сохи по сравнению с первым заключалось в прочности устройства корпуса и в размерах сошников. Кроме того, в отличие от рогальюхи, в колесуху запрягалось две лошади. Одна, коренная, в оглобли, а другая,

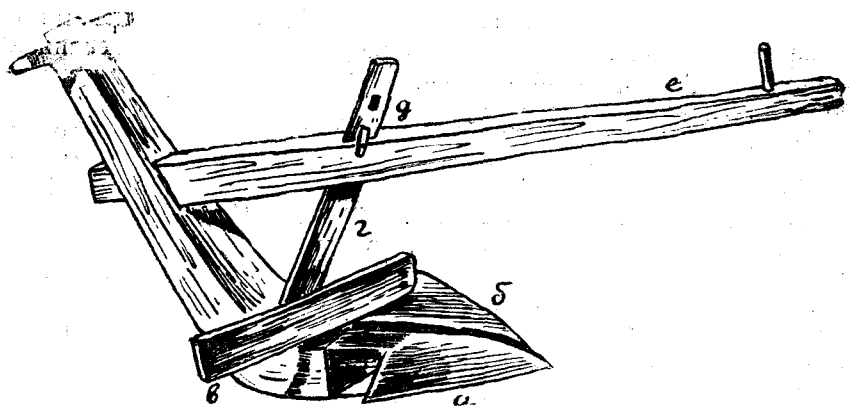

Рис. 5. Соха «рассоха» (азыр салда).

пристяжная — на постромках слева, рядом с коренной. По мере надобности запрягали и больше лошадей. С применением такой тягловой силы можно было распахивать новые земельные угодья степной части. При этом, разумеется, значительно повышалась производительность труда и увеличивалась распашка посевных площадей.

Наряду с указанной сохой, применялась русская соха с одним сошником и предплужником, называвшаяся «одинарец». Время её появления относится к концу XIX в. В начале XX в. появились железные плуги, которые хакасы называли «хара салда» — чёрная соха (рис. 6).

О русском происхождении вышеупомянутых земледельческих орудий свидетельствуют также названия их частей: соха, рассоха, колесуха, стрелка, сошник, отвалка, передки, чека.

Площадь посева измерялась по русскому способу загонами, десятинами. Десятина земли равнялась площади в 40 сажений длины и 80 сажений ширины. Участок в 5 сажений ширины и 40 сажений длины составлял один загон. В одной десятине было 16 загонов. Этот способ измерения пахотной площади хакасы усвоили от русских вместе с заимствованием техники и системы земледельческого труда.

Боронили также заимствованными от русских крестьян бороны. Долгое время применялись бороны с деревянными зубьями, которые прикреплялись в точках пересечения продольных и поперечных перекладин. Постепенно такие бороны были заменены бороны с железными зубьями, что, конечно, улучшило технику боронования. Но в подтаёжных районах бороны с деревянными зубьями сохранялись вплоть до 20-х годов XX в.

Жали хлеб серпом и косой-литовкой заводского производства. Снопы ставились в суслоны. Когда они достаточно про-

сыхали, их складывали в клады (скирды). Молотили цепами и лошаадьми. Веяли хлеб на ветру, подбрасывая зерно деревянной лопатой. Зерно хранили в амбарах, построенных по русскому образцу.

В связи с развитием хлебопашества, у хакасов возникло и мукомольное дело. В улусах, начиная с XIX в., стали появляться водяные мельницы. Так, например, у кызыльцев в 1824 г. было 6 таких мельниц, в 1851 г. — 9, а в 1872 — 8¹. В Аскизском ведомстве, у сагайцев, в конце XIX в. насчитывалось 10 мельниц. Водяные мельницы строили также и качинцы.

Новшеством в хакасском земледелии, начиная со второй половины XIX в., было возникновение и развитие поливного земледелия.

Русские крестьяне, используя следы местных древних оросительных канав, проводили новые для полива посевных площадей. По сообщениям исследователей конца XIX в., первыми начинателями поливного земледелия в Хакасии были русские крестьяне с. Иудина². Они в 70-х годах XIX в. провели оросительные каналы из рек Соса и Кындырла (правые притоки р. Абакана). Хороший урожай от поливных участков явился примером для соседей как русских, так и хакасов. Надо отметить, что хакасы уже были знакомы с оросительной системой. Они проводили каналы, водой которых орошали покосы. Поэтому орошение посевных площадей быстро распространилось почти по всей территории теперешней Хакасии. Так, в Аскизском ведомстве в 80-х годах XIX в. были проведены оросительные каналы³ от р. Еси в сторону р. Тей и обратно от Тей в сторону Еси, (Есь, Тей — левые притоки р. Абакана). Их водой орошали пахотные поля Нижне-Тейской степи. В эти же годы была проведена из р. Еси большая канава, орошавшая Приабаканскую степь между улусами Усть-Есь и Апах. Инициатором проведения канавы был Чебодаев Караблек (по его имени тогда называли канаву — «Караблек канавазы»). В сооружении этой канавы приняли участие бай братья Алексей и Терентий Чудагашевы из Усть-Еси и Апчанай Асочаков из улуса Апах (Бельтир). Их участие заключалось главным образом в материальной поддержке. По данным 1909 г., бай К. Чебодаев пользовался 100 десятинами орошаемой сенокосной и пахотной земли, А. Чудагашев — 70 десятинами, Т. Чудагашев — 40 десятинами, А. Асочаков — 100 десятинами. Рядовое население также имело в поливных землях свой пай, но не более

¹ А. Ярилов. Кызыльцы и их хозяйство, Юрьев, 1899, стр. 233.

² А. Аргунов. Очерки сельского хозяйства Минусинского края, Казань, 1892, стр. 70. Материалы по исследованию землепользования сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. IV, стр. 33.

³ В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края, СПб. 1906, стр. 35.

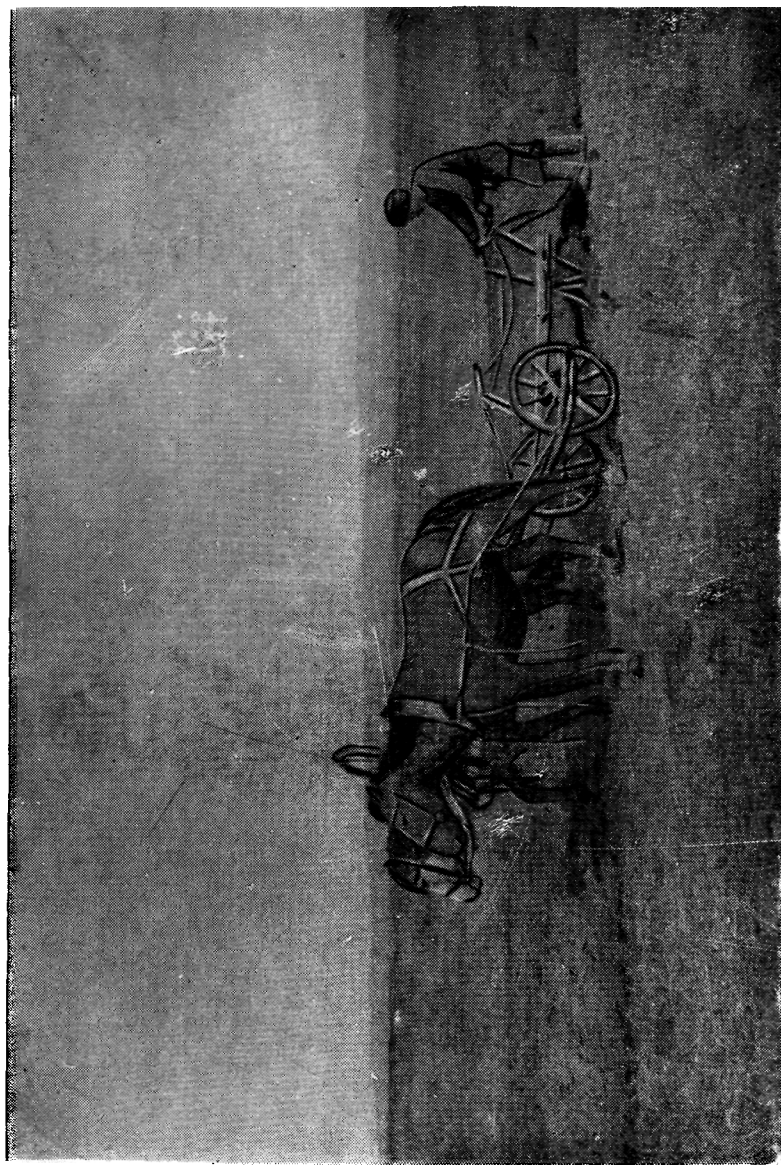

Рис. 6. Пахота.

8 десятин. В конце XIX—начале XX вв. оросительные каналы проводились и в системе других рек Хакасии. К числу их относятся Верхне-Аскизская, так называемая «общественная канава»², Базинская, Сырская, Камыштинская и другие. Ряд каналов был проведён по Уйбатской системе. В 1902 г. был сдан в эксплуатацию Уйбатский канал длиной до 30 км. Это был первый канал в дореволюционной Хакасии, имевший столь большую для того времени протяжённость. Правда, он был построен на «казённые средства» под руководством мелиоратора Майского. Для осуществления общего надзора за водопользованием и работой по очистке и ремонту канала был избран суг пазы (глава воды) Н. И. Окунев, его помощником — Н. Д. Киштымов³. Поливными участками пользоваться разрешалось всем Усть-Абаканским качинцам, жившим близко к каналу. Каждому хозяину-владельцу отводился участок не более 2-х десятин. Хотя официально были установлены равные делянки (паи) для пользования поливными участками, однако, практически они были не равными. Бедняцкая часть населения, не имевшая средств для приобретения сельскохозяйственных орудий, отдавала свой участок за ничтожную плату зажиточным соседям.

Развитие поливного земледелия, освоение под пашни новых земель способствовало расширению посевных площадей. К началу XX века хлебопашество, особенно для сагайцев, становится одной из основных отраслей сельского хозяйства. Уже к этому времени хакасы повсеместно сеяли почти все известные в Сибири зерновые культуры — пшеницу, овёс, ячмень, рожь, ярицу и гречиху. Размеры посевов гречихи были незначительны. Так, например, в 1890 г. сагайцами было засеяно всего 75,5 десятины, кызыльцами лишь 2—3 десятины, а качинцы её не сеяли⁴.

Почти одновременно с плужным земледелием хакасы от русских заимствовали выращивание овощей. В улусах, расположенных впережку с русскими селениями или по соседству с ними, выращивали капусту, брюкву, свёклу, репу, морковь, огурцы и другие виды овощей. Хакасы, жившие в отдалённых от русских селений местах, больше всего выращивали огурцы. Повсеместно была распространена посадка картофеля.

Несмотря на рост и развитие земледельческой культуры, многие хакасы в дореволюционное время земледелием совершенно не занимались. Так, например, по данным 1909 года, лишь 28% качинцев имели свои посевы, у кызыльцев к 1917 г. земледелием занималось 47% населения, у сагайцев в 1890 г. —

¹ Материалы статистико-экономического обследования 1909—1910 гг. Рукопись хранится в Красноярском краевом музее под шифром 338 (09) № 51.

² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 203.

³ В. Ю. Григорьев. Указ. соч., стр. 36.

⁴ Материалы по исследованию землепользования сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. III, стр. 650, 684, 686.

74,8%, а в 1917—86,7%¹. Таким образом, ведущей отраслью хозяйства дореволюционных хакасов по-прежнему оставалось скотоводство.

2. Скотоводство

Скотоводство было основным занятием хакасов. Их богатство определялось количеством скота. Разведению скота благоприятствовала сама природа Хакасии. На зелёных лугах и долинах, на степных и лесостепных просторах хакасы могли содержать огромное количество скота на естественных пастбищах, кочуя с летних стоянок на зимние и обратно.

Хакаское скотоводство было экстенсивным. Скот круглый год находился на подножном корму. Скотоводством больше всего занимались качинцы, жители степных и лесостепных местностей, чем их соседи: кызылцы, койбалы, бельтиры. Отдельные зажиточные качинцы имели по несколько десятков табунов лошадей, стада коров и большие отары овец. «Лошадиных табунов, — писал Е. Пестерев о качинцах, — имеют от тридцати до пятидесяти... рогатого скота и баранов у них весьма довольно, есть такие татары, которые каждый год могут продавать от пятидесяти до ста быков»².

Сведения о скотоводческом хозяйстве хакасов мы имеем больше по материалам XIX в. Характер и приёмы ухода за скотом на протяжении XIX в. изменились незначительно по сравнению с предшествовавшим столетием. Поэтому материалы, собранные нами (в основном путём опроса стариков), позволяют более подробно остановиться на данном вопросе.

Хакасы разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и частично коз. Значительное внимание обращалось на разведение лошадей. Лошади служили средством передвижения, мясо их было одним из основных продуктов питания, из шкур изготовлялись различные предметы хозяйственного назначения, из конских волос вили верёвки и арканы.

Богатство и разнообразие названий по возрастным признакам лошадей и по их масти в современном хакасском языке свидетельствуют о том, что коневодство у хакасов велось издавна.

Лошади подразделялись на гулевые и рабочие. За гулевыми лошадьми особого ухода не было. Они круглый год находились под открытым небом на подножном корму. Зимой, во время тебенёвки, гулевые лошади добывали себе корм, разгребая копытами снег. В буран сбивались в кучу в укрытых от ветра местах. Гулевые лошади паслись косяками. Косяк обычно состоял в среднем из 20—30 кобылиц с одним жеребцом-производителем. Жеребец самостоятельно водил косяк, не смешивая его с лошадьми других косяков, пасущихся рядом. Лошади

¹ Л. П. Поталов. Указ. соч. стр. 179, 191, 201.

² Е. Пестерев. Указ. соч., СПб, 1793, стр. 14.

сами могли защищаться от нападения волков. Молодняк загонялся в середину круга, лошади становились головой к центру с тем, чтобы задними ногами отбиваться от зверей. Жеребец, как «охранник», оставался вне круга, вступая часто в единоборство со зверем.

Способность жеребца охранять и самостоятельно водить косяк освобождала хозяина в некоторой степени от постоянного надзора за гулевыми лошадьми. Хозяин особую заботу по уходу за гулевыми лошадьми проявлял лишь весной, присматривая за жеребыми кобылицами, хотя жеребёнок с первого же дня своего появления оставался в составе косяка.

Летом, в мае месяце, до наступления жарких, знойных дней, производилось обрезание грив и хвостов, таврение и кастрация лошадей. У баев, содержавших по несколько косяков, в это же время из молодняка комплектовался новый косяк. Жеребца-производителя выбирали из потомков рослых и крупных маток.

Надо сказать, что баи содержали специальных коневодов, в обязанность которых входили уход за лошадьми и работа по хозяйству.

Рабочих лошадей зимой содержали при дворе, в открытых или полукрытых конюшнях. Кормили сеном. С развитием земледелия лошадям, кроме сена, стали давать ещё овёс и овсяную солому.

Летом в свободное от работы время лошадь выпускалась в пугах на пастбу. В полевых условиях, на сенокосе или на хлебоуборке лошадей на ночь также отпускали в пугах или привязывали на аркане за кол и по мере вытаптывания травы переносили кол на другое место.

Коневодство, как упоминалось выше, было развито у хакасов с древнейших времён. Лошадь, как известно из фольклора, считалась первым другом и спасителем хозяина. Особенно ярко выступает эта особенность в героических сказаниях хакаского народа. С коневодством были связаны некоторые народные игры и развлечения, в том числе соревнования по бегу (марыҕ). В праздничные дни устраивались бега и скачки с довольно значительными ставками на пари. Беговые лошади отбирались из молодняка 1,5—2-летнего возраста.

У хакасов, подобно другим скотоводческим народам, существовали дифференцированные названия лошадей. Жеребёнок до 1 года назывался хулун, хулунчах (жеребёнок-самец — иргек хулун, самка — тизі хулун), молодняк от года до 2 лет — чабаҕа (самка — тизі чабаҕа, самец — иргек чабаҕа), жеребчик от 2 до 3 лет — тай, кобылица этого возраста — хызырах, кобылица с первого плодоношения — хызырых пий или просто пий, жеребец от 3 лет и старше носил название — асхыр, жеребец, водящий косяк — оёр пазы асхыр, а кобылица, возглавлявшая передвижение табуна, называлась оёр пазы пий.

Кличками служили масти лошадей: гнедой (торыҕ), воро-

ной (хара), рыжий (чгрен, поэрах), бурый (күренъ), саврасый (сарыг), голубой (кёк), буланый (хула), пегий (ала), соло-
вый, серый (ой), игреневый (сабдар), мухортый (халтар), бело-
лобый (хасха), в яблоках (чохыр) и т. д.

Важное значение в жизни хакасов имело разведение крупного рогатого скота. Крупный рогатый скот давал основные мясомолочные продукты, шкура шла на одежду и на хозяйственные нужды. Местной породы скот был низкорослый и малопродуктивный, но приспособленный к местным климатическим условиям. Он легко переносил зимние морозы. Крупный рогатый скот, как и гулевые лошади, почти круглый год находился на подножном корму. В отличие от лошадей, за ним чаще присматривали. В зимнее время стадо паслось под присмотром самих хозяев, а у зажиточных баев под наблюдением наёмных пастухов. Корм давался лишь в неблагоприятную погоду, так как его готовили в очень ничтожном количестве. Полеводство было слабо развито. Скотные дворы были открытые или полукрытые. Для телят же строились крытые стойки. Телёнок зимнего отёла первые дни содержался в жилом помещении, где жили сами хозяева.

Летом хакасы перегоняли стадо коров на летнее пастбище. Здесь заготавливали молочные продукты: масло, сыр (пызлах), хурут, пічірб¹ и т. д. К зиме возвращались обратно в зимник. Как правило, в летниках строились для скота открытые пригоны. Кочевали в пределах от 1 до 8 км. А выгоны для скота простирались далеко за пределами расположения улусов.

Доеение было подсосное. Доили два раза в день: утром и вечером. После утренней дойки коров выпускали на пастбище, а вечером ко времени дойки они возвращались сами. Молоко до конца не выдаивали. Оставляли для телёнка, так как телёнок, получавший в достаточном количестве молока, быстро рос и легче переносил зимние морозы.

Случка была произвольная. Из рослых и крепких бычков отбирался племенной бык, который постоянно находился в стаде. Волы, яловые коровы, называемые субай мал, исчислявшиеся у баев иногда несколькими десятками голов, содержались отдельно от дойных коров под присмотром наёмных пастухов. Весной быки кастрировались. Волы у хакасов как тягловая сила не использовались, их чаще всего откармливали для продажи и забоя.

Крупный рогатый скот так же, как и лошади, в зависимости от возраста и пола, носил определённые названия. Телёнок со дня появления на свет до 6 месяцев назывался пызо. Молодняк от 6 месяцев до 1 года — торбах (название торбах перешло в язык русского населения, так как торбаки были здесь своеобразной меновой единицей). Тёлка от 1 до 2 лет — хазыра.

¹ См. Раздел «Пища».

Первотёлка называлась частуур. Со второго отёла именовали просто инек (корова). Бык—пуға. Кастрированный бык (вол)—тазын.

Из мелкого рогатого скота хакасы много разводили овец. Баранина у хакасов была одним из излюбленных блюд. Из овечьей шерсти изготавливали войлок, катали обувь, вязали чулки и варежки. Хакасы умели искусно выделывать овчины. Из выделанных овчин изготавливали основные виды одежды: шубы, шапки, рукавицы, обувь, штаны и зимнее одеяло (чорган).

Разведение овец во многом зависело от местных географических условий. Хакасы степной части овец держали в значительном количестве. У баев, например, стада овец исчислялись сотнями, а иногда и тысячами голов. Население подтаёжной части овец держало гораздо меньше, чем степные жители. Глубокие снегопады при отсутствии достаточной заготовки кормов не позволяли подтаёжным жителям вести большое скотоводческое хозяйство. У них овцы днём находились в открытых загонах и выпускались только на пастбу. Их кормили сеном, а на ночь загоняли в утеплённые овчарни.

В степях отары овец круглый год находились под открытым небом на подножном корму. Зимой их держали в горах, в укрытых от ветра местах.

Летом овец пасли на степных просторах. Качинцы, например, расселявшиеся по правому берегу нижнего течения р. Абакана выше горы Ызых, улусов Сартыкова, Шоева, Дорина, Килижекова, Аршанова, Конгарова и других, зимой свои отары держали в долинах горы Сахсар, расположенной между реками Уйбат и Камышта (левые притоки Абакана). Сюда же на зимнее содержание пригоняли свои отары и усть-абаканские качинцы, жившие в улусах по левому берегу р. Абакана. Здесь для овец специальных загонів не делали. Вместо них наподобие изгороди разбрасывали деревья (тальник, берёзу) для задержания снега. Таким путём образовывались укрытия в виде загонів, куда на ночь загонялись овцы. Днём с раннего утра до вечерних сумерек овцы паслись в поле.

Весной для летнего содержания отары перегонялись в степи. Качинцы правого берега р. Абакана гнали свои отары на койбальские степи и в район Сорока озёр (Хырых кёл). Качинцы левого берега останавливались на Уйбатских степях.

Мелкий рогатый скот, в отличие от другого вида скота, требовал за собой постоянного надзора. Зажиточные хакасы нанимали пастуха (чабана), который постоянно находился на пастбищах. В мелких хозяйствах зимой за овцами присматривали сами. Весной, после окота, с конца мая до октября месяца овцы и бараны (отдельно) отдавались наёмному пастуху. Последний набирал отару обычно около 1000 овец от различных хозяев, у каждого из которых были свои метки (ин), вырезанные на ушах овец. Учёт сдаваемых и принимаемых овец вёлся

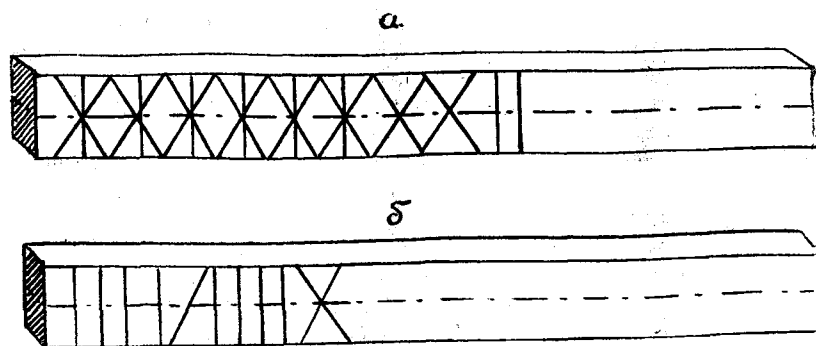
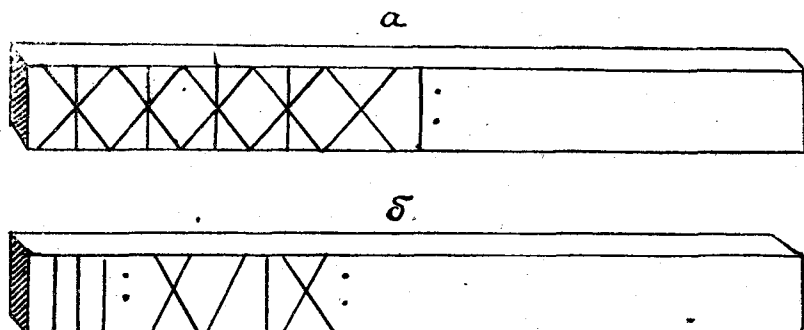

Рис. 7. Счётные палочки: а) лицевая сторона, б) оборотная сторона.

по счётной палочке, называемой у качинцев «рубас», а у сагайцев — киртік (зарубка). Палочка служила как бы распиской (рис. 7).

В указанном рисунке цифры означают: Ж—100, 1—1; 11—2, III—3, IIII—4; /—5; /I—6; /II—7; /III—8; /III—9; X—10.

Счётная палочка имела длину 40—50 см, ширину 2—2,5 см, а толщину около 1 см. На лицевой стороне палочки вырезывались цифры, показывающие количество овец, сданных пастуху, на оборотной стороне — цифры, означающие число овец, взятых хозяином обратно от пастуха в течение сезона. Палочка расщеплялась вдоль по середине на две половины. Одна половина хранилась у пастуха, а другая у хозяина. При расчёте эти половинки сличались. Часто вместо одной палочки, расщепляемой

Пунктиром обозначена линия расщепления.

Рис. 8. Счётные палочки: а) лицевая сторона, б) оборотная сторона.

на две части, делали по две палочки одинаковых размеров и с одними и теми же цифрами. Одна из них оставалась у хозяина, а другая отдавалась пастуху. Но при этом за последними знаками вырезывались точки или просто знаки, означающие, что дальше вырезов не было (рис. 8).

На рисунке 86 изображено, что хозяин от пастуха брал овец три раза. После каждого взятия вырезывалось двоеточие. При расчёте палочки, как и в первом случае, сличались.

С XIX в., по примеру русских крестьян, хакасы стали разводить свиней. Кызыльцы и сагайцы разводили свиней больше, чем качинцы. Это объясняется тем, что качинцы вплоть до начала XX в. оставались полукочевыми, что, конечно, не способствовало разведению свиней. Кроме того, как уже говорилось, они мало занимались хлебопашеством, отходы которого шли на кормление домашнего скота, особенно свиней. По данным 1890-91 гг. у кызыльцев было 364 свиньи, у качинцев — 16, у сагайцев — 563¹. Разводили свиней для собственного потребления.

Из птиц хакасы разводили кур. Как давно стали их разводить, трудно сказать. Но археологические раскопки, проведённые Л. Р. Кызласовым на Изыхском Чаа-тасе в 1951 г. показали, что кур здесь разводили с древнейших времён². По сведениям путешественника П. С. Палласа, известно, что хакасы, в частности койбалы, в XVIII в. держали кур. А в последующие столетия, наряду с курами, по примеру русских, хакасы стали разводить в небольшом количестве гусей (хас), уток (өртек) и индеек.

Скот у хакасов, как указывалось выше, в основном содержался на естественных пастбищах, на подножном корму.

Стойловое содержание скота хакасов с заготовкой сена возникло под влиянием русского оседлого скотоводческого хозяйства. По рассказам стариков, хакасы сено сначала заготавливали весьма примитивным способом. Они траву не косили, а вырывали руками, резали серповидным ножом (орғах), срезанную траву скручивали в жгуты или связывали в небольшие пучки (поғы) в виде снопиков и для просушки развешивали на ветвистых тальниках (хара талларда). Вполне естественно, что при таком способе заготовки сена невозможно было обеспечить скот на зиму кормом. Для зимнего содержания рабочих лошадей, рассказывают старики, рядом с их зимней стоянкой на лугах вбивали в землю колья, за которые привязывали лошадей длинными арканами. Человек, приготовивший для зимы до 50 колея, считался самым богатым. Но они помнят, что их отцы и деды сено косили косой-горбушой (игір сапхы—кривая коса). По-видимому, коса-горбуша (рис. 9) у хакасов в XVIII в. стала заимствоваться от русских крестьян. Она кое-где бытовала и в конце XIX в. Косой-горбушей траву косили на обе стороны. Скошенная трава беспорядочно разбрасывалась. Производительность труда была крайне низкой. Позднее, очевидно, с се-

¹ Материалы по исследованию землепользования сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. III, стр. 643—644, 679—680.

² Л. Р. Кызласов. Археологические свидетельства о разведении кур в древней Сибири, журнал «Советская этнография», № 1, 1956, стр. 112.

редины XIX в., в Хакасию была завезена коса-литовка. Во второй половине XIX в. она распространилась повсюду, вытеснив горбушу. Коса-литовка по сравнению с горбушей была намного удобней, её применение значительно повысило производительность работы и дало возможность увеличить запасы сена. В связи с этим изменилась и техника уборки сена. Сено сушили на земле в рядах (нан), сгребали в валы (арга) и ставили в копы (көпен). Из копен складывали стога-зароды (улам). Сено заготавливали всей семьёй. В конце XIX в. многие семьи сено стали заготавливать не только для своего хозяйства, но и для продажи. Байская верхушка на сенокос обычно устраивала помочи («помыс» по-хак. от русского слова «помощь»). На помочи приглашались все родственники одноулусники, даже из соседних улусов. Участники помочи приходили со своими косами. Они у хозяина обедали и ужинали. На этот случай хозяин колол, в зависимости от количества людей, барана или крупный рогатый скот, после ужина обильно угощал вином. Оплата за труд не производилась. Дальнейшая работа по уборке сена выполнялась трудом наёмных работников. Сено заготавливали около зимников на лугах, мочагах. Луговые покосы распределялись между членами сельского общества. Мочагами пользовались лишь те члены, которые участвовали в проведении оросительной канавы. С развитием земледелия появились покосы на залежных землях (көлей), являвшихся частными и наследственными. Степные и лесостепные угодья с хорошим травостоем под сенокосы использовались по принципу захвата: «кто вперёд успеет». Занятый участок переходил в частное владение. В этом деле преуспевала байская верхушка, у которой хозяйство держалось на труде наёмных работников. В конце XIX в. у некоторых баев уже были сенокосилки и конные грабли.

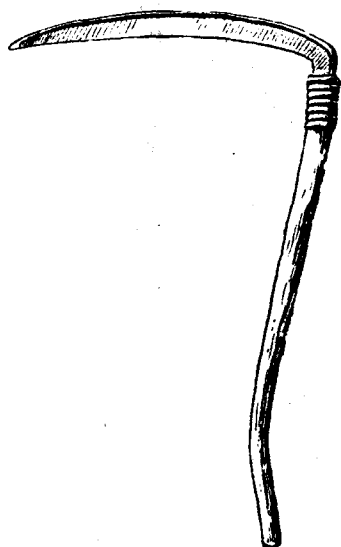

Рис. 9. Коса-горбуша.

Стойловое содержание скота с заготовкой сена способствовало строительству улучшенных скотных дворов. Постепенно в зимниках или оседлых улусах наряду с открытыми и полуоткрытыми пригонами строились зимние скотные дворы. Уже с середины XIX в. зимние скотные дворы можно было видеть почти во всех улусах. В строительстве дворов, как и в сенокосении.

примером служила русская строительная техника, которую хакасы охотно заимствовали. По русскому типу строились ограды, хозяйственные дворы, сараи и т. д. Так, русская хозяйственная и строительная техника оказывала благоприятное влияние на развитие скотоводческого хозяйства хакасов. Но были факты и обратного влияния.

Русские крестьяне, жившие по соседству с хакасами, находясь с ними в одинаковых природных условиях, не могли, безусловно, не заимствовать некоторые методы ведения хозяйства местного населения, приспособившегося к местным условиям издавна. Степные крестьяне, как и хакасы, держали значительное количество скота, табуны лошадей на подножном корму в течение круглого года. Но в основном пастбищное содержание у них сочеталось со стойловым содержанием. Так, например, П. Аргунов, характеризуя хозяйственное состояние русских крестьян Минусинского края, писал, что «крестьяне степных местностей, хотя и не так богаты скотом, но всё же в этом отношении стоят ближе к инородцам, нежели к крестьянам нестепного района». «У инородцев и степных крестьян, — отмечал он, — табунные лошади даже зимой не получают иного корма, кроме того, что они сами достают из-под снега, разгребая его копытом»¹. На это обратил внимание также другой исследователь В. Ю. Григорьев. Достаточно вспомнить, что, например, «крестьяне Абаканской и Новосёловской волостей, — писал он, — в тех их частях, кои занимают левое побережье р. Енисея, ведут хозяйство по своему характеру и системе весьма напоминающее соседство инородческое, чтобы, пожалуй, видеть следы влияния на русских инородческой культуры»².

Заимствование хакасами от русских крестьян стойлового содержания скота с заготовкой сена и некоторое влияние хакасской скотоводческой техники на русское крестьянское скотоводство положительно отражалось на развитии скотоводческого хозяйства как русских крестьян, так и местного хакасского населения, взаимно обогащая друг друга народным опытом.

3. Промыслы и ремёсла

а) Охота.

Охота, как одна из отраслей промысла, у хакасов существовала с давних времён. Охотой преимущественно занималось подтаёжное население. Однако в рассматриваемый период и у подтаёжных жителей она не являлась основным занятием, а сочеталась главным образом со скотоводством. Охотники также имели небольшие посевы. Тем не менее, охотничий промысел

¹ П. Аргунов. Очерки сельского хозяйства Минусинского края, Казань, 1892, стр. 103.

² В. Ю. Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края, СПб. 1906, стр. 55.

играл значительную роль в хозяйстве подтаёжных жителей, в частности у сагайцев, бельтиров, койбалов. Пушшиной платили ясак, пушнина была единственным средством для приобретения жизненно важных товаров. Мясо крупных зверей употреблялось в пищу, шкура шла на продажу или использовалась в домашнем хозяйстве.

Промышляли хакасы на соболя (албага), выдру (хамнос), лисицу (түлгү), белку (тиин), зайца (хозан), бурундука (көрік), горностая (хара хузурух), колонка (холанах), ласку (тохтанах), хомяка (хара паар), суслика (өрке), рысь (чохыр ань), росомаху (хуну), медведя (аба), барсука (морсых), кабаргу (табырга). Из парнокопытных охотились на марала (сыын), лося-сохатого (пулан), оленя (ах киик) и на дикую козу (киик).

В XVIII веке койбалы, бельтиры и сагайцы добывали ещё и бобров¹. Но в XIX в. бобры полностью были истреблены.

Приёмы и способы охоты у хакасов были разнообразными. Опишем некоторые из них по сведениям, собранным от стариков-охотников.

Одним из распространённых приёмов охоты была гоньба по насту. Ледяная корка, образовавшаяся на снегу вследствие ранних оттепелей и наступивших за ними заморозков, не давала зверю быстро бежать. По насту на лыжах охотники гнали в основном марала, сохатого, оленя. Догнав измученного зверя, убивали его дубиной или ножом. Погоня не всегда была удачной. Иногда зверя приходилось преследовать по несколько суток. С. Т. Султреков, житель Таштыпского района, рассказывал, например, что в 90-х годах XIX столетия ему однажды пришлось преследовать марала в течение двух суток, лишь на третьей сутки он догнал загнанного зверя и убил его ножом. Другой известный охотник Бурнаков Сатань рассказывал, что раньше крупных зверей добывали только гоньбой, били ножом, привязанным на длинную палку в виде копья (чыда).

Летом марала и сохатого подкарауливали и добывали на водопоях и солонцах. Осенью во время случного периода на них охотились с помощью «пырғый». Пырғы представляла собой конусообразную трубу, длиной около 50—60 см (рис. 10). При её помощи издавали звук, похожий на крик самца. Делалась пырғы из хвойного дерева и состояла из двух выдолбленных половинок, плотно скреплённых деревянными или берестяными кольцами. Иногда эти половинки обтягивались кишкой или телёчьей кожей. Для того чтобы получить звук, подражающий голосу марала, узкий конец пырғы вставлялся в угол губ, и воздух втягивался в себя. При звуке пырғы самец, находившийся в поисках самки, не заставлял себя долго ждать. Он сам приходил на крик, чтобы вступить в драку с соперником.

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, кн. I, СПб. 1788, стр. 527.

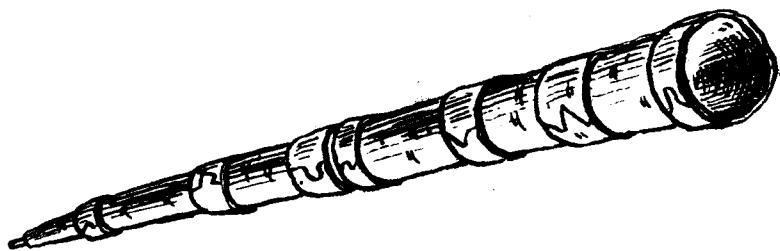

Рис. 10. Приманка (пыргы).

Из добываемых парнокопытных зверей самыми многочисленными были дикие козы, которых за сезон убивали десятками. Мясо шло в пищу, шкура на одежду.

Сезон охоты на диких коз начинался осенью, с первых снегопадов, когда они из тайги по первому снегу переходили на мало-снежные просторы. На пути коз рыли ямы, ставили самострелы. На переправах через реки стреляли из засады. В горах устраивали коллективные облавы с загонами. Стреляли из ружья, гнали по насту. Летом коз добывали на солонцах (хучур).

Кабаргу ловили петлёй (тузах) и самострелом. Она обитает в горных скалах, в труднодоступных для человека местах. Поэтому охотиться на неё с ружьём не представлялось возможным. Кабарга, рассказывают охотники, настолько чутка, что не подпускает к себе охотника на расстояние ружейного выстрела. На тропах зверя охотники устраивали изгороди с проходами, протяжённостью около 100—150 м. На проходах привязывали петли из толстой конопляной бечёвки или ставили самострелы. Мясо кабарги не ели. Добывали её ради мускусной железы, которая высоко ценилась в медицине и шла на продажу.

Охота на медведя была всегда коллективной. Сопровождалась она различными обрядами. Наиболее подходящим временем добычи медведя считалась зима, декабрь месяц, когда медведь находился в глубокой спячке. Охотник, обнаруживший медвежью берлогу, делал пометки на деревьях. Возвратившись домой, он организовывал группу в 3—4 человека, с которой отправлялся поднимать медведя. К берлоге шли тихо, без лишнего разговоров, чтобы преждевременно не встревожить зверя. Ознакомившись с местностью, с внешним устройством берлоги, заготавливали в стороне нужное количество жердей. Затем, осторожно расчистив вход в берлогу, два человека с противоположных сторон запускали в берлогу жерди с толстыми концами так, чтобы они перед выходом легли крест-на-крест, а концы упирались в стенки. Тонкие концы жердей привязывались к дереву. Другие члены группы с ружьями караулили выход мед-

ведя. Достаточно загородив выход зверя, в берлогу запускали развилистую палку. Встревоженный зверь, выбегая, останавливался перед перегородкой, тут охотники его и подстреливали. Иногда вместо такой палки в берлогу засовывали небольшое бревно с обрубленными ветками. Ветки стягивались к стволу верёвкой. Зверь хватал бревно и тянул к себе. При этом верёвка срывалась, ветки выпрямлялись, загораживая выход из берлоги. Затем бревно постепенно вытягивали, и следовавшего за бревном медведя убивали ружейным выстрелом. Добывали медведя также путём выкуривания. Медведь от дыма, рассказывают охотники, моментально задышался. Добыча медведя вне берлоги носила случайный характер.

Пушных зверей, которые имели исключительно товарное значение, добывали при помощи различных ловушек и приспособлений. Степных мелких зверьков (сусликов, хорьков и др.) ловили ловушками, петлями из конских волос. Представляют особый интерес приёмы охоты на соболя, за которым во 2-ой половине XIX века охотники продолжали ходить в самые отдалённые и глухие районы тайги. Охотились коллективно в 3—4 человека. Охота начиналась после первого же снегопада. Добывать находившегося в норе зверя помогала собака. Соболь обитался чаще всего в каменных россыпях, в дуплах деревьев, под корнями. Убежище его окружалось сетью длиною обычно в 70—80 м и шириною больше 1 м. Верхний край сети устанавливался на палочках, нижний придавливался к земле, засыпался снегом. На ночь к сети привязывали колокольчики. Установив сеть, выкуривали или подстерегали соболя до тех пор, пока он сам не выйдет. Выбежав, соболь натёкался на сеть, запутывался. Здесь его убивали лыжной палкой, имеющей вид лопаты. Кроме описанного способа, соболя добывали настораживанием самострела, выстрелом из ружья, а также ставили волосяные петли.

Самыми распространёнными видами ловушек местного происхождения были примитивные ловушки спускового устройства¹.

Универсальным орудием охоты у хакасов в прошлом считался самостерл (рис. 11). Самостерл (ая) состоял из шести частей: основы (харлых), лука (чахах, ухча), стрелы (соган), курка (хыйлағ), бойка (іргек) и шнура с петлёй. Основа, лук, стрела изготавливались из лѣственничного дерева (пағыр ағас), а курок и боёк — из берёзы. Длина лука была равна среднему росту человека, а иногда даже выше. Ширина в 4—5 см, толщина в 2—2,5 см. Средняя часть лука оставалась утолщённой, на неё накладывалась основа. Тетиву (кіріс) свивали из волокна дикой конопли (киндір). Основа представляла собой прямую палку с заострённым концом, длиною немного

¹ Описание такого рода ловушек см. Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племён Северного Алтая. Ленинград, 1935, стр. 67—69.

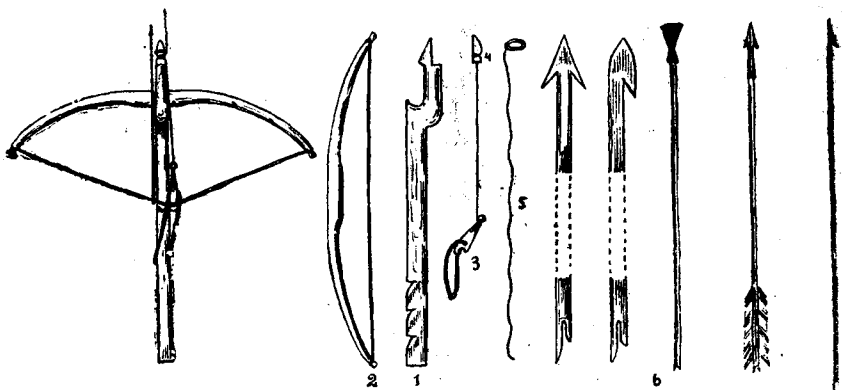

Рис. 11. Самострел (ая): 1) основа (харлых), 2) лук (чацах ухча), 3) курок (хыйлағ), 4) боёк (іргек), 5 шнур с петлёй (чіп), 6) стрелы (соған).

более 1 м, шириной в 5—6 см, толщиной в 3—4 см. На основе вырубались три зарубки (сиртік), за них зацеплялась верёвка курка. На переднем конце основы наверху и внизу вырубалось два выреза. Нижним вырезом при настораживании основа накладывалась на лук, а к верхнему прикладывался боёк.

Описанный тип самострела больше бытовал у кызыльских охотников. Сагайский самострел, в отличие от кызыльского, не имел бойка. Самострел настораживался с помощью курка, присоединявшегося непосредственно к основе петлём. Стрела самострела вытачивалась также из дерева (берёзы, черёмухи), длиной в 70—80 см, снабжалась железным наконечником.

Устанавливали самострел на трёх кольях, вбитых в землю треугольником. На двух из кольев с рогатками и стоящих на одной линии укреплялся лук, а третий поддерживал основу. После установки производилось настораживание. Натянутая тетива во взведённом состоянии держалась на курке, который посредством бойка закреплялся к основе петлём, удерживающей самострел во взведённом положении. От петли через звериную тропу протягивался шнур длиной в 4—5 м. Высота установки самострела измерялась специальной меркой (рис. 12), соответственно росту зверя. Вдетую на тетиву стрелу клали на лук вдоль основы. Выстрел получался от прикосновения к шнуру, так как при этом петля, удерживающая самострел во взведённом состоянии, срывалась. Стрелы самострела, как показано на рисунке, были различных типов. Для крупных зверей применялись стрелы с железными наконечниками плоской или трёхгранной формы.

Рис. 12.
Мерка (син).

Самострелы устанавливались десятками, а иногда и сотнями на выдру, росомуху, рысь, кабаргу, на диких коз и на других зверей. Летом 1954 г. в улусе Лырсы, Аскизского района, 82-летний старик С. Т. Боргояков рассказал нам, что его отец имел около сотни самострелов. В доказательство он показал нам связанных в один узел 75 курков от самострела, сохранившихся от 70-х годов XIX в. Во второй половине XIX в. самострелом уже не пользовались. Он был вытеснен охотничьим огнестрель-

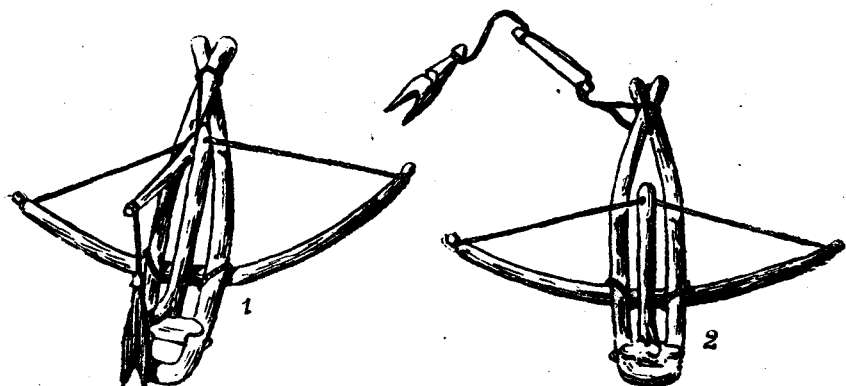

Рис. 13. Ловушка спускного типа (сіргей): 1) сіргей взведённый, 2) сіргей невзведённый.

ным ружьём. К тому же, пользование самострелом было запрещено официальными властями, как орудием, представлявшим опасность для скота и для людей.

Мелких зверей (колонка, ласку, горноста́я) ловили ловушкой, называемой сіргей (рис. 13).

Одним из основных видов охотничьего оружия у хакасов был простой лук со стрелой. Луком они пользовались с давних времён. Стрела, предназначенная для добычи мелких пушных зверей, делалась на конце с утолщением в виде набалдашника (рис. 14). Такая стрела не портила шкуру зверя. Лук был длиной немного более одного метра. Что касается лука сложного типа, то о пользовании им хакасами в XVIII—XIX вв. мы сведений не имеем. Правда, в коллекциях Абаканского музея краеведения имеется один сложный лук с роговыми обкладками, найденный у бельтиров. Видимо, в более ранние времена хакасские охотники пользовались и сложным луком.

Охотничий промысел у хакасов стал более эффективным с применением огнестрельного ружья фабричного производства, привезённого русскими ещё в XVIII в. Старинное ружьё хакаских охотников было кремнёвое. Во второй половине XIX в. появились пистонные ружья и берданки.

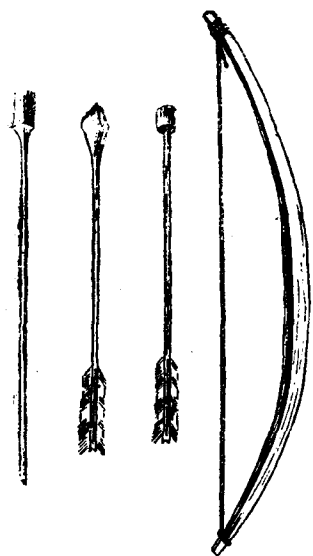

Рис. 14. Лук и стрелы.

в небольшие артели в 3—5 человек. В артель принимались на равных правах и подростки 15—16 лет. Старшим артели считался один из старейших опытных охотников, хорошо знающий тайгу и повадки зверей. К старшему относились с почтением, его указания и советы выполнялись членами артели беспрекословно. В тайгу каждый член артели брал с собой равное количество охотничьих припасов и продуктов питания, но расходовали всей артелью сообща под наблюдением старшего. Добыча между членами артели распределялась поровну.

Хакасы были пешими охотниками. На лошадях привозили продовольствие и снаряжение лишь до охотничьих угодий. В зимнее время охотились на лыжах. Лыжи были с ремённым креплением и подбивались конской шкурой. Продукты и добычу

Ружейные принадлежности (боеприпасы) охотники носили на себе в специальном наборе, называемом **натрўске** (рис. 15). **натрўске** представляло кожаный пояс, к которому прикреплялись пороховница (**тар урчань**) из коровьего рога, дробница или роговой сосудец, кожаный мешочек для дроби (**дробь урчань**), роговой футлярчик для пистонов (**пистон урчань**), роговая мерка (**син**) для пороха и дроби.

Несмотря на наличие огнестрельного ружья, охотничьи ловушки, самострелы и разные приспособления широко применялись на протяжении всего XIX в.

Заканчивая краткий обзор охотничьего промысла, следует упомянуть об организации труда в охотничьих угодьях.

Рис. 15. Натрўске: 1) пороховница (**тар урчань**), 2) дробница (**дробь урчань**), 3) футляр для носки пистонов (**пистон урчань**), 4) мерка (**син**).

перевозили на ручных нартах. Одевались хакасские охотники в обшитые холстом войлочные штаны и куртки, которые можно было носить при любой погоде, обувались в обычную кожаную или камусовую обувь (öдік, маймах) без каблуков. Шапки были меховые, рукавицы также меховые или вязаные. Каждый охотник, как правило, на поясе носил нож в ножнах и огниво.

Охотничье угодье, как и общая территория, являлось общинным. Группа охотников, промышляя из года в год на определённой территории, постепенно закрепляла её за собой на правах групповой собственности. Подобные участки назывались иногда по имени старшего охотника. Так, в верховьях реки Абакана у бельтиров известны охотничьи угодья Карбая (Карбай суу), Опаная (Опанай чулы), Акачака (Акачак тыгы).

Позднее, особенно в течение XIX века, в связи с освоением и заселением края и хищническим истреблением зверей, границы родоплеменных охотничьих угодий нарушались. Охотничьи артели стали выбирать место охоты в зависимости от наличия зверя. К тому же, охотничий промысел, имевший с древнейших времён вплоть до конца XVIII в. столь важное значение в экономике подтаёжных хакасов, в XIX в. под влиянием развития земледельческой культуры, стал уступать своё место более производительным видам хозяйства — скотоводству и земледелию. А к концу XIX в. охотничий промысел стал уже второстепенным занятием хакасов.

б) Рыболовство

Рыболовство было слабо развито и являлось лишь подсобным занятием некоторой части хакасов. Рыба шла главным образом для местного потребления. В местных реках и озёрах добывали тайменя (пил), ленка (күскүс), хариуса (хоора), щуку (сортан), окуня (ала пуға), ельца (номза), налима (миндир, хорты), карася (пазыр), пескаря (пүдүре, сиирес) и других. В Енисее и Абакане ловили стерлядей и осетров.

Приёмы ловли рыбы у хакасов как в XVIII, так и в XIX в. отличались некоторой оригинальностью. Мелких рыб стреляли из лука деревянной стрелой с железным наконечником в виде лопатки. Этот, пожалуй, один из древнейших приёмов ловли практиковался, в частности, у сагайцев ещё в конце XIX в. Рыбу ловили также волосяной петлёй (тузах), насаженной на конец древка. Повсеместно была распространена ловля удочками (хармах). Крючки (рис. 16) хакасы изготавливали сами или покупали. Лёса (хыл) свивались из белого конского волоса. В качестве грузила привязывался кусок свинца. Налимов ловили удочками большого размера. Крючок наживлялся маленькой рыбкой и привязывался к толстому концу удилища. Удилище делалось длиной в 3—3,5 м. Оно втыкалось в дно реки толстым концом, а тонким — в землю на берегу.

Самым распространённым видом рыболовецкой снасти была вер-

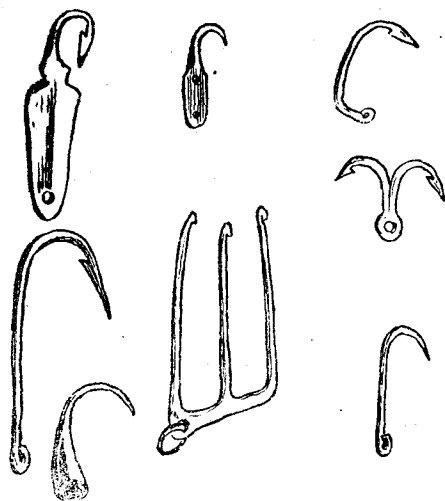

Рис. 16. Крючки для ловли рыб.

ша, называемая в Сибири мордой (сүген). Верши были большие и малые. Плели их из тальниковых прутьев. Малые (длиной в 1,5—2 м) ставились в небольших реках недалеко от берега. При этом обычно часть реки загораживали, оставляя проходы для верши, которая закреплялась с боков деревянными кольями, а сверху придавливалась камнем. Большая верша длиной в 2,5—3 м предназначалась для крупных рыб. К верши с обеих сторон приделывались так называемые крылья (ханат) из толстых прутьев длиной в 4—5 м. Верша в воде укреплялась кольями, сверху придавливалась бревном, один ко-

нец которого находился на берегу. Заграждение (крылья) укреплялось частоколом. Рыба, плавающая вдоль загородки, попадала в вершу. Рыбу ловили также путём перегораживания проток рек (суғ соолдырып), где от перегородки до устья протоки на определённых расстояниях друг от друга расставлялись верши.

Весной у сагайцев для крупной рыбы (тайменя, ленка) устанавливали специальные сооружения, называемые парá. Река от одного берега к другому перегораживалась, в середине оставался проход, где устанавливалась парá (отсюда название всего сооружения), имевший вид корыта, сплетённого из прутьев. Длина пары достигала от 3 до 3,5 м, передняя часть была шире, сзади суживалась. С боков делались стенки, а верх оставался открытым. Укреплялась она на кольях. Рыба, встретив перегородку, в поисках прохода, попадала в корыто—парá.

В рыболовстве особенно в XIX в. широко применялись сети (пүү) и невод (сөзірбе), которые плели из волокна дикой конопли (кендыра). Неводы встречались различных размеров, длиной от 5 до 20 м, шириной от 1 до 1,5 м. Невод снабжался в нижней части грузилами (камнями), а в верхней деревянными или берестяными поплавками (халгахтар). Концы невода привязывались к палкам, с помощью которых направляли невод.

Рыбачили неводом коллективно в 4—5 человек. Иногда, особенно весной, 3—4 группы объединялись в одну артель. Неводы связывали один к другому в длину, достигавшую до 60—80 м. Один конец такого невода держали на берегу, с другим на лодках заезжали по реке и волокни к берегу.

Сети ставили в озёрах и в реках с тихим течением. Нижняя часть сети, как и у невода, снабжалась грузилами, а верх-

няя—поплавками. Сеть имела длину 40—60 м, а ширину 1,5—1,8 м. Сети были одинарные и тройные. Тройная сеть (местное название, ряжёвка или трёхстенка) состояла из одной мелкоячейной сетки, вставленной между двумя крупноячейными.

Хакасам была известна ловля рыбы лучением. Рыбаки ночью на протоках и озёрах выезжали на лодках, освещая дно реки факелом. На носовой части лодки укреплялась железная подставка, называемая козой. На ней разводился из берёсты яркий огонь для освещения реки. Обнаруженную рыбу кололи острой, снабжённой тремя или пятью зубцами.

Мы перечислили наиболее характерные и основные способы и приёмы ловли рыбы. Большинство из них было заимствовано от местного крестьянского русского населения. Мы имеем в виду невожение и некоторые виды сложных сетей.

Лучение на лодках было также заимствовано от русских.

в) Пчеловодство

Подтаёжным хакасам, в частности сагайцам и кызыльцам, занимавшимся охотничьим промыслом, было известно бортничество и собирание мёда диких пчёл. Некоторые из охотников специально разыскивали пчелиные дупла. Пчелиное дупло (аар уязы) промышленник обнаружил при помощи солонца (хучур), служившего в качестве приманки. Это достигалось следующим образом. Около лужайки раскладывались куски берёсты. На некоторые из них клали мох, пропитанный мочой человека, что и являлось, собственно, солонцом. Здесь же разводился дымящийся костер из гнилушек. Пчела садилась на солонец, напившись, поднималась прямо вверх и, набрав определённую высоту, летела к своему дуплу. Промышленник со своим солонцом передвигался в том же направлении. На пути он ставил свой солонец до тех пор, пока не обнаруживал пчелиное дупло.

Разведению домашних пасечных пчёл хакасы научились от русских. Кызыльцы, например, домашних пчёл начали разводить ещё в 40-х годах XIX в.¹

В материалах статистического обследования 1890—1891 гг. указывалось, что хакасы до этого, т. е. «лет 60 тому назад, вовсе не умели разводить пчёл и, находя диких пчёл в лесу, ограничивались только тем, что разбивали их гнёзда, вынимая соты с мёдом».²

К концу XIX в., по официальным данным того же обследования, у хакасов числилось 52 хозяйства с 600 ульями-колодками. Из этого числа 17 хозяйств с 256 ульями было кызыльских, 32 хозяйства сагайских, имевших 292 улья, 3 хозяйства качинских с 52 ульями.

¹ А. А. Ярилов. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899, стр. 262.

² Материалы по исследованию землепользования сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. IV, Иркутск, 1893, стр. 150.

Хакаские приёмы и способы ухода за пчёлами почти ничем не отличались от русских.

Пчеловодство среди хакасов распространялось очень медленно. Но, несмотря на это, оно оказывало положительное влияние на хозяйственное благосостояние тех, которые им занимались.

г) Промысел кедрового ореха

Собирание кедрового ореха у хакасов с давних пор имело местное потребительское значение. Позднее, с XIX в. под влиянием рыночного спроса орехи стали собирать больше для продажи.

Сезон заготовки начинался осенью (в сентябре) и продолжался до первых снегопадов. В тайгу за орехами ездили группами в 3—4 человека на вьючных лошадях. В тайге строили шалаши и балаганы.

Орудия обработки ореха делали на месте по прибытии в тайгу, по окончании работы оставляли их там же.

Сбивали шишки большой деревянной колотушкой (нохы), насаженной на длинный черенок. Колотушкой ударяли по стволу дерева. В иных случаях лазили на деревья и сбивали ореховые шишки при помощи длинного шеста (сыргай). Собрав в кучу сбитые шишки, приступали к их обработке. В начале шишки тёрли на деревянных тёрках (паспах), состоявших из двух досок с зазубринами. Орех отделяли от мусора, отвеивали, подсушивали и отправляли домой на вьюках.

д) Ремесло

Существенное значение в жизни хакасов имело ремесленное производство. Хакасы выделывали кожу, обрабатывали овчины, изготавливали войлок, вили верёвки и арканы, из дерева и берёсты изготавливали различные предметы домашней утвари. Изделия ремесленного производства у хакасов не были предметами обмена или купли-продажи, а употреблялись лишь внутри личного хозяйства.

Способ выделки кожи отличался примитивностью. Выделывали кожу как из конской шкуры, так и из шкуры крупного рогатого скота. По рассказам современных стариков, их предки выделывали кожу на своеобразной кожемялке — талгы (рис. 17). Она представляла собой обрубок бревна с продольным вырезом с зазубринками. В угол выреза вставлялась палка (чабытхы), которая тоже имела зазубринки. Прежде чем обрабатывать на кожемялке, шкуру вымачивали в воде, соскабливали ножом шерсть, затем помещали в навар от костей. После всего этого шкуру обрабатывали двое на мялке: один поддерживал и поправлял шкуру на мялке, а второй палкой (чабытхы) мял. В процессе обработки кожу смазывали конским салом для элас-

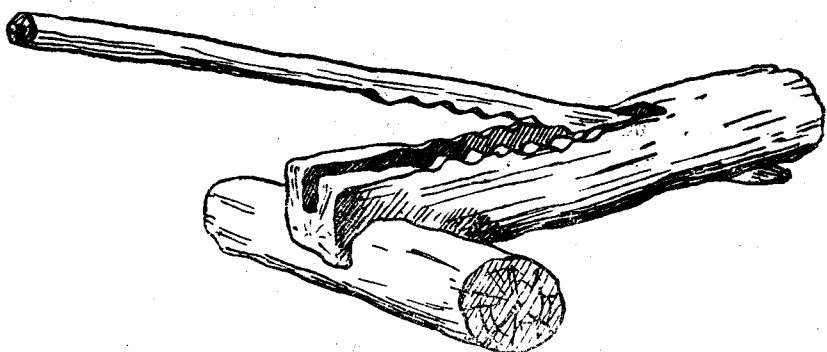

Рис. 17. Кожемялка (талгы).

тичности и углём, сажай от котлов для окраски. Выделанная таким образом кожа была непромокаемой и мягкой.

Несколько иным и более усовершенствованным был другой вид кожемялки с более сложным устройством (рис. 18), по-видимому, заимствованной от русских крестьян. Такая кожемялка состояла из столба со сквозной продольной прорезью длиной в 75—80 см и шириной в 5—6 см. Столб вкапывался в землю. На столб на уровне нижнего и верхнего концов прорези надевались параллельно две широкие доски, каждая из которых в свою очередь состояла из двух половинок, соединённых поперечными планками. Доски подгонялись так, чтобы их можно было вращать вокруг столба—оси. На каждой из параллельных досок друг против друга прорубалось по десять отверстий для стоек-распорок, поддерживавших доски на определённом расстоянии друг от друга. Шесть распорок размещались вокруг столба, а остальные по паре на концах досок. Кожемялка вращалась с помощью длинной жерди, вставленной в виде оглобли между крайними распорками-стойками. В зависимости от количества обрабатываемой кожи и размеров кожемялки иногда применялась и конная тяга.

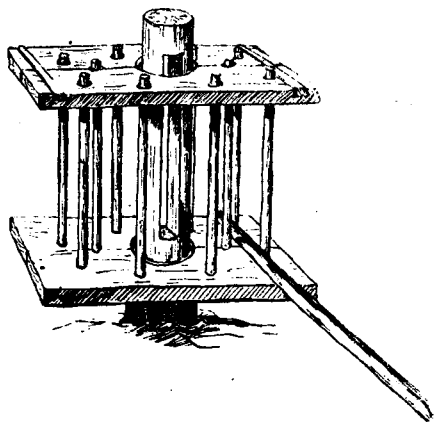
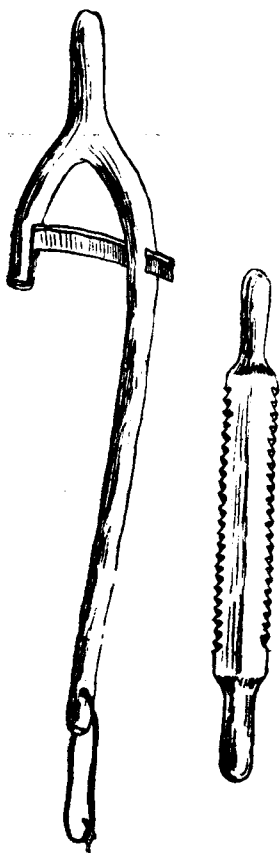

Рис. 18. Кожемялка (талгы).

Перед выделкой шкуру тщательно обрабатывали. Вымачивали в больших кадках в жидком отходе (поча) от перегон-

Рис. 20. Выделка овчины.

Инструменты для выделки овчины: изі-рек и крюк.

Рис. 21. Взбивание шерсти. Сагайцы.

Рис. 22. Катание войлока. Сагайцы.

ки самогона, отделяли шерсть, затем помещали в специальный раствор-краситель, приготовленный из лиственничной коры. Для такого раствора собирали толстую кору, толкли на мелкие кусочки и разваривали в кипяченой воде. Получался раствор тёмно-красного или коричневого цвета. В красителе кожу выдерживали несколько дней, затем сушили, смазывали конским салом. После такой обработки

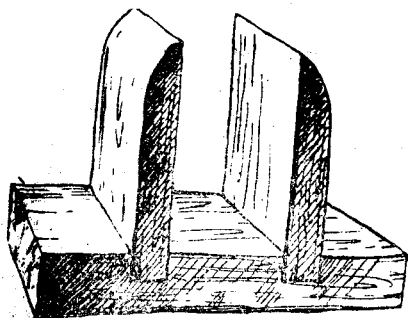

Рис. 19. Кожемялка (талгы).

кожу переносили на кожемялку. Свернув в рулон, придав ей плоскую форму, закладывали в прорезь столба. Закладывалось за один приём от 3 до 5 шкур. В процессе вращения оставшаяся снаружи часть кожи втягивалась между столбом и стойками, обвивалась вокруг столба. При обратном вращении она развёртывалась, разминалась. Кожа расправлялась при помощи другой кожемялки (рис. 19), представлявшей две заострённые параллельные стойки, вставленные в чурку. Упомянутые кожемялки были широко распространены среди русского населения. Многие хакасы, особенно во II-й половине XIX в., кожу сами не выделявали, а предпочитали отдавать русским кожевникам. Последние выделяли кожу лучше, чем хакасы.

Хакасы искусно выделяли овчину. Обработкой овчины занимались исключительно женщины. Вымытую и высушенную овчину натирали сывороткой, намазывали ровным слоем закваски и оставляли в свернутом виде на 1—2 дня. Жир и мзду снимали ножом или старой косой. Разминали специальным деревянным инструментом с зазубринами, называемым у хакасов изрек, и крюком (рис. 20), снабжённым обломком косы.

Из овечьей шерсти хакасы валяли войлок (киис). Обработка шерсти производилась вручную. Взбивали двумя толстыми прутьями длиной в 120—150 см, называемыми сабас (рис. 21). Взбитую шерсть раскладывали ровным слоем на холст, смачивали водой, а иногда для лучшей вязкости sprыскивали сывороткой. Затем вместе с холстом обматывали на специальный деревянный вал (ёзен). Холст снаружи обшивали, начинали валять, время от времени смачивая водой (рис. 22). Валяли до тех пор, пока не получался войлок. Сочетанием чёрной и белой шерсти на войлоках иногда получали узоры.

Войлок шёл на покрытие зимних юрт, на потник и на другие хозяйственные надобности. Из войлока шили охотничью одежду, изготавливали матрацы (киис). Наряду с этим хакасы умели прясть шерсть на веретене, вязать чулки, варежки, некоторые даже ткали грубую шерстяную ткань-однорядку (таар).

Особым видом домашнего производства у хакасов было изготовление верёвок, арканов. Верёвки и арканы вили из конских волос и волокон кендыра. Подготовительная работа, заключающаяся в приготовлении волоса, скручивание его в шнуры и т. п. выполнялась женщинами. Дальнейшая работа производилась мужчинами у станка. Станок мог приготовить каждый. В заборе или в жерди ограды просверливали три отверстия, в которые вставлялись передние колена кривошипов, снабжённые ремёнными петлями. Кривошипы состояли из трёх колен, соединённых между собой под углом. На задние колена надевалась дощечка с соответствующим количеством отверстий. С помощью этой дощечки кривошипы приводились во вращательное движение. На определённом расстоянии от забора ставили сани (или специальное приспособление), к передку саней прикрепляли доску с одним отверстием. В него вставлялся кривошип, к петле которого привязывались концы верёвок, натянутых от кривошипов, вставленных в забор (рис. 23). Чтобы натянутые верёвки не скручивались между собой, к ним привешивалась разъединительная дощечка с зарубками. Верёвки свивались вращением кривошипов.

Хакасам был известен ещё другой способ витья верёвок, который старики считают более ранним.

Верёвки скручивались не кривошипами, а при помощи деревянных крючков. Точно такими же приёмами вили верёвки из волокон кендыра. Приготовление волокна производилось весьма просто и примитивно. Созревший кендырь вырывали с корнем,

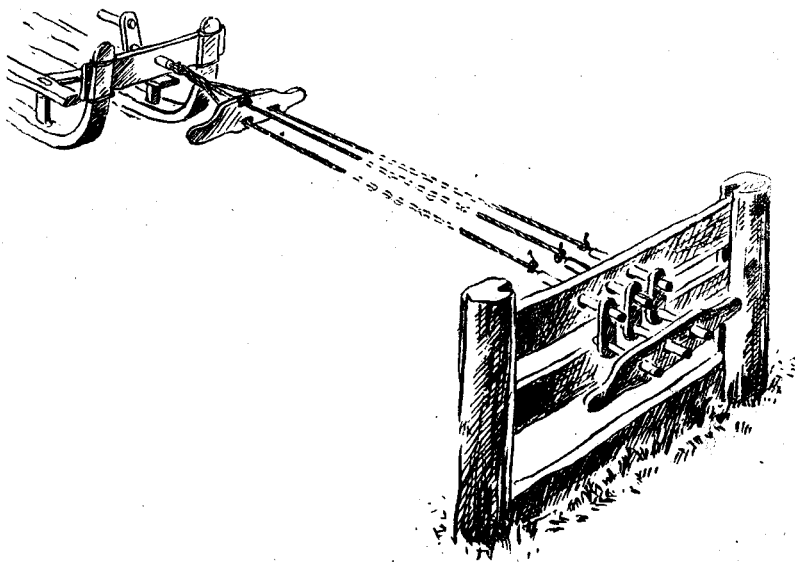

Рис. 23. Витьё верёвки.

вязали в снопики и сушили. Зерно обмолачивали и употребляли в пищу. Кендырь разламывали пополам, сдирали волокно. Хакасы пользовались и станком-мялкой (киндір пасчань), заимствованной от русских крестьян. В русских деревнях подобного типа мялки встречаются и до сего времени.

Кызылцы, сагайцы (шорского происхождения) и подтаёжные бельтиры умели ткать холст (киден) из волокна кендыря. Сагайский ткацкий станок примитивного устройства почти ничем не отличался от шорского¹. О существовании ткацкого дела

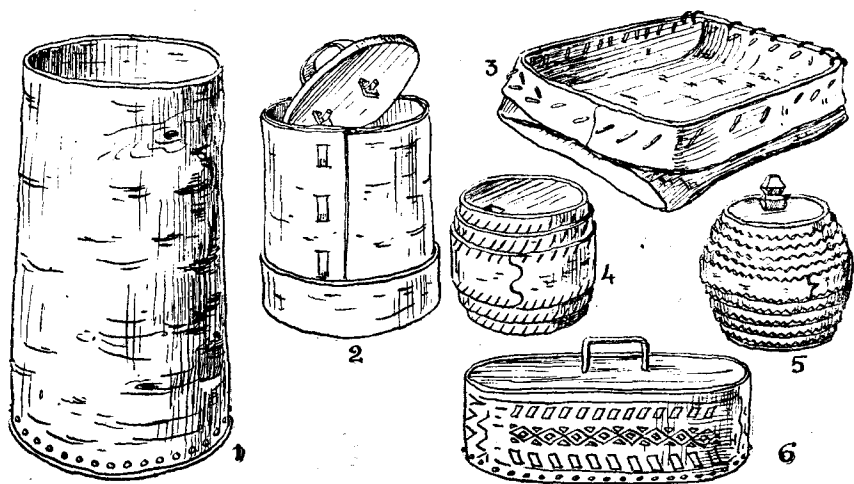

Рис. 24. Берестяные изделия: 1) тербіс, 2) туяс (түүс), 3) сара, 4,5) солонки, 6) табакерка.

у других хакасов (качинцев, койбалов) мы пока что сведений не имеем.

Хакаские женщины искусно изготовляли нитки (чип). Изготавливали нитки из кендыря, льна и из конского или скотского сухожилия. Сухожилие для этого высушивали, затем разбивали колотушкой или молотком. Мягкое сухожилие можно было тереть на отдельные нити-волокна различной толщины, из которых в свою очередь сучили нитки. Сучили нитки на голых коленях ладонью руки. Нитками собственного производства шили все виды одежды и обуви.

Обработкой дерева и берёсты занималось преимущественно подтаёжное население. Из берёсты изготавливали различных размеров туески (түүс) с деревянным дном и крышкой, разнообразных видов шкатулки, солонки, миски, табакерки (рис. 24).

¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.-Л. 1953, стр. 226. О шорском происхождении части сагайцев см. его же работу «Этнический состав сагайцев», журнал «Советская Этнография», № 3, 1947.

Значение берёсты в жизни хакасов не ограничивалось изготовлением предметов домашнего обихода. Берёста применялась в строительном деле. Ею обтягивали, а позже крыли юрту. Ещё в первой половине XIX в. среди хакасов берестяные юрты были распространены повсеместно. Хакасы в конце июня и начале июля специально занимались заготовкой берёсты. Это отразилось даже в народном календаре под названием «тос алчанъ ай», «тос айы» (месяц берёсты или месяц заготовки берёсты).

Много изделий домашней утвари изготовлялось из дерева, в основном из берёзы, сосны и других деревьев. Обработывали дерево вручную простыми орудиями труда: топором, долотом, ножами различной величины и формы, шилом, адылга-кайлой и т. д.

Из цельного дерева выдалбливали лодки (киме), корыта (кӱлбе), ступки (согах, соох) для обработки ячменя, лотки (сара) для веяния зерна, корытце продолговатой формы (типси) для измельчения мяса. Из наростов на корнях берёзы (пагыр агас) выдалбливали различной формы и величины миски (аях), чашки (чирче), ложки (сомнах), ковши и поварёшки (хамыс), воронки, солонки и много других предметов хозяйственного и домашнего обихода. Мастера по дереву выделяли фигурные изделия в виде птиц и домашних животных (рис. 25).

У хакасов также немало встречалось долблённых и сделанных из сосновых досок разных фигурных шкатулок и ящичков, орнаментированных резьбой (рис. 26).

К числу ремесленного труда следует также отнести изготовление хакасами хозяйственного инвентаря: телёг, саней, коробов, сёдел, лыж, нарт и т. д.

Кроме местных русских крестьян, с которыми хакасы жили по соседству и тесно общались, влияние на развитие хакасского ремесла оказывала вообще русская кустарная промышленность. Под непосредственным влиянием русских, у хакасов во II-ой половине XIX в. появилось бондарное, столярное и кузнечное дело. Через русских же хакасы научились перегонять дёготь. Однако следует отметить, что домашнее производство хакасов, основанное на ручном труде с применением отсталой техники, было малопродуктивным. Но постепенно продукты ремесла, особенно предметы домашнего обихода, заметно пополнялись покупными предметами фабричного и местного русского кустарного производства.

4. Средства передвижения

Способы и средства передвижения определялись физико-географическими условиями и образом жизни хакасов. В подтаёжных местах в зимнее время немалую роль играли лыжи. Хакасские лыжи были двух типов: простые (халбырах) и особые, охотничьи, подбитые шкурой. Но основным средством передвижения у хакасов с давних времён была верховая лошадь. Груз

Рис. 25. Предметы домашней утвари, из дерева: 1) миска, 2) ковш.
3) чашка, 4) фигурная миска, 5) солонка, 6,7) сосуды-разливалки,
8) корытце, 9,10) фляги.

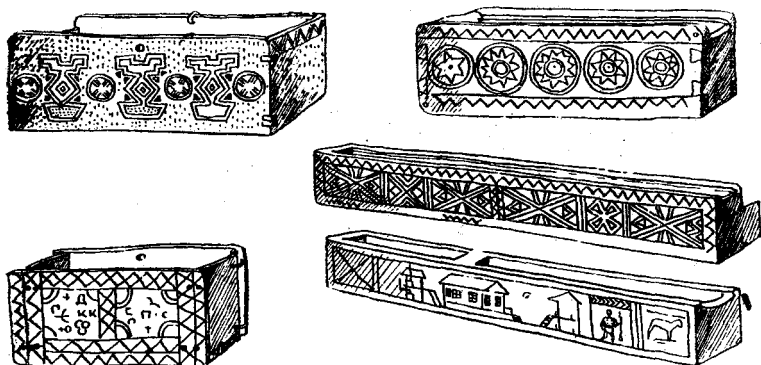

Рис. 26. Шкатулки (абдыралар) из дерева.

на верховых лошадях перевозили вьюками (рис. 27). Вьюки привязывались к задней луке седла или просто перекидывались через сиденья седла. Сёдла у хакасов были деревянные, выдолбленные или составные. В составных сёдлах сиденье, переднюю и заднюю луку между собой укрепляли кожаными ремнями. Встречались сёдла, состоящие из двух деревянных планок, посередине которых закреплялась широкая ремённая полоса для сиденья. Седло снабжалось кожаной подушкой, набитой птичьим пером или травой. Стремена были, как правило, металлическими, иногда деревянными, висящими на ремнях. К седлу прикреплялся нагрудный ремень (кёксі паа), подхвостник (хосхын), вьючные ремешки (тиргі). Под седло подстилали войлочный потник (үчүргү), поверх него — кожаный чепрак (кичім). Сзади к седлу привязывался небольшой чепрак (кічіг кичім), покрывавший круп лошади.

Седло с чепраками и потником перетягивалось подпругой (холлағ). При перевозке грузов по пересечённой и горной местности седло подкреплялось дополнительной подпругой.

У зажиточных хакасов, кроме обыкновенных сёдел, были ещё праздничные, передняя лука которых украшалась металлическими пластинами с серебряными насечками. Чепраки украшались металлическими бляхами, к краям подвешивались кисти из кожи (рис. 28). Подхвостник, нагрудник, а иногда и уздечки покрывались бляхами с насечками.

У женщин были особые, так называемые свадебные сёдла (рис. 29). В отличие от мужского, луки женского седла обильно украшались металлическими пластинами с серебряными насечками. Металлические пластины-украшения (по заказу) привозили русские купцы из г. Минусинска. Свадебные чепраки обычно делались из покупного тёмно-синего или красного сукна. Края чепрака отделялись вышивкой цветными шёлковыми нитками, обычно в три полосы. По углам пришивались раковины-каури. К нижним краям чепрака близ углов прикреплялись колокольчики и шёлковые кисти.

Хакаские уздечки были ремённые, а железные удила двусоставные с кольцами, вдетыми в наружные ушки. Узда верховой лошади имела два повода (тін). Концы одного из них привязывались к кольцам удила. Такой повод обычно делался из ремня и назывался у хакасов туюх тін (замкнутый повод). Второй повод — узун тін (чумбур) был верёвочный и ремённый, длиной в 3—4 м. Пользовались хакасы и недоуздками (нотхы), изготовляемыми из плетёных ремней, волосяных или простых верёвок.

Телега (ханъаа), заимствованная от русских, получила широкое распространение среди хакасов лишь во второй половине прошлого столетия. До этого, по-видимому, телегой пользовались очень немногие. Так, например, путешественник Н. С. Шукин, побывавший в Минусинской котловине в 40-х годах XIX в., писал, что «лошади татарские (речь идёт о хакаских лошадях —

Рис. 27. Вьючная лошадь, Сагасц.

Рис. 28. Праздничная верховая упряжь.

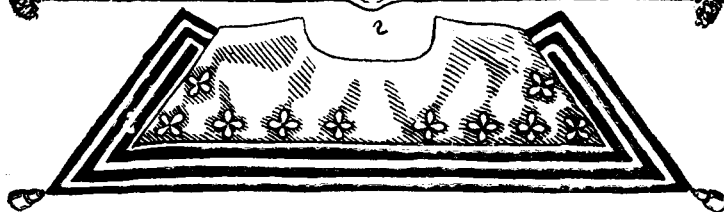
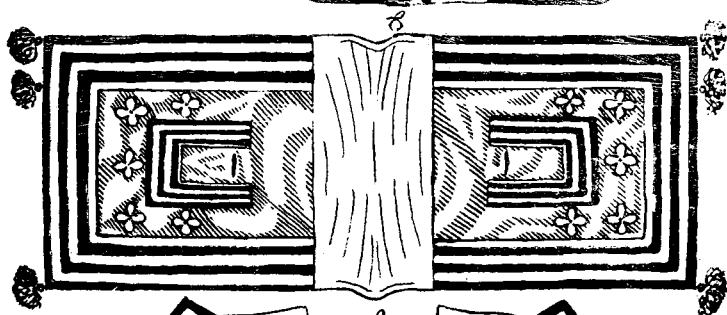
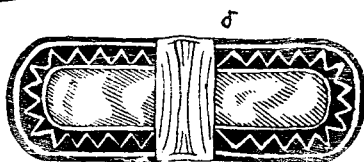
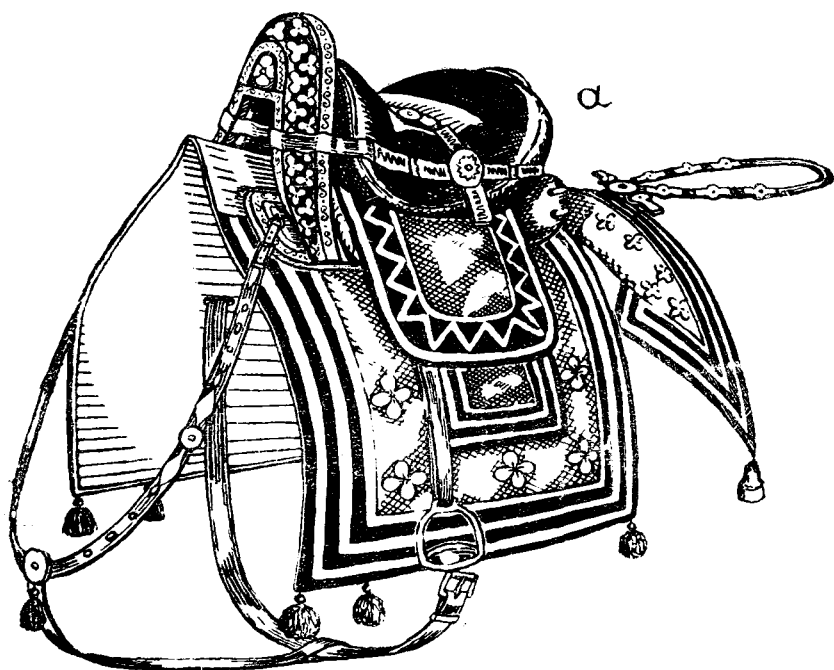

Рис. 29. Женская свадебная сбруя: а) седло, б) малый чепрак, в) большой чепрак, г) задний чепрак.

К. П.) не знают вожжей, ямщики сидят верхом... экипаж надобно иметь свой, иначе приведётся ехать верхом, как ездят обыкновенно татары: мужчины и женщины»¹.

Хакаские телеги, хотя и делались по русскому способу, но были весьма примитивны и неудобны для лёгкой езды. М. А. Кастрен в 1847 г. писал, что его везли на скверно устроенной хакасской телеге с большим и высоким коробом, откуда он мог видеть лишь то, что было впереди². Позже исследователи уже упоминали о наличии более лучшего устройства телег.

«Ещё недавно, — писал Е. К. Яковлев в 1900 г., — начальство возили на простой со вбитыми в дрожины двумя палками, за которые держалось начальство, кучер ехал верхом на кореннике. Теперь повсюду в ходу, как экипаж, плетёнки из тальника, привязываемые к дрогам»³. То же самое рассказывают и современные 70—80-летние старики-хакасы.

Интересно отметить, что хакасская лексика сохранила почти все русские названия частей телеги и названия предметов упряжи, связанные с пользованием телегами: углаба (оглобли), теес пағ (тяж), ойс (ось), подуска (подушка), втулка (втулка), крүк (крюк), шина (шина), көріг, обод (обод), спицы (спицы), сілье (шлей), сіріс, хомутина (хомутина), төс пағ, супон (супонь), гужи (гужи), хомут (хомут), сидолка (седёлка), поза, поза пағ (вожжи).

Сани, по-видимому, были также заимствованы хакасами от русских крестьян. С появлением в хозяйственном пользовании телеги и саней появились колёсные и санные пути, поднялась грузоподъёмность тягловой силы, появилась возможность улучшить сообщение между отдельными улусами и племенами хакасов. А это не могло не оказать положительного влияния на дальнейшее хозяйственное развитие.

5. Социально-экономические отношения

Основными экономическими показателями, определяющими общественное положение хакасов, было количество земли и скота, находившегося в собственности владельца. Наибольшее количество скота концентрировалось в руках баев. На это обратили внимание ещё путешественники XVIII в. (Пестерев, П. С. Паллас). Они указывали на наличие у хакасов имущественного неравенства. Хакасы делились на богатых и бедных. Среди них была широко распространена эксплуатация. Но эксплуатация была прикрыта и замаскирована различными формами родовых

¹ Н. С. Шукин. Народы турского языка, обитающие в южной Сибири стр. 260—261 (355). «Журнал Министерства внутренних дел», 1847, ч. XVIII. СПб, 1847.

² Собрание старых и новых путешествий, т. IV, ч. II, М. 1860, стр. 381.

³ Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 35.

отношений. Поэтому в XVIII в. хакасское общество внешне казалось в некоторой степени однородным. Но наличие классового расслоения не трудно было заметить. Известно, что уже XVIII в. хакасский скот перегонялся далеко за пределы обитания хакасов и доставлялся на рынки городов Тобольска, Кузнецка, Красноярска и Иркутска.¹ Скот закупали русские торговцы-скупщики. Разумеется, в тесной связи с русскими скупщиками находились прежде всего хакаские крупные скотовладельцы.

В XIX в. в экономике Минусинского округа произошли крупные изменения. Развитие золотодобывающей промышленности, возникшей в 30-х годах XIX в., и ряда других промышленных предприятий, создало местный рынок, требующий в большом количестве сельскохозяйственных продуктов: мяса, хлеба и т. д. Рассмотрению истории экономического развития Минусинского округа уделено достаточное внимание в работе проф. Л. П. Потапова². Этому же вопросу посвящена статья кандидата исторических наук Г. А. Моховой³. Поэтому мы не сочли нужным останавливаться на этом вопросе подробно. Но следует отметить, что экономическое оживление, возникновение местного рынка вызвали ряд изменений в развитии хозяйства хакасов в области культуры и домашнего быта. Сельское хозяйство хакасов частью стало ориентироваться на рынок. Развитие торговли разлагало натуральное хозяйство. В связи с этим процесс классового расслоения хакасов стал более интенсивным. В руках баев скот концентрировался сотнями и тысячами голов. Декабрист А. П. Беляев в своих воспоминаниях говорит, например, о богаче-качинце Чирки Картине, имевшем до ста табунов лошадей, до 4 000 голов крупного рогатого скота и около 10 000 голов овец. Вокруг его двора располагались юрты его сородичей и работников (чалчы), обслуживающих его хозяйство⁴. Несколько лет спустя, т. е. в 1850 г., Н. Костров, по-видимому, о том же Картине, писал, что он «не знает счёту своим табунам, считает большую часть качинцев своими должниками»⁵.

В архивных документах середины XIX в. имеются отчётные данные Степных дум, в которых содержатся списки баев, имевших наибольшее количество скота. В 1858 г. в Качинской управе особо выделялся Г. Картин, имевший 2 500 голов крупного рогатого скота, 5 070 лошадей⁶. В тех же документах указаны фамилии богачей, содержавших большие стада. В числе их перечислены имена Никиты Доможакова, Константина Доможакова,

¹ П. С. Паллас Указ. соч., т. III, ч. 2, стр. 476.

² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 147—157.

³ Г. А. Мохова. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Хакасии во второй половине XIX в., «Учёные Записки» Абаканского государственного педагогического института, Абакан, 1956.

⁴ А. П. Беляев. Указ. соч., стр. 354.

⁵ Н. Костров. Качинские татары. Казань. 1852, стр. 34.

⁶ ХОА, ф. 5, оп. 1, д. 18, л. 9.

Егора Кобелькова, имевших соответственно: 911 голов крупного рогатого скота, 1 104 лошади, 710 голов крупного рогатого скота, 964 лошади и 870 голов крупного рогатого скота и 1 408 лошадей. Это были так называемые родовые бай-скотовладельцы, богатство которых передавалось из поколения в поколение по наследству.

По рассказам качинцев из наследственных скотовладельцев во второй половине XIX в. особо выделялись бай из рода фамилий Баиновых, Кулагашевых (Усть-Абаканской волости), Чарковых (на Уйбате), Кобельковых, Аёвых (в Капчалах), Спириных (в Туиме), Сукиных, Конгаровых (на старом Июсе), Кобяковых и Кобежиковых (на Белом Июсе). Вот список некоторых баев (по данным 1877 г.), владевших значительным количеством лошадей.

1. По Тубинскому роду:
 - Алексей Аёв — 150 лошадей.
 - Николай Кобельков — 950 лошадей.
 - Иван Чарков — 600 лошадей.
 - Пётр Чарков — 620 лошадей.
2. По Тинскому роду:
 - Иван Тугужеков — 600 лошадей.
 - Егор Тугужеков — 500 лошадей.
 - Степан Доможаков — 700 лошадей.
3. По Бело-Июсскому роду:
 - Максим Коков — 505 лошадей.
 - Степан Катюшев — 1 050 лошадей.
 - Егор Кобяков — 1 020 лошадей.
4. По роду Шалошина первой половины:
 - Илья Доможаков — 1 100 лошадей.
 - Дмитрий Доможаков — 1 200 лошадей.
 - Иван Доможаков — 1 500 лошадей.
5. По роду Шалошина второй половины:
 - Иван Петрович Картин — 1 800 лошадей.
 - Иван Григорьевич Картин — 1 020 лошадей.
 - Николай Картин — 830 лошадей.
 - Илья Картин — 560 лошадей.
6. По Бирскому роду:
 - Егор Спирин — 1 500 лошадей.
7. По Старо-Июсскому роду:
 - Степан Сукин — 1 800 лошадей.

Байская верхушка владела огромными просторами полезных земель. Как известно, в XVIII в. территория Минусинского округа была ещё мало заселённой. Земли как для русского, так и для хакасского населения было достаточно. Хакасы в пределах своего расселения могли занимать любое место для зимника и летника. Земля находилась в так называемом общинном пользовании. Не было необходимости закреплять её за собой в част-

ную собственность. Но в течение XIX в., в связи с усиленным заселением края поселенцами, приток которых был вызван экономическим оживлением округа, фонд свободных земель постепенно стал сокращаться. Лучшие и плодородные земли по указу царской власти отводились под переселенческий фонд. Удобные для земледелия участки были заселены в некоторой части русскими казаками. Земли же, в недрах которых обнаруживались полезные ископаемые, вместе с близлежащими к ним районами, отводились в распоряжение крупных предпринимателей. Огромные массивы находились в собственности царской казны, которая раздавала её в арендное пользование. Таким образом, прежние земельные просторы стали исчезать. Эти изменения не могли не отразиться на характере землепользования и среди хакасов. Формально земля у хакасов считалась и в XIX в. общинной. Но ею пользовались захватным путём по принципу: «кто вперёд успеет расчистить и освоить». В этом деле преуспевала байская верхушка, которая для этой цели использовала батраков, должников и зависимых людей. В результате чего лучшие участки-покосы и пахотные земли оказывались в руках баев и зажиточных хакасов. Вполне понятно, что рядовой хакас, у которого не было реальной возможности обрабатывать большие участки, довольствовался небольшими клочками земли.

Сагайские баи Чудагашевы, К. Чебодаев и А. А. Асочаков, как упоминалось выше, имели до сотни десятин поливной земли, тогда как рядовым хакасам разрешалось иметь пай не больше 8 десятин. Качинский бай П. С. Доможаков, владевший поливными землями, отдавал отдельные участки в арендное пользование¹. Баи Чарковы самовольно распахивали под пашни земли, принадлежавшие соседним улусам, что приводило к конфликтам. Но, как отмечено в материалах обследования 1909—1910 гг., в силу их имущественного влияния при конфликте баи брали верх².

На обширных пастбищных просторах паслись многочисленные байские стада и табуны. Лучшие и удобные для пастбы скота земли баи самовольно захватывали под заимки. На этих землях, кроме собственного скота, баи содержали закупленный им для перепродажи скот.

В XIX в., особенно во второй его половине, хакаские баи, по примеру русских купцов, широко занимались скототорговлей. Торговля скотом составляла важную, доходную статью. Хакаские богачи-скотоводы, как русские торговцы-ростовщики, раздавали в кредит промышленные товары, наживая при этом огромные прибыли. Между прочим, хакаские баи давали ссуды скотом и деньгами и русским крестьянам. Это практиковалось

¹ Сообщение Е. В. Троякова, 1875 года рождения, проживающего в колхозе «40 лет Октября», Усть-Абаканского района.

² Материалы статистико-экономического обследования 1909—1910 гг. туземных ведомств, стр. 153. Материалы хранятся в фондах Хак НИИЯЛИ.

как в конце XVIII в., так и в XIX в. В этой связи любопытно сообщение Е. Пестерева. «Прежде всего, — писал он, — качинцы многим русским по немалу количеству давали скота и денег на ссуды без писем (имеется в виду расписка — К. П.), а ныне некоторые берут и письма, ибо за русскими много пропадало их денег»¹. Под русскими следует понимать торговцев-скупщиков, которым было свойственно мошенничество.

Условия восстановления долга были самыми разнообразными, в зависимости от характера занятия должника. Последний должен был или выкормить скот, или отработать в хозяйстве кредитора, или заготовить сено, кедровый орех, пушнину и т. д.

По рассказам качинцев, из старорусских баев скототорговлей занимались бай Сукины и Конгаровы. Сукины ежегодно гнали десятками и сотнями лошадей и стада рогатого скота для продажи на местных рынках. Н. Конгаров (улус Баражуль) содержал свою лавку, продавал он промтовары, купленные на скот. На Уйбате во второй половине XIX в. были известны бай Чарковы. Среди них особо выделялся своим богатством Пётр Чарков. Его двор, по описанию русского исследователя П. Островских (1894), представлял нечто похожее на княжеский двор². Вот что рассказывал нам 74-летний старик В. Р. Инкижеков, у которого отец, затем два старших брата находились в работниках у богача Ивана Николаевича Чаркова, современника упомянутого бая П. Чаркова. И. Н. Чарков имел большой шестикомнатный дом с четырёхскатной крышей, отдельный пятистенный дом для своих работников, два амбара, один из них двухэтажный. Конюшня для выездных лошадей была бревенчатая с двухскатной тесовой крышей. Под сараем, крытым тёсом, стояли сани и телеги. Были у него две бревенчатые юрты, тоже крытые тёсом. В одной из них обрабатывались молочные продукты, часть которых шла на продажу. Рядом с хозяйственными постройками находились зимние и летние скотные дворы. Усадьба была обнесена высоким глухим деревянным забором. Ворота ограды и калитка были покрыты двускатной тесовой крышей. И. Н. Чарковым также был построен двухэтажный дом в г. Минусинске, куда он часто приезжал, занимаясь по торговым делам, а также для игры в карты. Чарков ежегодно скупал для перепродажи до 300 — 400 быков и откармливал их на отгонных пастбищах.

Хакасские бай-торговцы вели в основном посредническую, ростовщическую торговлю. Они являлись как бы постоянными агентами, подрядчиками русских купцов, от которых получали различные товары, а иногда и деньги. Такими торговцами-ростовщиками среди сагайцев в конце XIX в. были известны Апчак Асочаков (улус Бельтиры), Иннокентий Чертыков (с. Таш-

¹ Новые ежемесячные сочинения, СПб, 1793, стр. 15.

² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 159.

³ П. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края, «Живая старина», вып. III—IV, СПб, 1895, стр. 312.

тип), Григорий Кызласов (улус Кызласово), Орешков (улус Синявино), Алексей Чудагашев (с. Усть-Есь). Все эти баи занимались перепродажей скота, имели свои магазины. Некоторые из них выбились в число баев из среды середняков только благодаря торгово-ростовщическим операциям. Апчанай Асочаков, славившийся своим богатством, скупал для перепродажи крупный рогатый скот, продукты скотоводства: конские волосы, масло, пушнину, кедровый орех, мёд и т. д. Асочаков со своими товарами был постоянным посетителем ярмарок. Ярмарки ежегодно проводились в русских деревнях Каратуз, Курагино, Ермаково и в городах Минусинске и Красноярске. А. Асочаков имел свой магазин и каменные склады. Пользовался большим авторитетом у властей. По его инициативе в Бельтирах была построена каменная церковь. Другой не менее крупный торговец И. Чертыков, кроме того, что держал магазин и занимался торгово-ростовщическими делами, был владельцем золотого прииска, где работали русские рабочие и хакасы. По рассказам стариков, А. Асочаков и И. Чертыков обогатились через красноярского купца-золотопромышленника И. П. Кузнецова, который имел свои резиденции в сёлах Аскизе, Таштыпе и Матуре. Кузнецов им отпускал промысленные товары для перепродажи, а взамен брал скот, хлеб и пушнину.

Приведённые материалы свидетельствуют о далеко зашедшем классовом расслоении хакасов, разумеется, под влиянием русских капиталистических отношений, проникавших в хакаские улусы.

Байская верхушка составляла господствующий класс хакаского общества. Из её среды избирались административные лица — родоначальник (голова), заседатели (выборные), князцы административных родов, улусные старшины (аал пазы). В обязанность административной верхушки по известной реформе 1822 г. входило беспрекословное выполнение всех указов и распоряжений, идущих от вышестоящих властей. Они вели учёт населения главным образом налогоплательщиков, нанимали письмоводителей и писарей. Административная верхушка производила раскладки и приёмы налогов (податей). Им было предоставлено право заниматься и судопроизводством. Пользуясь широкой властью, административная верхушка использовала служебное положение для наживы, личного обогащения. В этой среде царило мошенничество и неограниченное взяточничество. Так, например, в 1858 г. в Степной думе соединённых разнородных племён при ревизии было обнаружено, что от каждого из 12 административных родов налог был собран в 1,5—2 раза больше, чем это полагалось (вместо 3 руб. с души собирали 5—6 рублей)¹. В этой же Степной думе в 1880 г. только за первую половину года было собрано 1672 руб. 75 коп.² от населения сверх

¹ ХОА, св. 27, д. 729, л. 2.

² ХОА, ф. 2, оп. 1. д. 1262; л. 8.

налога. Эти деньги бесконтрольно расходовались административной верхушкой Степной думы. Баи, занимавшие административные посты, на общественные деньги нанимали работников для обслуживания своего хозяйства, мотивируя это занятостью общественными делами. Но за исполнение административных обязанностей они дополнительно собирали с населения думы деньги, хотя это не было предусмотрено законом.

Не менее доходным было судопроизводство, которое, как правило, сопровождалось взятками. Обращавшийся к должностному лицу должен был принести ему вина, подарок скотом или деньгами, или другими ценностями. В целях наживы, должностные лица использовали всякий удобный случай. Алчность, особенно родоначальников, занимавших высокую должность в хакасском административном управлении, пожалуй, не имела предела. Старики, по рассказам своих отцов, помнят о родоначальнике Качинской управы Конгарове Точак, который отличался не только своим богатством, но и взяточничеством. Он заставлял даже родовых князев привозить подарки. Царская администрация почти не боролась со взяточничеством хакасской родовой администрации. Встречаются по документам лишь единичные случаи, когда царские чиновники пытались пресечь это зло. В указе Енисейской палаты от 23 мая 1845 г., например, за продолжительные и непозволительные сборы, а также за склонность к взяткам и другие неблагонамеренные поступки предлагалось родоначальника Койбальской Степной думы Чубутину уволить с должности¹. В мошенничестве от администраторов не отставали и письмоводители (делопроизводители) Степных дум, которые вели учёт поступающих денег по раскладке. О них русский исследователь П. Островских писал: «Судя по некоторым фактам, эти личности должны быть причислены к злым духам шаманского культа, и их беспрестанно следует умиловать, чтобы они как-нибудь не «напакостили»².

К эксплуататорской верхушке следует отнести также и шаманов, которые составляли самый реакционный слой хакасского населения. Эти носители первобытно-религиозных представлений внушали соплеменникам неверие в свои силы, проповедуя подчинение воле добрых и злых духов. В случае болезни человека, падежа скота, шаманы требовали приносить жертвы духам, лишая этим самым иногда последней овцы или коровы рядового хакаса. Проводились шаманами родовые общественные моления, которые сопровождались жертвоприношениями, требующими больших расходов. Всё это, конечно, ослабляло экономическое положение рядового населения.

Байское хозяйство создавалось и держалось на труде батраков и зависимого населения. В этих целях баи умело использо-

¹ ХОА, ф. 1, оп. 1, д. 143, л. 8.

² П. Островских. Указ. соч., стр. 333.

вали пережитки родового быта хакасов, и под видом «родовой помощи», усыновления и т. п. они принимали к себе на работу на кабальных условиях разорившихся сородичей и соплеменников. Баи нанимали постоянных пастухов, работников по дому, рабочих на полевые и строительные работы. На время сенокоса баи, как правило, для кошения больших сенокосных массивов устраивали помочи (помысы), на русский манер, сопровождавшиеся угощениями после работы. Возможно, что «помысы» у хакасов заменяла собой старинную родовую взаимопомощь. Видимо, поэтому обычай помочи быстро распространился в XIX в. и среди рядового населения. Но этот вид взаимопомощи баи использовали ради укрепления своего хозяйства за счёт бесплатного труда населения. Расходы, затраченные хозяином на питание и угощение участников помочи, по сравнению с выполненной работой, были незначительными. На помочи приглашались почти все трудоспособные родственники, одноулусники.

Баями-скотовладельцами, как и у алтайцев, широко практиковалась раздача населению с маломощным хозяйством дойных коров на прокорм на правах доения «саап ис» (дой и пей)¹. Хакас, взявший корову, обязан был её прокормить за пользование молоком и время от времени отработывать в хозяйстве бая. А жена ежедневно помогала доить байских коров. На условиях отработки баи раздавали лошадей под езду «азырап мўнерге» (кормить и ездить). При этом берущий лошадь говорил: «чалга алчам азырап мўнерге» (беру в наём кормить и ездить). Кроме того, баи и зажиточные хакасы отдавали свою лошадь беднякам, едущим на охотничий промысел или на промысел кедрового ореха, на правах «орты ўлес» или «тинь ўлес» (по равной доле). Охотник свою добычу должен был поделить поровну с хозяином лошади. Всё это делалось под видом добровольной услуги и помощи родственнику или знакомым. Мелкий производитель, пользуясь подобными услугами бая, создавал для него авторитет родового «благодетеля». Несмотря на явное классовое расслоение хакаского общества, в конце XIX и начале XX вв. были сильны пережитки родовых связей.

Родовыми пережитками умело пользовались не только баи, но и некоторые середняки. Последние, ведя самостоятельное хозяйство, вступая в экономические взаимоотношения с баями, торговцами, устанавливая с ними родственные связи, нередко выбивались в байскую верхушку, становились эксплуататорами, создавали своё благополучие на чужом труде. Известно, например, что Тинников Карка (из Еси), имевший среднее хозяйство, стал крупным баем-торговцем через известного бая Апаху Асочакова, женившись на его дочери, получив в качестве приданого большое количество скота и другие ценности. Таким же путём стал

¹ Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Записки ХакНИИЯЛИ, выпуск I. Абакан. 1948.

крупным баем в 70-х годах XIX в. Алексей (Асап) Кызласов (из улуса Кызласово), женившись на сестре известного качинского бая Апуна Картина. По словам стариков, А. Кызласов, помимо большого приданого, получил через жену крупное наследство по завещанию А. Картина.

Основная (самая многочисленная) масса хакасов вела хозяйство своим собственным трудом. Но хозяйство рядового хакаса, вследствие крайне отсталой техники, как об этом говорилось, было весьма неустойчивым. Частые стихийные бедствия (голод, эпизоотий, затянувшаяся зима) разоряли скотоводов¹. Таким образом социальный состав хакасов не был однородным. Шёл постоянный процесс дифференциации. Небольшая часть хакасов, как говорилось, выбивалась в байскую верхушку, а другая, с малопродуктивным хозяйством, или разорявшаяся часть вынуждена была работать у баяв. Многие уходили в русские деревни, на заводы, прииски и другие промыслы.

Одной из причин отходничества хакасов была налоговая политика царизма, разрушавшая устои натурального хозяйства. Хакасы в поисках денег, чтобы внести налоги и различные денежные повинности, вынуждены были наниматься к баям, русским кулакам, уходить на прииски. Так, по неполным данным, в 1845 г. в русских селениях Минусинского уезда проживали в работниках 715 мужчин и 612 женщин², а в 1850 г. — 1 416 человек сагайцев³.

Судя по архивным данным и некоторым другим сведениям, наибольший уход хакасов на промыслы наблюдался во второй половине XIX в. В 1887 г. только в семи деревнях Ачинского уезда проживало 229 человек кызыльцев обоего пола⁴. По регистрации проф. Н. Ф. Катанова, в 1889 г. из 9 584 человек мужского и 8 117 человек женского населения сагайцев 1 318 мужчин и 819 женщин находились на промыслах, работали у русских кулаков. Из этого числа на заводах и приисках работало 314 мужчин и 28 женщин⁵. Такая же картина наблюдалась у качинцев, у которых в 1893 г. «из 3 270 качинцев-плательщиков налогов ежегодно уходили на сплав плотов и барок по Енисею до 1 000 человек, на работу на золотые прииски — до 200 человек и в русские селения — до 700 человек».⁶ Больше всего хакасы жили и работали в селениях: Таштыпе, Нижнем Имеке, Большом Моноке, Иудино, Бее, Бейской волости; Кривинском, Означенном, Каптырёво, Шушенское, Шушенской волости, в деревнях Тесин-

¹ Записки ХакНИИЯЛИ, вып. IV, 1956, стр. 51.

² ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 353, л. 26.

³ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 408, л. 82.

⁴ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы, Красноярск, 1898, стр. 37.

⁵ Н. Ф. Катанов. Сагайские татары Минусинского округа. «Живая старина», вып. I—IV, СПб, 1893, стр. 56.

⁶ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 161.

ской, Абаканской и Новосёловской волостей Минусинского уезда. Многие ушедшие на промыслы, привыкнув и освоив русский быт, оставались в русских селениях на постоянное местожительство. Большинство из них возвращалось к своим родным местам.

Нельзя не отметить, что, несмотря на тяжёлый образ жизни маломощных хакасов, их пребывание в русских селениях, их совместная работа и жизнь с русскими крестьянами играли положительную роль. Хакасы приобщались к более передовой культуре русского народа, заимствуя навыки ведения земледельческого хозяйства, учились выращивать овощи, ухаживать за скотом при стойловом содержании. Положительным моментом является ещё то, что хакасы, пребывая среди русских, овладевали русским языком, а отдельным счастливым удавалось даже научиться грамоте. Знание языка обеспечивало взаимное доверие, способствовало установлению более тесных культурно-экономических связей. Трудовой опыт, хозяйственные и культурные навыки, приобретённые у русских, передавались потом в самые отдалённые хакасские улусы, где шёл процесс постепенного перехода от полукочевого быта к оседлому. Так, постепенно, при постоянном общении с русским народом, к концу XIX и началу XX вв. у хакасов развивалось комплексное сельское хозяйство, основанное преимущественно на технике, заимствованной у русского народа.

Прогрессивное влияние русской народной культуры сказалось не только в области сельского хозяйства, но и в изменении домашнего быта и культуры хакасов.

Глава III

ДОМАШНИЙ БЫТ И КУЛЬТУРА ХАКАСОВ

1. Поселение, жилище и утварь

Влияние русской народной культуры на развитие хозяйства хакасов нашло своё непосредственное отражение и в материальной жизни, в домашнем быту и культуре. Следы русского влияния можно проследить в области жилища, одежды, пищи и в семейных отношениях.

По примеру русских крестьян, хакасы постепенно переходили к оседлому образу жизни, вместо переносных юрт стали строить срубные избы. Известно, что хакасы в прошлом по образу жизни относились к числу кочевников и полукочевников, кочевали с зимника (хыстаг) на летник (чайлаг) и обратно. Летние пастбища бельтиров, живших в степной полосе по берегу реки Абакана, располагались в степях левобережья Абакана выше и ниже реки Таштыпа, Тёи, Еси вплоть до р. Аскиза. На зиму бельтиры основывались по берегам рек близ лесов.

Сагайцы, жившие в то время по левобережью р. Абакана между его левым притоком Аскизом и Камыштой, на лето со своим скотом переходили в долины рек Базы, Большого и Малого Сыра. На зиму они возвращались обратно к прибрежным лесам Абакана. Такой же кочевой образ жизни вели степные качинцы, кызыльцы, койбалы. В ряде мест перекочёвки у хакасов продолжались до конца XIX в. и даже до начала XX в.

В летниках (чайлаг) хакасы располагались отдельными небольшими стойбищами или улусами, тянувшимися по берегам рек и близ озёр, в местах, удобных для выгона скота. Зимники (хыстаг) обычно находились на лугах, островах, где летом для зимнего стойлового содержания скота заготавливалось сено. Кроме того, для зимника выбиралась местность, защищённая от ветров. Такое расселение исключало необходимость перевозить на далёкое расстояние сено, топливо. Старики и ныне ещё помнят места кочевья своих отцов и дедов. Так, например, качинцы улуса Ирги Июс, левобережья верхнего течения р. Чулыма,

перешедшие в оседлость на местах их бывшего зимника, рассказывают, что в апреле месяце они переходили на летник, располагавшийся в 8 км от зимника вверх по р. Чулыму. В зимник возвращались осенью, в конце сентября или в начале октября. Выше их летника находился летник качинцев соседнего улуса Ботин. Кочевья качинцев верхнего Чулыма улусов: Сукина, Горюнёва, Конгарова, расположенных по правому берегу р. Чулыма, находились от них от 2-х до 8 км.

Летние пастбища белоиюсской группы качинцев располагались около озера Фыркал, частично в степях, по берегам рек. Зимой белоиюсские качинцы жили по берегам р. Белого Июса.

Усть-Абаканские качинцы, жившие по левобережью нижнего течения р. Абакана, зимой селились около леса, тянувшегося по берегу реки. Летом перекочёвывали к рекам Ташеба и Уйбат, протекающим по безлесным степям.

Переход с зимника на летник был свойственен также податёжным жителям, где преобладающим занятием была охота. Так, часть жителей улуса Тарбаган, располагавшихся зимой в горах вверх по р. Чиланы, правому притоку Таштыпа, на лето переходили в долину р. Таштыпа около горы Карагай, где впоследствии образовался улус Карагай. А другая часть переходила к устью р. Чиланы, где образовался нынешний улус Чиланы. Жители улуса Бутрахты (в 8 км от улуса Чиланы) на зиму перекочёвывали вверх по речке Бутрахты, правому притоку р. Таштыпа. Летом возвращались обратно к её устью. В целях сохранения подножного корма для скота юрты в пределах улуса располагались довольно далеко друг от друга.

Следует отметить, что кочевья хакасов ограничивались определённой территорией, в пределах которой находились их пастбища, покосы и посевы. Эта ограниченность территорий в некоторой степени способствовала переходу хакасов к оседлости.

К оседлому образу жизни местами стали переходить ещё в конце XVIII в. По сообщению П. Палласа, во второй половине XVIII века у кызыльцев оседло стал жить кызыльский князец Ульчугачев. Он имел вполне благоустроенный дом с балконом. Его сородичи также выстроили дома по образцу домов русских крестьян. О кызыльцах, живших у берегов Чулыма, И. Георги писал: «С того времени, как владеют местами около Чулыма изподволь привыкли они к постоянным жилищам. Некоторые совсем с мест своих не трогаются; большая половина имеет так, как барабинцы, всегдашние зимние деревни и подвижные летние юрты. Чем ближе деревни их к Российским селениям, тем больше уподобляются они в рассуждении жилищ и жития россиянам. Большая половина мужчин понимает также и по-русски; однако говорят худо»¹

¹ И. Георги. Описание всех обитающих в российском государстве народов, ч. II, СПб, 1799, стр. 145.

В 1771 г. в с. Аскизе, впоследствии ставшим административным центром сагайцев, по соседству с русским священником, оседлой жизнью жил сагайский князец по имени Амзор.

По сообщению путешественников второй половины XVIII в., известно также, что некоторая часть койбалов, занимавшаяся земледелием, жила оседлой жизнью, строила срубные жилые постройки и хозяйственные дворы. Число оседлых хакасов увеличивалось из года в год, а кочевых всё уменьшалось.

По архивным данным 1832 г., у койбалов из 1 523 человек населения на оседлость перешло только 32 человека обоего пола¹. К 1861 г. число оседлых увеличивалось, и койбалов сагайского ведомства оседлыми числилось уже 93 человека².

У сагайцев же к 1832 году из 8 798 душ обоего пола населения оседло жило 132 человека³. К 1861 году из 14 714 сагайцев, куда входили теперь и койбалы, оседлыми числилось 785 человек обоего пола⁴. Цифровые данные, содержащиеся в сведениях Степных дум об оседлых хакасах, далеко не соответствуют действительности. Дело в том, что переход к оседлости был связан с перечислением хакасов в сословие крестьянства с платёжом всех крестьянских податей и повинностей, за исключением рекрутства. Хакасы же по «Уставу инородцев» 1822 г. причислялись к кочевникам. Они были освобождены от рекрутчины, имели некоторые «льготы» в смысле управления и уплаты налогов. Поэтому многие хакасы именовали себя кочевниками даже тогда, когда они фактически жили оседло, остерегаясь рекрутчины. К тому же, байская верхушка нередко запугивала рядовое население, распространяла слух о том, что с переходом к оседлости хакасы будут нести крестьянские налоги и отбывать воинскую повинность⁵. Вот почему сведения об оседлости хакасов иногда расходились с фактическим положением.

Однако, те хакасы, которые жили в непосредственном общении, в соседстве или вперемежку с русскими, как и пребывавшие среди русских в качестве наёмных работников, осваивали русский хозяйственный быт и предпочитали оседлое крестьянское сословие. Об этом свидетельствует ряд источников. «Очень много, — писал П. Е. Кулаков о кызыльцах, — переходов в крестьянское состояние произошло в 40-х годах, причём в крестьяне перечислялись многие из тех инородцев, которые жили в работниках по русским селениям и «навыкли к оседлости и домовод-

¹ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 158, л. 7.

² ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 691, л. 27.

³ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 266, л. 136.

⁴ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 691, л. 25, 26, 27.

⁵ Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 39.

Г. Пейзын. Минусинский округ Енисейской губернии, Записки Сибирского отдела Русск. Географ. общества, кн. V, СПб, 1858, стр. 157—158.

ству», «приспособились к крестьянской промышленности, занимаются хлебопашеством и обзавелись домами»¹.

В 1854 г. в 4-х волостях Минусинского уезда оседлой жизнью жили 1 506 хакасов. Из них в Шушенской волости — 252 мужчины и 264 женщины; в Тесинской волости 137 мужчин и 158 женщин; в Абаканской волости — 216 мужчин и 222 женщины; в Новосёловской волости — 1 222 мужчины и 105 женщин².

Хакасы, жившие среди русских, не просто становились оседлыми жителями, а обращались к начальству Енисейской губернии с просьбой официально их зачислить в сословие крестьян, так как Степная администрация взыскивала с них по-прежнему различные повинности, превышавшие обычные.

Так, например, в 1858 г. сагайцы, жившие оседло в д. Сабинской, жаловались ревизору Тапскому, обследовавшему Степную думу соединённых разнородных племён, что их не перечисляют в сословие крестьян. По этому поводу Тапский писал: «Из д. Сабинской инородцы оседло живущие жаловались мне, что их не перечисляют в крестьяне. Всего в 1858 г. желающих было до 166 семейств. Между тем инородцы, проживающие оседло между крестьянами, терпят разного рода стеснения от своего степного начальства и отягощены излишними повинностями»³.

В 1862 г. указом Енисейской Казённой палаты было разрешено 153 оседлым хакасам перейти в сословие крестьян. В указе говорилось: «Инородцев, проживающих оседло в деревнях Минусинского округа, поименованных в составленном списке, перечислить в крестьяне со 2-й половины 1861 года с платежом податей и с отнесением повинностей по крестьянскому званию по волостям: Абаканской — 40, Тесинской — 23, Новосёловской — 12 и Шушенской — 18 душ и на льготу до новой ревизии по Абаканской — 25, Тесинской — 16, Новосёловской — 9 душ, а из числа инородцев исключить их с того времени, о чём к надлежащему исполнению и предписать Минусинскому окружному казначейству, Абаканскому, Тесинскому, Новосёловскому и Шушенскому волостным правлениям, а также Абаканской инородной Управе, Степной думе соединённых разнородных племён и Июсской инородной управе, препроводив во все эти места именные списки»⁴.

В Абаканской волости хакасы оседло жили в русских деревнях и сёлах: Копенской, Усть-Ербинском, Усть-Сыды, Сорокиной, Байкаловой, Бире, Узинской, Верхней Ерге; в Тесинской волости в деревнях Потрошиловой, Берёзовке; в Новосёловской

¹ А. А. Кузнецова и П. К. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы, Красноярск, 1898, стр. 37.

² Г. Пейзын. Минусинский округ Енисейской губернии. Записки Сибирского отдела имп. Географ. общества, кн. V, 1858 г. стр. 136—137.

³ ХОА, св. 27, д. 729, л. 2.

⁴ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 724, л. I, 2.

в д. Сон; в Шушенской в деревнях Сабинской и Означенном¹. В архивных документах этого времени сохранился также ряд заявлений отдельных семей, обратившихся в Степные думы с просьбой отчислить их из числа кочевых и дать им увольнительные удостоверения, так как они давно живут оседло среди русских. Имеются также протоколы русских сельских сходов, где разбирались и удовлетворялись просьбы хакасов о приёме их в своё оседлое крестьянское общество. Принятым в данное общество отводили усадебный участок, земли под покосы и пашни.

По мере расширения и развития земледелия и стойлового содержания скота, а также вхождения в хозяйственный быт хакасов таких транспортных средств, как телега и сани, число оседлых хакасов, живших по образу русских крестьян, всё больше и больше увеличивалось.

Во второй половине XIX в. в ряде мест из ранних оседлых улусов по типу русских селений образовались хакаские селения: Аскиз, Усть-Есь, Уты, Большесейское, Малосейское, Сирское, Синявино Аскизского ведомства; в Кызыльском ведомстве возникли сёла Ураки, Чебаки, Сарала, Толчая; в Абаканском — Усть-Абаканск, Чарково и другие.

В некоторых из указанных селений вместе с хакасами жили русские крестьяне, торговцы и золотопромышленники. Дома, как и в русских селениях, располагались по обеим сторонам тракта или просёлочной дороги окнами на улицу. На противоположной стороне устраивались хозяйственные и скотные дворы, за которыми тянулись небольшие огороды.

К концу XIX века абсолютное большинство хакасов жило уже оседлыми улусами. Лишь небольшая часть населения степной местности продолжала полуоседлую жизнь, переходя с зимника в летник и обратно (рис. 30). Именно к этой группе хакасов относятся слова проф. Н. Ф. Катанова о том, что «минусинские татары, хотя и называются «кочующими», но кочуют совсем не так, как, например, киргизы, которые со своими стадами проходят огромные пространства. Минусинские татары около полугода (с сентября до конца года или половины апреля) живут на зимниках, где стоят их бревенчатые избы и прочные дворы для скота, а полгода (с марта или половины апреля до сентября) на летниках, где, кроме бревенчатых, берестяных или войлочных юрт да дворов из жердей или плетня, ничего нет. Многие татары, а в особенности живущие близ русских сёл и деревень, ведут оседлую жизнь и кроме скотоводства занимаются хлебопашеством²».

В 1910 г. из 333 обследованных улусов лишь 98 улусов, составлявших 29,4%, продолжали переходить с зимника на летник.

¹ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 724, л. 4—14.

² Н. Ф. Катанов, Отчёт о поездке 1896 года в Минусинский округ, Казань, 1897, стр. 8.

По ведомствам эти данные характеризовались следующим образом:

Ведомства	Число всех исследованных улусов и селений	Число улусов с летниками	В % отношении
1. Кызыльское	45	5	11,1
2. Абаканское	168	69	41,1
3. Аскизское	120	24	20,0
Итого:	333	98	29,4

Оседлые улусы от старинных кочевых отличались и по составу населения. В кочевых улусах жили обычно представители одного семейства, одного рода. А оседлые поселения состояли из представителей различных родов (сеоков).

Улусы свои наименования получали по местности их расположения, по названиям рек, сеоков, по имени старшего в роде первоначально осевшего на этом месте, по именам богачей и старшин. Позднее, особенно у абаканских качинцев, улусы стали именоваться по фамилиям большинства жителей (как Райков, Киштымов, Баинов, Шурышев, Доможаков, Кулагашев, Аршанов и т. д.).

Оседлые улусы, в отличие от селений русского типа, располагались беспорядочно, небольшими разбросанными группами. Отличительной особенностью хакасских улусов было и то, что посередине ограды каждого хозяина стояла юрта. Вокруг неё на определённом расстоянии располагались хозяйственные постройки и скотные дворы.

Переход от кочевого быта к оседлому сопровождался строительством деревянных домов, амбаров и других хозяйственных построек русского типа.

Исконным жилищем хакасов была юрта. Юрты, в зависимости от природных условий и характера основного занятия населения, были различных форм и типов.

У жителей степной части, где преобладало кочевое скотоводческое хозяйство, основным жилищем была круглая лёгкая переносная юрта, с решетчатым остовом, покрываемая берёстой или войлоком. Население, жившее в подтаёжной полосе, где скотоводство было менее развито, в основном имело берестяные и корьевые юрты и шалаши.

Наиболее архаичным жилищем, сохранившемся кое-где у сагайцев подтаёжной части ещё до начала XX в., были алачы и ат иб или хахпас иб¹.

¹ Ат иб у некоторой части подтаёжных жителей бытует до сего времени.

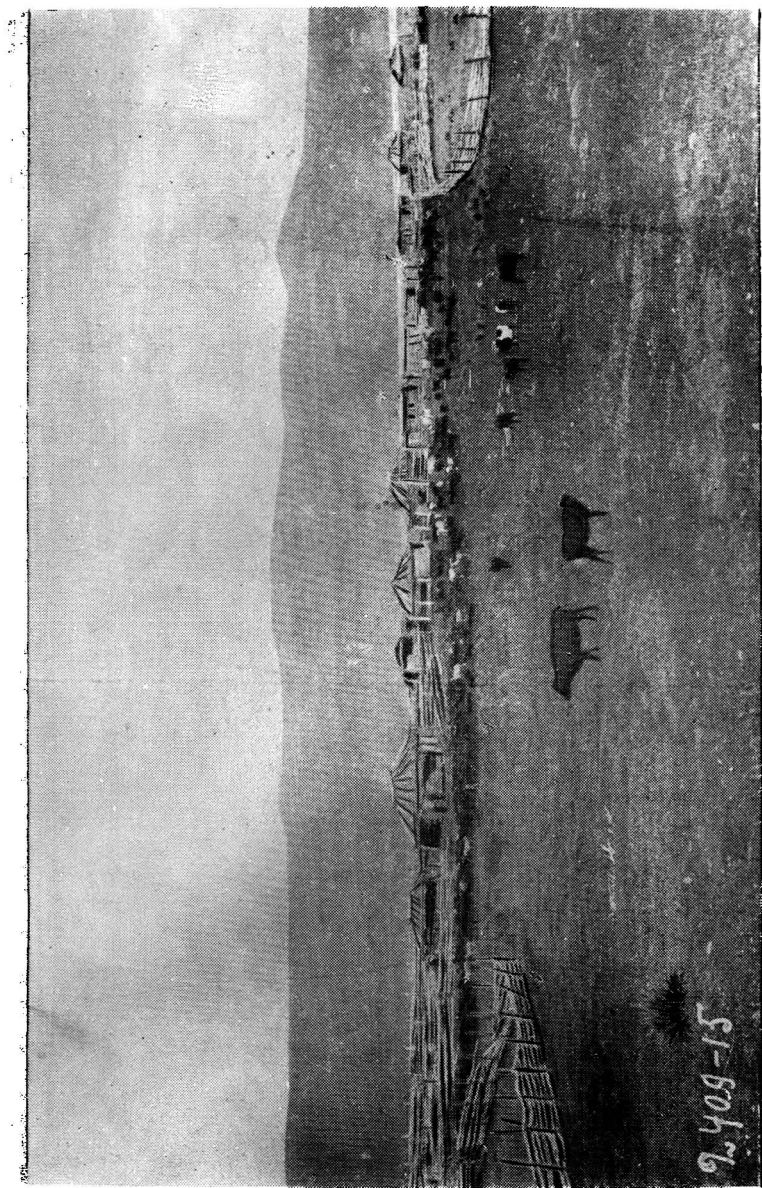

Рис. 30. Летник. Качинцы.

92409-15

Рис. 31. Юрта (ат иб). Сагайцы.

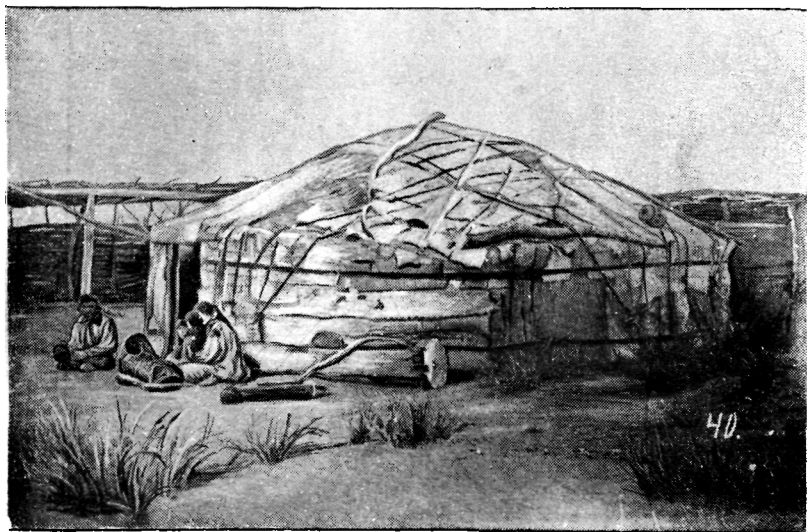

Рис. 32. Берестяная юрта.

Алачных представлял из себя конусообразной формы шалаш, состоявший из соединённых верхними концами жердей, которые покрывались берёстой (тос) или лиственничной корой (хахпас). На конце конуса посередине крыши оставалось отверстие — дымоход (түнүк). Ат иб или хахпас иб состоял из четырёх столбов, вкопанных в землю. Верхние концы столбов между собой связывались толстой деревянной рамой. К раме приставлялись доски-горбыли в виде стен. Крыша пристраивалась из тонких брёвен. Брёвна укладывались в клетку, или концы брёвен рубились в лапу. Постепенно суживаясь кверху, крыша заканчивалась круглым дымовым отверстием. Стены и крыша снаружи покрывались лиственничной корой. Кора сверху придавливалась жердями, палками (рис. 31). Пол был земляной, посередине находился очаг. Дверь прорубалась с восточной стороны.

Распространёнными жилищами были переносные берестяные (тос иб) и войлочные (киис иб) юрты (рис. 32). По устройству они друг от друга ничем не отличались. Каждая из них имела круглую, куполообразную форму. Стена состояла из деревянной решётки (тирме), связанной ремешками. Крыша (чабыг) делалась из палок, нижние концы которых вырезами упирались на колья стены, а верхние вставлялись в специальные отверстия, сделанные в деревянном круге (харац), образующем дымоход. В берестяных юртах жили зимой и летом. Зажиточные хакасы свои юрты к зиме покрывали войлоком. Подобные юрты снаружи обвязывались волосяными арканами или верёвками. Такого типа юрты легко разбирались и собирались. Берёсту специально заготавливали в июне и июле месяце, как об этом было сказано выше. Для покрытия юрты берёсту, чтобы она стала эластичной, разваривали в воде и затем сшивали волосяными нитками.

В связи с переходом на оседлую жизнь, к концу XIX в. переносные юрты были совершенно вытеснены новыми бревенчатыми срубными юртами. Срубные юрты начали строить хакасы ещё в первой половине прошлого столетия, причём (по рассказам стариков) войлочные юрты исчезли раньше, чем берестяные. Это вполне естественно, так как шерсть больше шла на продажу.

В технике строительства бревенчатой юрты была попытка сохранить прежнюю традиционную форму — круглую, с куполообразной крышей. Юрта строилась многоугольной, число граней достигало от 6 до 14. Больше строились 6—8-угольные юрты (рис. 33). Стены (иб хакасы) складывались из брёвен, углы рубились в лапу. Крыша, надстроенная из тонких брёвен, сложенных клеткой, заканчивалась дымовым отверстием. Поверх брёвен крыша покрывалась лиственничной корой или берёстой, которые закреплялись палками. Верхние концы палок придавливались рамой, а противоположные — дополнительным венцом. Староиюские и абаканские качинцы, и частично кызыльцы, до-

начала XX в. продолжали крыть бревенчатые юрты берёстой. Поверх берёсты, вместо жердей, накладывали земляные пласты. Подобные юрты нередко служили и зимним жилищем. Более зажиточные хакасы юрты крыли тёсом (рис. 34). Над дверью пристраивались двухскатные навесы. Строились также многоугольные юрты, у которых брёвна стены клались не срубом, а вставлялись в пазы массивных столбов, вкопанных в землю. Такие юрты назывались столбалыг иб.

Наряду с бревенчатыми юртами, население степной части, в частности абаканские качинцы, продолжавшие переезды с зимника на летник, строили переносные юрты. Такие юрты состояли из шести отдельных стен. При установке юрты стены приставлялись вплотную друг к другу и закреплялись железными крючками. Такая юрта легко и быстро разбиралась и собиралась. Перевозили её на телеге. По словам стариков, такие юрты качинцы начали строить недавно, в начале XX в., когда реже стали строиться берестяные юрты¹.

Внутренняя обстановка юрты и качество предметов домашней утвари у зажиточных и рядовых хакасов резко отличались.

Внутри, посередине юрты находился очаг (от орны). Рядом с очагом, вплотную с ним, с правой стороны топкой к костру, стояла кимеге (вид печи), сбитая из глины. На ней постоянно стоял большой котёл, в котором варили суп, использовали его и для приготовления айрана, замораживали аарчы².

Прямо против дверей у западной стены помещалась деревянная кровать (орган, сире). Кровати были покупные или самодельные. Прежде вместо кроватей ставились простые нары, у бедняков такие нары заменяли кровати вплоть до начала XX в.

Постельную принадлежность составляли войлок (киис), подушка (подуска), овчинное одеяло (чорган). У зажиточных на кроватях лежали по несколько войлоков. В целях украшения, передний край войлока обшивался в несколько слоев тканью различного цвета. Такие войлоки у качинцев и кызыльцев назывались хоос хастыг киис, что значит войлок с украшенными краями. Старики рассказывают, что у качинских скотоводов прежде были и войлочные ковры, орнаментированные белыми полосками. На обоих концах кровати были подушки (пас частых) местного производства в виде узкого длинного мешка, сшитого из выделанной овчины без шерсти. Иногда к овчине подшивался холст. Подушка набивалась травой или шерстью, а позднее птичьими перьями. Для украшения к одному из более широких концов подушки вставлялась четырёхугольная дощечка, обтянутая плисом. Получалось как бы плоское дно. Плис снаружи украшался. Посередине пришивалась парча или шёлко-

¹ По типу этих юрт ныне в колхозе «Путь к коммунизму» Алтайского района чабанам на летнее время строят четырёхугольные переносные юрты.

² См. раздел «Пища».

Рис. 33. Юрта. Качинцы.

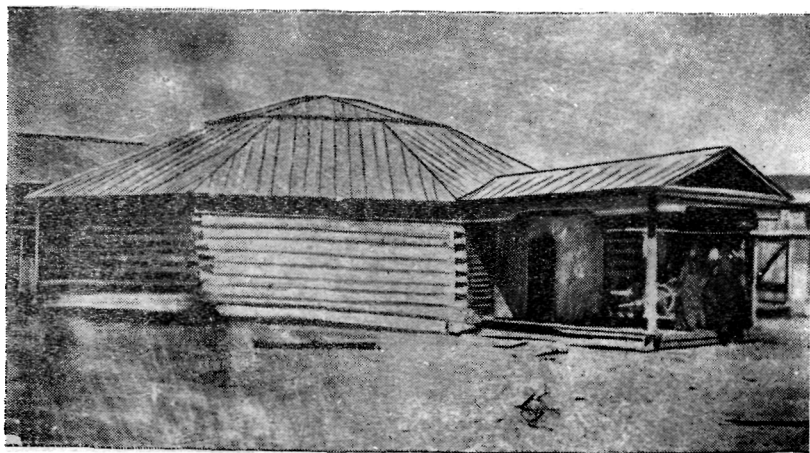
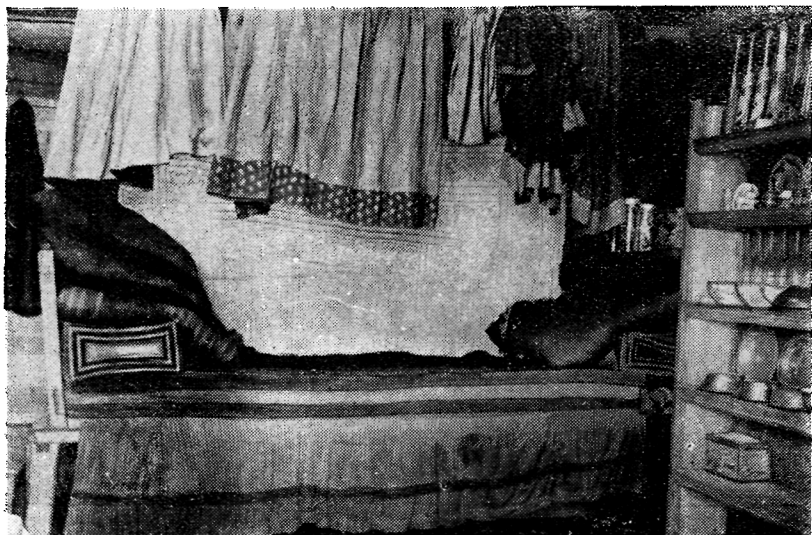

Рис. 34. Юрта зажиточного хакаса. Качинцы.

Рис 35. Женская половина юрты богатого качинца.

Постель зажиточного кызыльба.

вая материя, а по краям вышивались шёлковыми нитками, в виде дорожки, 2—3 полосы. Такая подушка служила своего рода украшением на постели. Сверху на неё клались пуховые подушки. Пуховые подушки, безусловно, были заимствованы хакасами от русских. Хакасские подушки с вышивками бытовали вплоть до 30-х годов XX века.

У богатых кровать завешивалась занавеской (көзеге, көзенге) из цветного шёлка или яркой цветной ткани, окаймлённой полосками чёрного плиса, вышитыми цветными узорами.

Юрта внутри делилась на две половины: правая от входа, или северная половина (алтынсарых) считалась женской, а левая, южная сторона (үстүнсарых) — мужской. Такое деление было связано с разделением труда внутри семьи.

Справа у стены на подставках стояли различного размера деревянные кадки и прочая посуда, необходимая для домашнего хозяйства. Дальше у правой северной стены строилась полка для мелкой посуды в виде стеллажей (тасхах—по-саг., ілгөр—по-кач.) У зажиточных хакасов на верхнюю полку ставился длинный ряд бутылок и графинов. Во втором ряду сверху расставлялись покупные медные тазы и фарфоровые столовые чашки. На остальных полках находилась прочая посуда ежедневного употребления. У баев посуда расставлялась в виде декоративного украшения (рис. 35). На полу под полкой размещалась деревянная или глиняная посуда для содержания молока. У стены между кроватью и упомянутой полкой стояла вторая полка. На верхнем ряду обычно расставлялись тоже бутылки, на нижнем — чайные фарфоровые чашки с блюдцами. Надо заметить, что большое количество бутылок в хакасской юрте имело не только декоративное значение, но и практическое. В них часто держали вино, выкуриваемое обычно домашним способом из молока или хлебной браги. Поэтому почти в каждой юрте можно было встретить примитивный перегонный аппарат.

У бедной части населения на всех полках размещалась самая необходимая посуда, причём, в большинстве случаев деревянная и глиняная, очень редко фарфоровая.

Ниже второй полки на деревянных подставках ставились сундуки. Обычно в одном ряду помещалось только два сундука. В них находились продукты или одежда. Пространство от нижнего края полки до сундуков затягивалось занавеской. У баев здесь висели покупные цветные ковры (кибіс), у бедных обыкновенные цветные ткани.

На мужской половине, вдоль двух стен до постели, тянулись нары, а параллельно нарам почти на уровне верхнего края стены юрты — полка. На этой полке стояли иконы, возле икон — шкапулки с восковыми свечами. А с обеих сторон икон почти по всей полке расставлялись различных расцветок и размеров покупные шкапулки (абдра), в которых держали нитки, серьги, кольца и другие мелкие предметы украшения. На нарах стояли

сундуки с одеждой и обувью. В сундуках же хранилась праздничная, свадебная конская сбруя. От полки до уровня сундуков висели занавески или ковры. Перед сундуками стояли самодельные скамейки. Перед иконами на полу — крашенный четырёхугольный покупной или самодельный стол. У зажиточных стол накрывался скатертью или клеёнкой.

Налево от дверей, вдоль стены, устраивали низкие нары, служившие вместо кровати. У некоторых пространство под нарами использовалось под курятник. У кого не было амбара, на этом месте стоял ларь для хранения зерна. В стену, ниже верхнего венца, вбивался ряд толстых деревянных гвоздей, на них вешали обычную конскую сбрую, кожаные перемётные сумы, сёдла и т. д. У охотников на мужской половине висело охотничье снаряжение. Пол юрты был земляной. На нём расстилались невыделанные кожи с шерстью, называвшиеся талбах. Из описанного видно, что национальная традиция сочеталась с усвоением многих предметов русского народного быта и культуры.

Срубные дома русского типа в быт хакасов стали входить ещё с середины XVIII в. Однако в силу отсталости строительной техники, дома строились медленно. По описанию П. Палласа, зимнее жилище у кызыльцев строилось из тонких берёзовых прутьев в виде большого ящика. Со стороны входа к нему пристраивалось подобие сеней, с двумя стенами и крышей. Снаружи избушка заваливалась толстым слоем земли, а изнутри обмазывалась глиной. Отоплялась камином. Труба камина выходила наружу. Свет днём проникал через отверстие, оставленное посередине потолка. На ночь отверстие закрывалось. Напротив камина у двух стен стояли широкие скамьи, служившие кроватью. «Это была изба, — пишет П. С. Паллас, — сделанная на татарский образец»¹. Описанный тип жилища у кызыльцев носит название чир иб (земляная юрта). В XIX в. земляные юрты уже вышли из быта хакасов. К 90-м годам XIX в., по сведениям А. А. Кузнецовой, сохранилась лишь одна такая землянка в Можарском улусе. Избушка была с двумя окнами и дверью. Стены были сделаны из двойного берёзового плетня, промежутки между которыми были засыпаны землёй. Внутри землянки были устроены нары и глинобитный очаг-чувал с трубой, выходившей наружу.

Переходным к избе русского типа, как у кызыльцев и качинцев, так и у сагайцев, был наиболее распространённый тип жилища, называвшийся у хакасов ссол. Это была бревенчатая избушка с окнами и дверью, с земляным или деревянным полом, с плоской крышей из досок. Подобные избушки в некоторых местах бытуют и до сих пор. Но в отличие от старых, эти избушки имеют деревянный пол, окна с застеклённой рамой. А в преж-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. II, кн. 2, СПб, 1799, стр. 450.

них, по рассказам стариков, вместо окон служило прорубленное отверстие, затянутое брюшиной (исті харын). Оконные рамы и косяки не делались. Очаг в виде камина устраивался в углу, справа у входа. Впоследствии рядом с камином ставилась покупная железная печь (тимір пес). Подобного типа избушки постепенно вытеснились срубными или домами с деревянным полом, окнами, печью, сенями и с крыльцом. Это были уже обыкновенные дома русского типа, строившиеся с плоским потолком без крыши. Позже стали возводить односкатные или двускатные крыши из берёсты, лиственничного корья, жёлобов и тёса. В степных улусах такие крыши делались из тонких жердей на козлах, покрытых земляными пластами. Многие хакасы, строившие дома сами, для изготовления дверных и оконных косяков, рам и дверей нанимали русских мастеров-плотников.

Зажиточные хакасы и баи строили пятистенные дома в несколько комнат. Для этого они нанимали бригаду русских плотников: Ставни были резные, наличники также украшались резьбой. Крыша была четырёхскатной из тёса, строилась на стропилах. Как правило, дом или каждая комната пятистенного дома имели по три и даже четыре окна. Два-три окна в стене по фасаду и одно в боковой стене.

Внутренняя планировка дома мало отличалась от русских крестьянских домов. Отличие было лишь в предметах домашней утвари. В доме хакаса обычно справа или слева у входа стояла русская печь, а рядом железная печка или плита для отопления жилья и приготовления пищи. В одном из передних внешних углов русской глинобитной печи ставились две стойки из толстых досок (плах). Они поддерживали печь. От верхнего конца досок шли два бруса (пурғус). Конец одного из брусьев вбивался к фасадной стене, а другого — к боковой. Первый брус служил полкой. На неё ставили квашню, корытце, сито и другие предметы домашнего обихода. На второй брус клали головные уборы, рукавицы и т. д. В переднем углу, перед печью, стояла полка для посуды, по типу полка юрты. У многих были угловые полки, сделанные по русскому образцу. Часто такие полки делались в виде шкафа с двустворчатой дверцей. Перед полкой стоял кухонный стол. Напротив русской печи в углу у дверей стояла кровать. От кровати к переднему углу, как правило, стоял небольшой сундук или скамейка. Рядом с кроватью у дверей обычно стояла ручная мельница. В переднем углу, напротив полки с посудой, на маленькой угловой полочке размещались иконы. Обеденный стол стоял перед иконами. Посредине одной из боковых стен прорубалась дверь в другую комнату (горницу). Это было в домах более зажиточных хакасов. Вдоль стен на уровне нижнего края подоконника наглухо к стене укреплялись лавки. У некоторых хакасов на подоконниках, как у русских, стояли комнатные цветы, а между окнами фасадных стен висели фотокарточки в рамках. В комнате, кроме упомянутой

мебели, находились покупные стулья, табуретки или простые скамеечки. Стены комнат обмазывались глиной. По рассказам стариков, комнаты начали белить лишь с 90-х годов прошлого столетия. У многих даже в начале нашего столетия стены не белились. Описанная внутренняя обстановка дома была характерной для рядового хакасского населения. Зажиточные хакасы обставляли свои дома более богато. В горницах у них можно было видеть крашенные столы, покрытые клеёнкой или скатертью, стулья, угловой треугольный столик, также покрытый скатертью, богато убранную кровать с занавеской, сундуки, украшенные различными пластинчатыми узорами, деревянный диван с резной спинкой.

Хакасские дома как во внешнем оформлении, так и во внутреннем убранстве весьма напоминали русские крестьянские дома. Русские названия отдельных частей дома и предметов домашнего обихода также отразились в лексике хакасского языка.

Приведём список некоторых заимствованных слов:

Русские:

избушка
стена
матица
пол
подполье
потолок
лавка
шкаф
рама
стекло
крючок
сени
кладовая
крыльцо
дранки
плаха
тёс
карниз
ключ
замок
печь
плита
труба
Стол
стул
табуретка
скамейка
диван

Хакасские:

узбускэ
стене
маас, матка
пол
подпойла
потолок
лапка, наланка
шкап
рама
ыстекло
кручок
сенек
кладопка
кёрлес
трайна, транка
пылаха
чос
карнис
клүс
самук
пес
плита
турба.
ыстол
ыстул
табаретка
ыскамейка
тиван

лохань
таз
поднос
сковорода
квашня
тарелка
вилка
блюдец
сахарница
бокал
стакан
чайник
рюмка
самовар
лампа

ылахан
таас
поднос
скабыра
кыбасна
тарелка
пилка
плүтсе (чаймах)
сахарнитса
пакал
ыстакан
чейник
рүмке
самабар, санабар,
лампа, ламта.

2. Пища

В пище отражался характер хозяйственной деятельности. Пищу хакасов главным образом составляли молочные, мясные продукты и продукты зерновой культуры. Употребляли в пищу и дикорастущие растения, овощи и картофель.

Дикорастущие растения собирало главным образом при- таёжное население: бельтиры, сагайцы, кызыльцы и частично качинцы. Собирали они сарану (саргай—саг., сип— кач.), кандык (хандых), хлебенку (сумчулгай), поле- вой лук (чама), дикий лук (көбірген), корни болот- ного растения, носящего название ипсек, слизун (махурсум), черемшу (халба), пучки (малтырган) и т. д. Ели их в сыром виде и употребляли в качест- ве приправы. Из перечисленных растений значи- тельное место в пищевом рационе занимала черем- ша, сарана и кандык. Сарану и кандык копали специальной корнекопалкой, называемой озупом (рис. 36). Черемшу употребляли свежей, в виде ок- рошки на воде со сметаной и молоком, солили на зи- му. Кандык и сарану пекли в золе, заправляли в суп вместо крупы, варили на молоке. На зиму сушили, заготавливали впрок.

В 40-х годах XIX в. путешественник Н. С. Шукин писал о кандыке, что это «кушанье в почёте даже у русских: корень сперва кипятят в воде, потом обли- вают молоком и подают в виде макарон; блюдо это отзывается и рисом и картофелем, и мучным и сладковатым. Корень белый и походит на клык со-

Рис. 36. Озуп. баки. Это полезное растение следовало бы развести

в Европейской России»¹. Сарану и кандык собирали чаще всего в июне месяце, что отразилось в сагайском календаре под названием «хандых айы» (месяц кандыка). В пищу хакасами употреблялось также зерно от кендыра (дикий конопля). Его поджаривали в специальной чаше, толкли в ступах, катали колобки (тохчах). Колобки подавались к чаю. Значительную часть растительной пищи хакасов составляли различные виды дикорастущих ягод: брусника (тиин хады — саг., нир — кач.), черника (ноньных — саг., көк нир — кач.), земляника (чир чистеги), малина (агас чистеги), смородина (харахат), красная смородина или кислица (хызылхат), костяника (көзірхат, хусхацах чистеги), черёмуха (нымырт), боярка (тоо) и т. д.

Ягоды в основном ели в свежем виде, либо с молоком и со сметаной. Ягоды черёмухи и боярышника сушили, затем толкли или мололи на ручной мельнице, а позже даже в обычных водяных мельницах. Молотую черёмуху заваривали кипятком, разбавляли сметаной или маслом и подавали к чаю. Готовили из черёмухи и своеобразное хакасское блюдо, называемое тоор-хан нымырт (мороженая черёмуха). Черёмуху разбавляли в расплавленном масле, затем ставили в прохладное место. Это блюдо готовится хакасами и сейчас. К черёмухе иногда добавляют сахарный песок.

В большом количестве собирали хакасы бруснику и кадками замораживали на зиму. Часто бруснику вывозили для продажи в русские деревни. Из смородины, черники, малины, земляники варили варенье, начиняли пироги по русскому способу.

В конце XIX в. картофель стал почти повсеместно распространённым видом питания. Испечённый в золе или варёный картофель ели с простоквашей, с айраном или поджаривали на сковороде. Готовили также картофельное пюре на молоке, картофелем начиняли пироги, заправляли суп. Из овощей, как упоминалось выше, хакасы заимствовали от русских капусту, огурцы, морковь, свёклу, брюкву. Правда выращиванием овощей занималось небольшое число населения. Овощи употребляли в свежем виде, как лакомство, варили и жарили, или начиняли пироги.

Из зерновых хакасы сеяли, как было сказано, ячмень, ярицу, пшеницу и рожь. Зерно размалывали в муку, превращали в крупу и толокно (талган). Для крупы и толокна зерно поджаривали в специальной чугунной чаше. А чтобы зерно не подгорало, беспрестанно его перемешивали. Для этого пользовались специальной мешалкой (пулгас); на конец деревянной палочки длиной в 50—60 см накручивали шарик из овечьей шерсти.

Крупу и толокно приготавливали больше всего из ячменя. Зерно отделяли от шелухи. Поджаренное зерно толкли в ступе, за-

¹ Н. С. Шукин. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири, «Журнал Министерства внутренних дел», СПб. 1847, стр. 270—271.

тем его просеивали. Из очищенного зерна мололи крупу на ручной мельнице. А из цельного поджаренного зерна варили похлёбку, называемую кёче ўгре. Для толокна зерно поджаривали больше, чем для крупы, и мололи мелко.

Толокно ели со свежим молоком и простоквашей, айраном, абыртхой, зимой с мороженым конским брюшным салом (хаа-зы). Замораживали толокно на масле, сметане, варили как кашу (саламат). Абыртхы, кислый напиток в виде хлебного кваса, готовили из ржаного толокна. Из муки делали галушки (тут-пас). Ими заправляли суп. Научились стряпать и лапшу.

Из мучных изделий до прихода русских хакасы умели стряпать пресные лепёшки (көптіргес). Специальных печей не было. Көптіргес пекли в обычных очагах в юрте. Под очага обычно выкладывался из камней и обмазывался глиной. Перед выпечкой разжигали сильный огонь, затем под очищали от золы. Лепёшки клали прямо на под, покрывали чугунной чашей. Чашу сверху засыпали горячей золой. Лепёшки иногда начиняли рубленым мясом, салом. Отдельные хакасы такие лепёшки пекли вплоть до 90-х годов прошлого столетия.

Хлеб из кислого теста, приготовленный по русскому крестьянскому рецепту, был совершенно новым видом питания хакасов, появившимся в результате тесных взаимоотношений хакасов с русскими крестьянами. Даже в конце XIX и в начале XX вв. хакаские женщины, уходившие на заработки в русские деревни, в большом количестве привозили домой хлебо-булочные изделия, сухари. И это считалось лакомством в хакаской семье. Со временем, в обстановке тесных дружественных взаимоотношений, хакаские женщины могли постепенно перенимать новый способ хлебопечения. Из них первыми оказались женщины, часто бывавшие в русских деревнях. Первоначально печи для выпечки хлеба из кислого теста клались из камня прямо во дворе, вблизи юрт. Снаружи и изнутри они обмазывались глиной. Но с переходом в срубные дома всё чаще и чаще стали делать глинобитные по образцу русских печей. А к началу XX в. русские печи были почти во всех хакаских домах, и многие хакаские женщины умели хорошо стряпать из кислого теста не только хлеб, но и разнообразные виды сдобы.

Исключительно важное место в питании хакасов занимали молочные продукты. С разнообразными видами молочных продуктов можно познакомиться из следующего небольшого списка:

сүт (молоко),
ўстўн халбаан сүт (снятое молоко),
ачаан сүт (кислое молоко),
өреме (өріньме), чөкей, сметен (сметана),
сливка (сливки),
көк сүт (обрат, пропущенное через сепаратор молоко),
іреен сүт (узаан сүт) прастас (простокваша),

айран (айран),
 пызлах (пресный сыр),
 эчигей — творог (творог),
 хаях (масло),
 ах хаях (сливочное масло),
 сарыг хаях (топлёное масло),
 пілемік (пахта),
 потхы (каша),
 сметен потхы (каша на сметане),
 сўт потхы (каша на молоке),
 айран арағазы (самогон или водка из айрана),
 эрмек (творожистая масса, оседающая на стенках котла при перегонке айрана на водку),

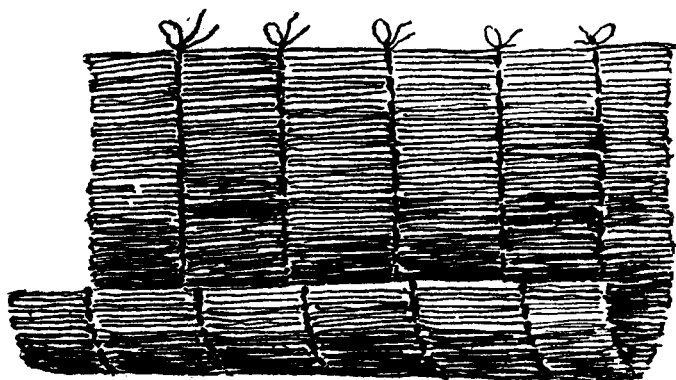

Рис. 37. Сыр.

аарчы (творожистая масса, остающаяся в сыворотке после гонки айрана на водку).

пічірө (сушёный аарчы),
 хурут (кислый сыр, сушёный).

Молоко хакасы употребляли в натуральном и кипячёном виде. На молоке варили кашу (сўт потхы), разводили талкан, стряпали преснушки (көмечек). Из молока приготавливали пресный сыр (пызлах). Для этого молоко доводили до кипения, затем добавляли простоквашу в определённой пропорции в зависимости от количества молока, от чего молоко свёртывалось и на поверхности его образовывался слой творожистой массы. Этот слой снимали и выжимали специальным приспособлением, называемым сыы. Сыы изготовляли из тальниковых прутьев длиной, примерно, в метр. Прутики плотно друг к другу привязывались волосяными бечёвками (рис.37). Пызлах употреблялся хакасами почти наравне с хлебом.

Из молока готовили своеобразное блюдо — бөреме. Молоко ки-

пятили в котле, добавляли немного пшеничной муки, затем его ставили в прохладное место. На поверхности молока отстаивалась пенка (öреме), которую снимали и замораживали. Она подавалась к чаю.

Почти повседневно хакасы употребляли сметану. У средних и зажиточных скотоводов набиралось столько сметаны, что её перерабатывали в масло. Ели сметану с хлебом, ягодой, клали как приправу в мясной бульон, в поджарку, картофельное пюре. На сметане готовили кашу (потхы) — одно из наиболее распространённых и дорогих блюд хакасов. Потхы готовилась на свежей

сметане в чугунной посуде. На небольшом огне, непрерывно помешивая, сметану доводили до кипения. Когда она начинала закипать, подбавляли муку. Варили до тех пор, пока на поверхности каши не появлялся слой масла. На стол подавалась в горячем виде. Иногда потхы посыпали талканом. Варили потхы в праздничные дни и для угощения почётных гостей.

Для получения сметаны молоко отстаивали в деревянных посудах (ызыбан, портага), в туюсках, в глиняных горшках. Простокваша также шла в пищу. Ели её с хлебом, с сухарями, с горячим картофелем, с талканом. Варили из простокваши творог.

Масло сбивали вручную из кислой сметаны. Перед тем, как сбивать масло, сметану собирали в одну посуду, предварительно отделив её от отстоявшейся внизу воды. Сбивали масло руками или мешалкой. Впоследствии научились изготавливать специальные маслобойки по русскому образцу. Хакасам было известно два вида маслобойки. Одна из маслобоек представляла из себя деревянную кадушку небольшой высоты, ёмкостью до одного ведра. Кадушка сверху прикрывалась плотной крышкой, в середине которой вставлялась мутовка. Масло сбивалось движением мутовки вверх и вниз (рис. 38). Другой вид маслобойки изготовлялся в виде деревянного ящика, объёмом 1—1,5 ведра. Во внутрь ящика вставлялся продолговатый деревянный вал, от которого выходила наружу рукоятка. Масло сбивалось четырьмя лопастями, прикреплёнными к валу, приводившемуся в движение рукояткой маслобойки.

Масло употребляли в пищу в свежем или растоплённом виде. Топлёное масло хакасы заготавливали на зиму и хранили в специально приготовленных кишках или желудках барана, телёнка и т. д.

Излюбленным напитком хакасов с давних пор являлся айран. Его готовили из различных молочных переработок:

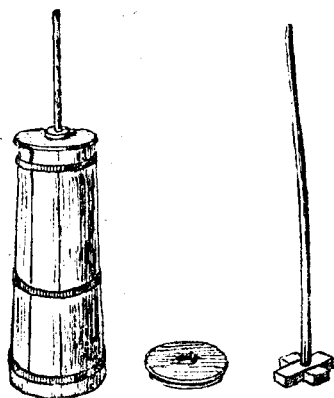

Рис. 38. Маслобойка.

снятого кислого молока, пахты, простокваши и сыворотки от творога. Айран являлся повседневным напитком, пили его, как и простоквашу, с хлебом, сухарями, с картофелем, с толокном. Путнику, зашедшему отдохнуть, или гостю в первую очередь подавали айран с толокном. Из айрана гнали самогон — айран арагазы. При этом получали ряд различных молочных продуктов: аарчы, хурут, пічірѳ. Для получения самогона несколько вѳдер айрана наливали в большой котѳл, который сверху накрывался таким же котлом и замазывался наглухо со всех сторон. В процессе кипения из айрана выделялись пары, которые охлаждаясь стекали по трубам в чугунные сосуды (рага), поставленные в корыте (кѳлбе) с водой (рис 39). На стенках верхнего котла оседала сухая творожистая масса — эрмек. В нижнем котле айран превращался в творожистую массу с сывороткой, называемой «аарчы». Сыворотка процеживалась сквозь холщѳвый мешок, оставалась собственно аарчы, творог, кисловатый на вкус, который обычно сушили на солнце. Эрмек по вкусу напоминал творог, и ели его также со сметаной, с молоком. А аарчы употребляли как приправу к супу, особенно к супу из ячменя (кѳче ѳгре). Аарчы придавал супу кисловатый привкус. Из аарчы делали пічірѳ и хурут. Хурут — это колобки из аарчы, высушенные на солнце или в русской печи. Пічірѳ тоже разновидность сушенѳй аарчы лапшевидной формы (рис. 40). Пічірѳ и хурут употребляли как приправу к супу, ели вместо хлеба в поджаренном виде, подавали с маслом. Кроме того пічірѳ толкли и замораживали, смешав со сметаной или маслом.

Повсеместно и широко потреблялось хакасами в пищу мясо домашних животных. Летом и осенью ели больше баранину, зимой конину и говядину. Но количество потребляемой мясной пищи, как и молочной, зависело от степени состоятельности скотовладельца.

Осенью, с началом заморозков, начинался период забоя скота на мясо. Намеченный для забоя на мясо скот (соѳым малы) подкармливали особо. Туша животного разрубалась вдоль и поперѳк на четыре части. Затем на более мелкие куски. При обработке мяса с ног и со спины (лошади, быка или коровы) снимали сухожилия, из которых сучили нитки. Внутреннее сало собиралось отдельно. Кровь, осердье и кишки также шли в пищу. Кишки тщательно обрабатывали и обмывали горячей водой. Кишки и брюшину варили как мясо, разрезав на отдельные куски. Кровь жарили, добавляя в неѳ сало, или делали из неѳ кровяную колбасу (хан). В последнем случае в кровь добавляли мелкие кусочки внутреннего сала и наливали в кишку. Такую колбасу хранили в замороженном виде, варили еѳ в супѳ или отдельно. Подавали на стол вместе с мясом нарезанную маленькими кусочками.

Хакасы делали и мясную колбасу (хыйма). Для приготовления еѳ мясо мелко рубили, добавляли в него маленькие кусочки

Рис. 39. Винокурение. Качинцы.

Рис. 40. Приготовление пічірѣ. Качинцы.

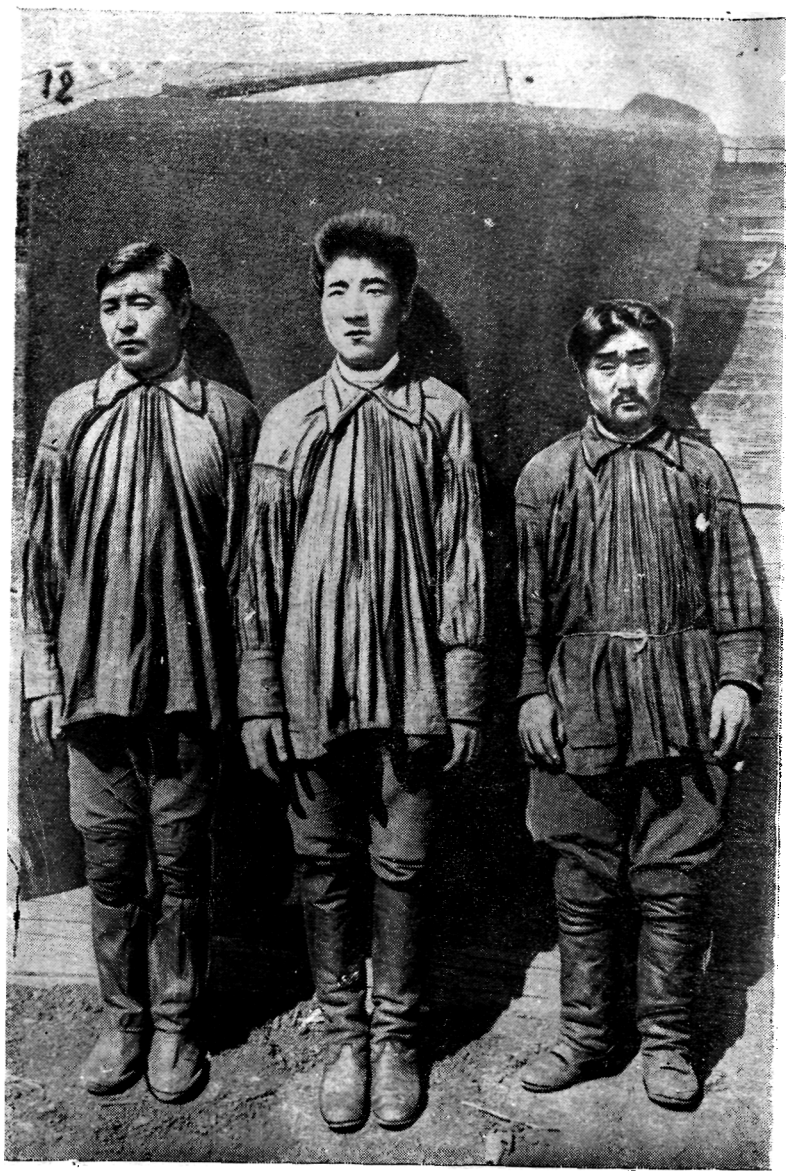

Рис. 41. Мужчины в национальных рубашках, Качинцы.

ливера, кусочки сала, соль и лук. Вся эта смесь начиналась в кишку. Этот вид кушанья хакасами высоко ценился. Её обычно посылали в качестве гостинца родственникам.

Специфичным было приготовление мясной пищи, называемой ыста. Она представляла собой ком мяса, замороженного вместе из кусков различных частей туши, весом около 5—7 кг, а то и больше. Сюда входили: кусок мяса с костью со спины (арга), ребро с лучшим куском мяса (хабырга), кусок мякоти (хонъит), мясо с шейной костью (ортха сёк), кусок от сердца (чүрек), стёгких (ёкпе), от сальной кишки (хосханах, харты), и кровяная колбаса (хан). Все эти куски замораживались в один ком (ыста). Ыста посылали в качестве гостинца самым лучшим знакомым и близким родственникам. Для собственного потребления ыста не готовилась.

Из мяса варили бульон (мүн), суп (үгре). В бульон мясо клали маленькими, а в суп более крупными кусками. Мясо подавалось на стол одновременно с супом в отдельной посуде. Приготовление котлет, пельменей, поджарки хакасы заимствовали от русской кухни.

Хакасы много мяса запасали впрок. На зиму обычно замораживали небольшими кусками для повседневного потребления и в больших кадках — для ранней весны (үүче ит). На лето мясо сушили, либо вялили на солнце. Его разрезали на длинные тонкие полоски, засаливали и развешивали на верёвках или жердах в юрте, в амбаре или на открытом воздухе. Сушёное мясо (салыглап хурутхан ит) могло храниться длительное время, не подвергаясь порче. Сушёное мясо употреблялось больше всего в летнее время и на охотничьем промысле. Из мяса домашних птиц, как и у русских, готовили суп-бульон и поджарку. Яйца ели варёными, жарили в виде омлета, стряпали на них блины и оладьи.

Мясо диких зверей больше всего потреблялось подтаёжным населением, занимавшимся охотничьим промыслом. В пищу шло мясо оленя, сохатого, марала, дикой козы, белки и зайца. В меню хакасов входили и рыбные блюда. Рыбу ели в варёном и жарёном виде.

Чай у хакасов был повседневным напитком. Качинцы предпочитали кирпичный китайский чай. Горячий чай со свежей сметаной или сливками был одним из основных угощений качинцев. Сагайцы в качестве заварки больше употребляли бадан, белоголовник, листочки земляники, брусники и других растений, которыми они летом запасались специально. Чай пили с молоком. Повседневными холодными напитками были выше упомянутые айран, абыртха и аарчы, разбавленный в холодной воде.

Горячую пищу ели три раза в день: утром (иртенгі азыраныс), в обед (обед азыраныс), вечером (иир азыраныс). Ели за маленьким низким столиком, вокруг которого рассаживалась вся семья. В праздничные дни, в дни массовых гуляний мужчины и женщины садились за отдельные столы.

С развитием новых отраслей сельского хозяйства, особенно земледелия, огородничества, национальная пища хакасов постепенно обогащалась новыми видами блюд, увеличивался ассортимент продуктов питания, улучшалось качество приготовления и калорийность пищи.

3. Одежда

Русское влияние отразилось и на одежде хакасов. Однако, по ряду причин, зависевших, например, от формы хозяйства или от силы традиции, а также от степени состоятельности отдельных хозяйств, процесс заимствования русской одежды в различных местах проходил по-разному. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что одежда русского покроя у хакасов была широко распространена там, где население больше занималось земледелием, находилось в постоянном общении с русскими и вступало с ними в тесные культурно-экономические отношения.

Уже в конце XIX в. многие хакасы, в частности северные кызыльцы и сагайцы, жившие непосредственно среди русских, как по образу жизни, так и по одежде почти не отличались от русских крестьян. То же самое наблюдалось у обрусевших качинцев, входивших в Абаканскую и Идринскую волости, Минусинского уезда.

Как мужская, так и женская повседневная одежда состояла из рубахи и штанов из фабричной ткани. Для рубахи (кӱгенек, рубаха), и платья (кӱгенек) предпочитали яркий цвет ткани. Подтаёжная часть населения носила рубахи из холста. Наиболее зажиточные хакасы имели шёлковые рубахи и платья. Их надевали лишь по праздничным дням. Количество одежды зависело от состоятельности хозяев. Старики рассказывают, что на их памяти многие хакасы имели по одной лишь рубахе. А если куда-нибудь приходилось ездить по делам или в гости, то более приличную рубаху брали у соседа или родственника. Некоторые бедняки, даже в 80-х годах XIX в., летом не носили рубахи, а ходили в шубе, спустив её до пояса.¹

Мужская рубашка шилась с наплечниками, свободной, длинной и широкой в подоле (рис. 41). На груди и на спине у самого воротника она собиралась в мелкие сборки. Воротник был широким и отложным. Застёгивалась рубаха на одну пуговицу. Наплечники, воротник, обшлага мужских рубашек делались из того же материала, что и сама рубашка. Рукава (нин) рубашки были тоже широкие и собирались в мелкие сборки у наплечника (инӱмен, ээн) и обшлагов (моркам). Сборки у наплечника обычно прошивались цветными нитками. В подмышку рукавов вставлялась квадратная ластовица (холтых). Подол подрубался широко из того же материала, этот вид рубашки у некоторых хакасов встречается до сего времени.

¹ См. статью И. Каратанова. Черты внешнего быта качинских татар. «Известия русского географического общества», т. XX, СПб, 1884, стр. 622.

Наряду со старинной рубахой, в ряде мест встречались ещё в начале нашего столетия рубахи смешанного покроя. Рубаха кроилась с кокеткой, вдоль которой шли оборки. Воротник делали, как и раньше, отложным. Рукав был гладкий с обшлагом без сборок и без ластовицы. Верхняя часть рубахи была на подкладке.

Наиболее распространённой, особенно во второй половине XIX в., была рубаха русского покроя, называемая косовороткой. Этот вид рубахи у хакасов носил название «хазах кӧгенегі», что значит «русская рубаха». На основе заимствования, хакасы-мужчины ещё в прошлом столетии начали носить пиджаки, получившие русское название пальто.

Мужские штаны шились из покупной материи, покроем их был более узкий, чем это было принято у русских крестьян. Застёгивались они на одну пуговицу. У подтаёжной части хакасов штаны часто шили из холста. Зажиточные хакасы, особенно байская верхушка, имели специальные праздничные плисовые штаны, у которых клапаны карманов украшались узором, вышитым шёлковыми нитками или полосками цветной материи.

Зимой хакасы носили меховые штаны из овчины, телячьих и жеребьих шкур, шерстью во внутрь. Под меховые штаны надевали нижние штаны из ткани. На время зимнего охотничьего сезона готовили особую одежду: куртки и штаны из войлока, покрытого холстом. Для одежды катали войлок из весенней шерсти. Старики помнят о бытовании в прошлом у хакасов рубах и штанов, сшитых из ровдуги. Эта одежда, по их рассказам, вышла из быта хакасов к концу XIX в. Ровдужная рубаха была без воротника с прорезом для надевания через голову и завязывалась двумя ляпочками. Пояс штанов делался на вздёржке (пил паг). Между штанинами вставлялся клин, носивший название тагдай.

Покрой женского платья совпадал с покроем мужской рубахи, только шили длиннее (ниже колен) и немного шире в подоле (рис. 42). Платье носили чаще всего из цветного ситца или сатина. Зажиточные хакаски имели и шёлковые платья. Углы воротника (мойдырых), наплечники (инъмен, ээн), обшлага (моркам) и ластовицы женского платья делались обычно из другого материала. Платье застёгивалось на одну пуговицу. К праздничным платьям пришивались перламутровые пуговицы. Сборки рукавов у наплечника прошивались или вышивались цветными нитками в несколько полосок или узорами. Наплечники иногда также вышивали узорами. Подол подшивался другой тканью. Вдоль подола шла вышивка цветными нитками геометрическими узорами. Этот вид женского платья у хакасок бытует до сего времени. Кое-где, заимствуя от русских, хакаские женщины, как рассказывают старики, в конце прошлого столетия начали носить нижние рубахи (істіне кисченъ кӧгенек). Они шились короткими, без рукавов, со стоячим воротником. Воротник застёгивался на две пуговицы и плотно прилегал к шее, поэтому воротник нижней рубашки обычно выступал наружу из-под воротника платья. В подтаёжных ме-

стах хакаски, как и мужчины, в обыденные дни часто носили платья из холста. Но уже в прошлом столетии в местах, расположенных близко к русским поселениям, хакаские женщины стали носить платья русского покроя, кофты, юбки. Вообще нужно сказать, что женская национальная одежда оказалась более устойчивой, чем мужская, и сохранилась в улусах до сегодняшних дней. Женские штаны шились из сатина и дабы.

Верхней весенней и осенней одеждой была суконная одежда, которую хакасы называли по-русски пальто или накидкой. Сагайцы такое пальто называли по материалу сикпен кип (суконная одежда). Накидка или сикпен по покрою почти не отличалась от русского армяка. Она имела широкий и прямой покрой, шилась на подкладке с широким воротником шалью, застёгивалась на одну пуговицу, запахивалась слева направо и подпоясывалась. Эта одежда была преимущественно достоянием зажиточных хакасов. Женский сикпен шили из сукна или плиса с широким воротником шалью. Покрой его совпадал с покроем зимней шубы. У многих сикпен на спине украшался вышивками, а спереди перламутровыми пуговицами (рис. 43). Запахивался сикпен левой половиной на правую, застёгивался на две пуговицы. Пожилые женщины в улусах сикпен носят по сей день.

Среди хакасов было распространено ношение русской однорядки (таар), изготовлявшейся из пряжи овечьей шерсти. Однорядка делалась также по типу русского армяка, прямого покроя с широким отложным или узким круглым воротником. Кызыльцы однорядку ткали сами. Сагайцы сами заготавливали только пряжу, ткать отдавали русским мастерам. Однорядка среди качинцев встречалась очень редко. Зимней одеждой хакасов была шуба из овчин. Мужская шуба (тон) кроилась в талию, с узкими клиньями, расширяющимися к подолу. Длина шубы сзади доходила до пят, а спереди чуть короче. Запахивалась шуба слева направо. Рукава делались с глубокой проймой и заканчивались полукруглым выступом, прикрывавшим руку. Ворот (мойдырых) делался из овчины же отложным и круглым. Левая пола, подол, обшлага были опушены узкой полосой меха (хуба). У зажиточных хакасов на такой шубе рядом с опушкой, примерно такой же ширины, пришивалась полоса из плиса. Шуба застёгивалась у ворота и подпоясывалась. Богачи праздничные шубы шили из чернёной овчины или покрывали чёрным плисом. Ворот, обшлага, хуба такой шубы делались из меха выдры (рис. 44). Хакасская шуба с широким подолом была удобна для верховой езды в зимнее время.

С развитием новых производственных отношений, связанных с земледелием и с другими видами хозяйства, а также под русским влиянием, появились новые формы покроя мужской шубы и постепенно изменялась прежняя. Так, наряду со старой, упомянутой выше национальной шубой, хакасы стали носить короткие шубы (содань тон) в виде русских полушубков. Мужская шуба ста-

Рис. 42. Женщины в национальных платьях. Сагайцы.

Рис. 43. Женщины в одежде сиктеп. Качинцы.

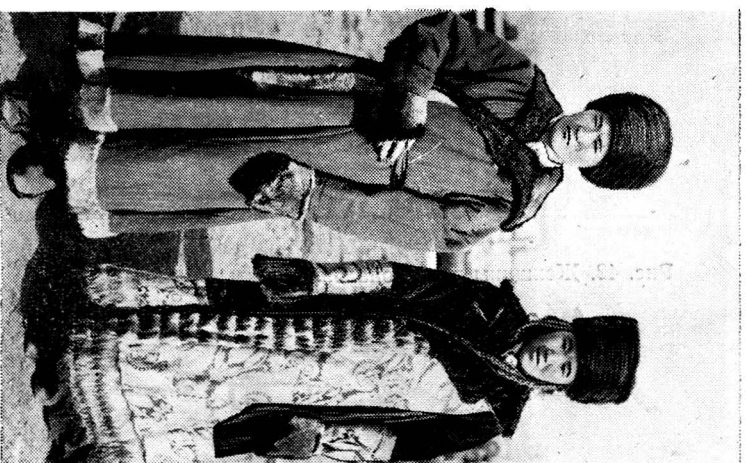

Рис. 44. Накасы в зимней одежде. Качинцы.

рого типа в настоящее время является редкостью. От русских же заимствовали шубу прямого покроя, которую хакасы называли «хазах тон», что значит «русская шуба». На такую шубу шло меньше овчин, чем на шубу старого покроя. По-видимому, от русских же заимствовали пошение дохи, называемой у хакасов тулупом. Притаёжное население шило доху из шкур дикой козы, мехом наружу, а скотоводы делали её из шкур домашней козы, иногда из собачьих шкур.

Женская шуба, как и платье, по покрою была похожа на мужскую. Запахивалась она также слева направо. Застёгивалась на пуговицы, но не подпоясывалась. В отличие от мужской, женская шуба чаще шилась с воротником из мерлушки, полы, подолы, рукава оторачивались мехом шириной, примерно, в 10—12 см. Для оторочки употреблялся мех с овечьих ног (хой пысхагы хуба), с беличьих (тиин пысхагы хуба) и мех с ног соболя (харсах хуба). Праздничные шубы сверху меховой оторочки украшались широкой полоской цветной материи (хаачы): сатина, шёлка, парчи. Спина же такой шубы вышивалась различными узорами, выполненными цветными шёлковыми нитками (чібек). У зажиточных хакасов иногда шубы покрывались сукном, плюсом или шёлком, спина украшалась цветными узорами. Воротник делался из меха выдры, а оторочка из меха с беличьих или соболиных ног. Скотоводы меха покупали у охотников. Описанная зимняя шуба, как и прочая одежда, у женщин продолжает бытовать и сейчас наряду с новыми видами покупной одежды.

Головные уборы как мужские, так и женские были почти одинаковой формы, сшитые из овчины или мерлушки с широким околышем и остроконечной тульей. В морозы, рассказывают старики, к подобным шапкам пришивали кусок овчины в виде ушанки. Но уже в конце XIX в. была широко распространена мужская шапка-ушанка. Её шили из различных мехов. Но чаще всего из мерлушки (хураган терізі пörік). Зажиточные хакасы и бан по праздникам носили шапку из меха выдры (хамнос пörік) и бобра. Последнюю шили, как правило, с широким околышем и с четырёхклиновой плюсовой тульей. Следует упомянуть, что хакасы в XIX в. бобров не промышляли, так как они были хищнически истреблены гораздо раньше. По-видимому, бобровый мех приобретался на рынках. Летних мужских головных уборов у хакасов не было. Летом они носили те же меховые шапки или ходили без головных уборов. Но в XIX в. было распространено ношение покупных войлочных и фетровых шляп (следе) с широкими полями, а также покупных картузов (картус пörік).

Женщины носили меховые шапки, сшитые из четырёх треугольных клиньев мерлушки, покрытые сверху мехом или материей с меховой оторочкой. Своеобразной была старинная женская шапка с меховым околышем и длинной висящей тульей из материи, вышитой узорами. Такие шапки носили чаще всего замужние женщины. Наиболее распространённой, особенно в конце XIX и

начале XX в., была женская меховая шапка с ушками, с полукруглым вырезом для лица и шеи. Самым распространённым же видом головного убора хакасской женщины был платок из ткани. Платки были покупные, в большинстве случаев с узорами и кистями. На зиму покупали шерстяные или суконные шали, называвшиеся саал плат (саал от шаль). В зажиточных семьях женщины имели по несколько цветных шёлковых и шерстяных платков.

Рукавицы (мелей) как мужские, так и женские имели одинаковую форму и отличались лишь размерами. При летних хозяйственных работах надевали кожаные рукавицы. Зимние рукавицы шили из белой и чёрной овчины с отделкой из материи. Отделка обычно делалась из двух узких полосок — тёмного и светлого плиса, парчи, шёлка, шерсти, сатина и ситца. Часто рукавицы оторачивались мехом. Рукавицы имели петельки-вешалки. Праздничные рукавицы покрывались материей (сукном, плисом и т. д.), тыльная сторона таких рукавиц украшалась вышивками из цветных шёлковых ниток (рис. 45).

Своеобразной была обувь. Мужчины и женщины носили так называемую «кõм õдiк» или «хара õдiк» из кожи домашнего производства. Такая обувь шилась без каблуков. Голенщице под коленями подвязывалось ремешками (поос). У подтаёжного населения голенщице обуви часто делалось из холста. Кожаную обувь без каблуков хакасы носили зимой и летом, обернув ноги, вместо портянок, толстым слоем сухой мягкой травы (õленъ от), которую для зимы заготавливали специально. Была у хакасов и специальная зимняя обувь. Мужская зимняя обувь шилась из конского и козьего (дикой козы) камуса. Она называлась пысах õдiк (по-сар), пысах маймах (по-кач.) Камусовая обувь была мягкой и тёплой, к тому же удобной для ходьбы. Женскую зимнюю обувь шили из овчины или козьей шкуры шерстью во внутрь. Задники, подошва, переда такой обуви обшивались кожей. Вместо стельки клали кусок войлока или овчины. Валяная обувь (катанки или пимы) среди хакасов стали появляться лишь в конце XIX века. Пимокатным делом сами хакасы почти не занимались, а валенки заказывали русским пимокатчикам.

В процессе заимствования от русских, у хакасов появилась обувь на каблуках, напоминающая русские сапоги. Их хакасы шили сами из кожи своего производства. Подошвы и каблуки подбивались деревянными гвоздиками, ранты обуви подравнивались раскалённым в огне железом. Хакасские сапоги, в отличие от русских, шились на одну колодку. Чтобы обувь не стирывалась, её ежедневно меняли с одной ноги на другую. Кожаную обувь окрашивали чёрной краской, получаемой от ржавого железа, время от времени смазывалась она конским салом или дёгтем.

Женская старинная обувь из быта вышла раньше, чем мужская. Так, кожаную обувь без каблуков с толстой подошвой к началу XX в. большинство женщин уже не носило. Она сохранилась

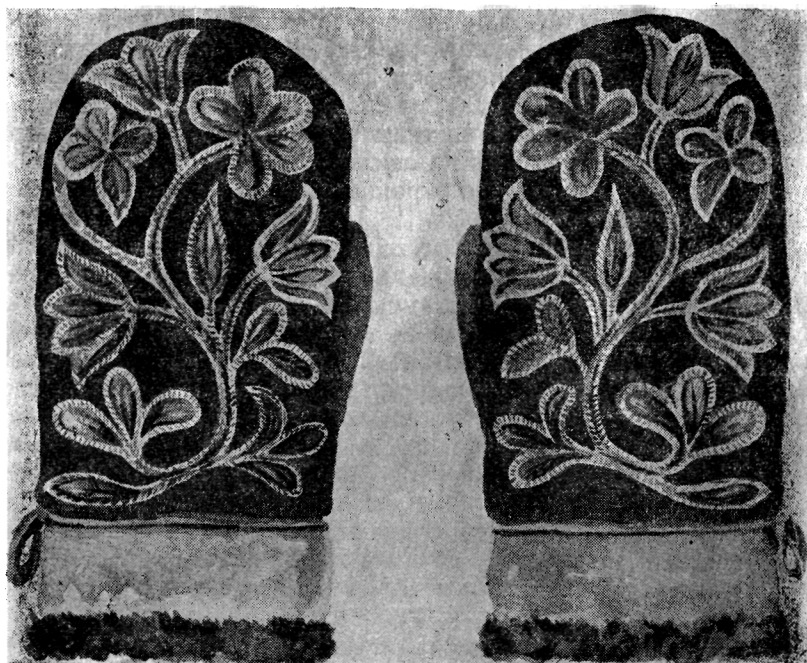

Рис. 45. Рукавицы.

лишь кое-где у подтаёжных кызыльцев, бельтиров и таштыпских шорцев.

Женские сапоги русского типа, в отличие от мужских имели острые носки. Некоторые женщины шили себе летние праздничные сапоги на высоких каблуках. Иногда переды таких сапог украшались бисером. Зимние сапоги шили из овчин или козьей шкуры: переды и задники таких сапог, обычно сверху, обшивались фигурно вырезанной кожей. Переды иногда украшались вышивкой из цветных шёлковых ниток. Край голенища обшивались узкой полоской из цветной или чёрной ткани. Обувь, как и всю одежду, шили исключительно женщины.

Несколько слов о хакасских причёсках. В сообщении от 1737 г. служилого атамана Мугунчакова о качинцах говорится, что «оной народ ростом средний, лицом смугловат, глаза серые и чёрные волосом чёрные ж. И носят на голове косы родного волоса, а вокруг косы бреют»¹. Позднее, в 40-х годах прошлого столетия, Н. С. Щукин сообщал о хакасах, что «Прежде мужчины брили

¹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 114.

голову и оставляли косу, теперь подстригают по-русски¹. Эти данные свидетельствуют о том, что хакасы-мужчины ещё в XVIII в. носили косы, называемые кичеге. Нужно полагать, что косы у хакасских мужчин вышли из быта под русским влиянием.

Женская причёска сохранила свою самобытность до сегодняшних дней. Замужние женщины волосы заплетали в две косы (тулунь). Девушки носили по несколько пар косичек (сүрмес). В праздничные дни косички украшались так называемыми нинчі. Нинчі — это четырёхугольный кусочек кожи, обшитый плисом, расшитый различными перламутровыми, цветными пугёвицами и бисером. К нижнему краю нинчі пришивались кисти из бисера с монетами, к верхнему — конские волосы, которые вплетались в косы. Широко распространённым накосным украшением были подвески из бисера с монетами. Женскими украшениями были покупные браслеты (плектес), серьги (ызырга), кольца (колечко), перстни (чүстүк).

Из вышеизложенного видно, что хакасы в рассматриваемое нами время наряду с одеждой русского образца сохраняли в основном свои самобытные виды одежды, свойственные их образу жизни и традиции. Более устойчивыми, почти не подвергшимися изменениям, оставались некоторые старинные виды женской одежды: шуба, платье, сикпен, бытующие до сих пор в улусах.

4. Семейные отношения

Семья у хакасов в XIX в. была моногамной. Но в XVIII в., очевидно, у некоторой части племён, вошедших впоследствии в состав хакасов, существовали пережитки полигамии (многожёнства), в частности это наблюдалось у бельтиров. По этому поводу П. Паллас писал: «Богатые бельтиры берут себе по две жены и более, чего у прочих енисейских татар не видно»².

В начале XIX в. Г. Спасский отмечал: «Хотя кочующим не возбраняется иметь по две и более жён, однако же редкие из них имеют кроме одной».³ Но уже последующие исследователи отрицали наличие у хакасов пережитков многожёнства. Н. Костров, уделивший довольно много внимания изучению быта хакасских племён, писал следующее: «Говорить о том, что у качинцев-язычников допускается многожёнство, кажется, излишне... Впрочем, я не знаю примера, чтобы у кого-нибудь из них было больше одной жены»⁴. Старики-хакасы совершенно отрицают существование когда-либо у хакасов многожёнства.

¹ Н. С. Щукин. Народы турского языка, обитающие в южной Сибири. «Журнал Министерства внутренних дел», СПб, 1847, стр. 268.

² П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, СПб., 1788, стр. 498.

³ Сибирский Вестник, издаваемый Г. Спасским, ч. I, СПб., 1818, стр. 41, (100).

⁴ Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 47.

Брак внутри рода был запрещён. Нарушения этого запрета не допускались по обычаям. Невесту брали из другого рода. Молодые люди — жених и невеста — в брак вступали лишь по воле родителей. Невесту выбирали родители жениха. Если её выбирал жених, то на брак требовалось согласие родителей. Брак заключался по расчёту. При выборе невесты учитывали её физическое качество, трудолюбие, способность выполнять многообразные домашние работы, возлагавшиеся на женщину. Зажиточные хакасы баи при этом принимали во внимание имущественное состояние родителей невесты, их способность снабдить свою дочь достаточным количеством скота в качестве приданого. Приданое играло существенную роль в первоначальном хозяйстве молосложёнов. Положение женщины в семье у зажиточных хакасов определялось часто наличием и количеством её приданого.

У хакасов существовало в основном три формы заключения брака: путём сватовства невесты, похищения её без согласия как её самой, так и её родителей, и путём брака по соглашению с невестой, но втайне от её родителей.

Брак по сватовству заключался даже тогда, когда будущие жених и невеста были малолетними. «Когда они, — писал Г. Спасский, — не имеют понятия не только о любви, но даже и о себе самих..., когда жених и невеста с малолетства один для другого назначены, то по пришествии их в возмужалость, за три года до брачного времени, жених по два раза в каждый год должен привозить невесте дары или арчу, которая состоит из разных съестных припасов и вещей; некоторые же сверх того платят за невесту отцу её выкуп, или калым, состоящий из лошадей и рогатого скота. Жених получает также с невестой разные вещи в приданое».¹ Более широко практиковалось сватание невесты, когда она достигала зрелого возраста. Об этом Н. Костров писал: «Свадебное дело качинцев начинается сватовством: если старшие лица в обоих вступающих в родство семействах изъявят на брак согласие и если жених (олган) заплатит отцу невесты (килнэ) условленное вознаграждение или калым, то брак считается совершенно законным делом, о согласии невесты здесь, разумеется, нет и помину... Сын выполняет волю отца и женится на той, которую тот выбрал».²

При сватовстве родители жениха накануне свадьбы совершали ряд поездок с дарами к родителям невесты. Первая поездка, рассказывают старики-качинцы, называлась сураг арагазы (вино просьбы). Родителей невесты и её родственников сваты угощали вином и просили согласия на брак. Родители невесты обычно возражали, ссылаясь на её молодость. После этого одна из поез-

¹ Сибирский Вестник, издаваемый Г. Спасским, ч. I, СПб, 1818, стр. 13. Об этом же писал Е. К. Яковлев, см. его работу «Этнографический обзор племени качинцев долины южного Енисея», Минусинск, 1900, стр. 83—84.

² Н. Костров. Качинские татары, Казань, 1852, стр. 41.

док называлась хаях-уча, когда родители жениха привозили, кроме большого количества вина, масло, мясо и молочные продукты. Последняя официальная поездка — улуг арага (большое вино). На этот раз приводили «пас ат» («лошадь за голову»), т. е. лошадь за невесту. Во время этого приезда родственников жениха угощали, получали с них калым и назначали день приезда за невестой. Калым давался скотом, деньгами. Размер его зависел от благосостояния родителей невесты и жениха. Указанная форма брака больше была распространена у качинцев и кызыльцев, меньше у сагайцев. Свадебные обряды качинцев вообще несколько отличались от обрядов сагайцев, у которых больше был распространён брак похищением. Поэтому целесообразно тут же указать на существовавшие свадебные обряды качинцев при браке путём сватовства. В назначенный день приезда жениха за невестой, последняя собирала своих подруг и угощала их. Затем её приглашали к себе подруги. Она с ними обходила своих родственников. Тем временем сваты у родителей невесты угощались вином. К вечеру невесту увозили в дом жениха. Свадьба проводилась через 2—3 недели. До свадьбы невеста и жених не встречались. Её часто навещали девушки, знакомили с местными обычаями, приглашали к себе в гости. В день свадьбы невесту уводили к одному из родственников жениха, у которого проводилась предварительная, так называемая малая свадьба (кичиг той). Здесь хозяйка давала ей наставление о том, как себя вести на свадьбе, рассказывала об обычаях и обрядах, связанных со свадьбой и семейной жизнью. Затем за ней приезжали родственники жениха. Здесь гостей принимали хозяин и хозяйка. Хозяйка являлась свахой (пазыртхан ичези), сопровождала невесту от начала до конца свадьбы. Перед выездом невесту приглашал мальчик лет 12—13, сын свахи или один из сыновей родственников жениха. Он говорил ей, что пора возвращаться домой, слишком много времени она провела у людей. Это, по рассказам стариков, было предупреждением, чтобы невеста, будучи матерью, не оставляла свой дом и детей на долгое время. Сваха с невестой одевали особую свадебную одежду. По приезду они объезжали вокруг юрты три раза. Их встречали родители жениха. В доме жениха невесте расплетали косички и волосы заплетали в две косы (причёска замужней женщины). Правую косу заплетала сваха, а левую — другая женщина. Затем сваха по косам невесты проводила голённой костью (чода), последнюю бросала молодым людям на улицу, которые старались кость отобрать друг у друга. Победитель вручал кость одному из стариков — родственнику жениха. Старик выражал ему похвалу, высказывал хорошее пожелание новобрачным. Сваха после того, как заплели косы, уводила невесту на моление. При выходе из дому невеста держалась за спину свахи, отец или один из старших родственников жениха накрывал их тканью, из которой можно было сшить платье. Обычно ткань отдавалась свахе. В это время на

улице горел костёр, варилось мясо для угощения гостей. Сваха и невеста обходили вокруг костра три раза по ходу солнца, кланяясь то огню, то солнцу¹. По верованию хакасов почитание солнца и духа огня обеспечивало благополучие семейной жизни. После моления одна из старушек уводила их в юрту, там она подавала старикам по ложке супу, кашу, аарчи, также давала испробовать супу свахе и невесте. Тут старики высказывали свои пожелания. Вот одно из них:

«Алын идегінъ пала пасхлазын,
«Сонъ идегінъ мал типсезін.
Аалга чөрченъ арбын чөрістіг аттарынъ ползын,
Аарлыг, паарсастыг, часкалыг чурттыг полынъар».²

Перевод:

«Переднюю полу твою пусть будут топтать дети,
Заднюю полу твою пусть будет топтать скот,
Ездить в гости у вас пусть будут быстроходные кони,
Дорожите дружбой, живите счастливо».

Подобные пожелания импровизировались самими благословлявшими молодых. Некоторые в своих высказываниях давали наказ: рано вставать, поздно ложиться, слушаться мужа, уважать старших и т. д. Старики рассказывают, что их предки невесте вместе с каким-либо мальчиком давали испробовать кашу (пот-хы), затем на переднюю полу её платья брызгали супом. Этот обряд, очевидно, связан с кормлением ребёнка. После выполнения вышеуказанных обрядов официальная часть свадьбы заканчивалась, невеста, как хозяйка, приступала к выполнению своих домашних обязанностей.

Новобрачные на свиданье с родителями невесты ехали через 3 — 4 месяца после свадьбы. Вместе с ними ехали родители жениха и их приглашённые родственники. Невесту сопровождала пазыртхан ічезі. Они вместе кланялись родителям невесты. Мать наносила прутиком три удара по спине дочери. Считалось, что если этого не делать, то после родов будет болеть поясница. Новобрачные у тестя по обычаю больше трёх дней не ночевали. На первый раз родители невесты давали дочери лишь её постельные принадлежности. Приданое (инчі) вышедшей замуж дочери давалось через 1 — 1,5 года, после того, как родители убеждались в прочности её семейной жизни. В качестве приданого, как и калыма, давался скот, одежда, предметы домашней утвари и т. д. Размеры приданого обычно далеко превосходили размеры калыма.

¹ Сваха, сопровождавшая невесту, у хакасов называлась пазыртхан ічезі (от слова пазырыс — моление), т. е. мать, с которой она молилась.

² Сообщение кавчинки П. Ф. Немежиковой, 1881 г. рождения, проживающей в Туимском совхозе, Ширинского р-на, кызылки П. П. Янгуловой, 1910 г. рождения, из посёлка Ошколь, Орджоникидзевского района.

Брак путём похищения (умыкания), одна из ранних форм брака, широко был распространён среди сагайцев. У сагайцев обычай похищения невесты просуществовал до 20-х годов нашего столетия. Поэтому эту часть вопроса мы освещаем на сагайском материале. Считалось, что избранная девушка непременно должна была быть похищена¹. Похищение было тайное. Похитители (тутхунчылар) невесту привозили в дом жениха. Здесь местные женщины (килиннер) её уговаривали остаться у него в доме. Насильно расплетали косички и заплетали волосы в две косы. Тем временем в доме жениха проходил пир, называемый сас тойы. На ночь молодых оставляли в отдельном помещении. Если невеста соглашалась на замужество, то с этого времени у них начиналась брачная жизнь. Если невеста упорно отказывалась выйти за жениха, то её всячески пытались уговорить и добиться её согласия, хотя это было против её желания. Иногда дело доходило даже до телесного наказания и изнасилования. В архивных материалах Степной думы соединённых разнородных племён имеется ряд жалоб на похищение. Мы приведём лишь одну из них, чтобы представить, насколько было унижительным положение женщины.

«В Степную думу соединённых разнородных племён инородца оной думы сагайского 2 половины рода Ивана Борисовича Урыбина.

Объявление

Дней 10 тому назад из дому диакона Негрицкого дочь нашу Арину утащили инородцы Василий Леонтьев фамилии не знаю его проживающей на Усть-Еси замуж по инородческому обычаю без нашего и нашей дочери Арины согласия причем похитить ему пособили инородцы: Герасим и Филипп Арчимасевы, Илья Катанов, Николин Ивандаев и много Усть-Есинских, которых мы не знаем, причём, куказанному похождению способствовала за деньги инородка Варвара Селигеева на Усть-Еси священник отец Петр Суковский ее Арину отобрал и отослал в Аскиз; но на дороге ее догнали и увезли её обратно, где избив изнасиловали сделали почти уродом, согласно распоряжения подобные браки и всякие насилия и самодурство воспрещены, а потому заявляя об этом Думе просим виновных спросить обо всем, сделать постановление о разбирательстве и копию одного выдать мне для подачи просьбы на Высочайшее имя.

Мая 7 дня 1881 года. К сему объявлению по личной просьбе инородца Ивана Урыбина Крестьянин Степан Антонов Потылицин руку приложил»².

¹ Сведения о похищении невесты можно встретить в работе Н. Кострова «Качинские татары», 1852, стр. 47 и статье И. Каратанова «Черты внешнего быта качинских татар», «Известия русского географического общества» т. XX, вып. 6, СПб, 1884.

² ХОА, ф. 2, оп. I, д. 1353, л. 59.

Похищение невесты ещё тогда вызывало всеобщее осуждение, тем не менее часто прибегали к такой форме брака. Так, например, 15 октября 1881 г. Абаканская управа на заседании родовых старост и родовичей приняла специальное решение о запрещении насильственной женитьбы «без обоюдных согласий, вступающих в брак».¹ Решением осуждалось также избивание и издевательство над невестой. Подобные решения, как упоминалось в тексте жалобы, принимались и в Степной думе соединённых разнородных племён. Однако эти решения далеко не всегда выполнялись. В архивных материалах встречаются, сообщения, свидетельствующие о том, что иногда сами родовые старосты способствовали похищению невесты, принимали в нём участие, оправдывая это старинными традициями и обычаями хакасов. Разумеется, родители невесты не оставляли свою дочь без защиты. Они устраивали за похитителями погоню (сүргүнч). Если сүргүнч настигала похитителей, то последних избивали, а невесту увозили обратно. Если же невеста находилась уже у жениха, то приезжали к нему и требовали свидания с ней, выясняли её желание на брак. Если она отказывалась оставаться, то увозили её домой. Но сторонники жениха всячески препятствовали обратному увозу невесты. Если же невеста соглашалась жить, то сүргүнч требовал от жениха уплатить ат чобаа или ат тирі (за расходы или за пот лошади).² Это требование удовлетворялось ценными подарками, угощением и т. д. Дальнейшие переговоры продолжались у родителей невесты. К тестю отправляли сватов с первой мировой (пастагы чарас). Первых сватов встречали недружелюбно, часто избивали, пользуясь тем, что им по обычаю нельзя было сопротивляться против наказаний. Били их плёткой. Поэтому первая мировая у сагайцев называлась пастагы чарас хамчы чаразы (мировая плётки). При первой мировой устанавливался размер калыма. При второй мировой (ортын чарас) привозили калым. На третий раз окончательно рассчитывались по выплате калыма и договаривались о сроке и порядке проведения свадьбы. К свадьбе каждая сторона готовилась самостоятельно и приглашала только своих родственников. Свадьба вначале проводилась у жениха (оол тойы), куда родственники невесты по обычаю не приезжали. Они ждали свадебный поезд у себя, где продолжалась свадьба, называемая хыс тойы (свадьба невесты). В день свадьбы у жениха в ограде ставился алачых—конусообразный шалаш. В шалаше ставился сундук, посуда, предметы домашнего обихода и прочие вещи, выделенные для жениха его родителями. Около шалаша в котлах варилось мясо для угощения гостей. Здесь же происходили церемонии, связанные с древними религиозными представлениями. Одной из дальних родственников поруча-

¹ ХОА, ф. 5, оп. I, д. 29, л. 18.

² У качинцев брали калым и так называемый пас ат (буквально: лошадь за голову).

чалось поднять марга — большой недоваренный кусок скотского свежего мяса из грудинки или спинной части. Кусок был довольно тяжёлым, поэтому его вместо женщины поднимал её муж. Поднимая марга, он кланялся и произносил пожелания: чаще общаться и впредь ездить друг к другу в гости. Тут же сваха по вновь заплетённым косам невесты проводила голенной костью, которую, как и у качинцев, бросали молодым людям. Победитель вручал кость одному из стариков. После этих церемоний новобрачных водили в гости к родственникам жениха, которые преподносили им подарки вещами, посудой, обещали скот в качестве подарка и т. д. И в тот же день новобрачные в сопровождении родственников жениха отправлялись к родителям невесты. Гостей встречали также все близкие родственники родителей невесты. Здесь жених со старшим из родственников обходил старших родственников невесты, которые в ожидании обхода специально садились в один ряд, жених со своим другом, каждому из них подавали вино и кланялись. В этом обряде жених не только знакомился с родственниками жены, но и «откупал» свою вину за похищение невесты. При исполнении этого обряда один из старших родственников невесты наказывал жениха плёткой. Наказ сопровождался словами:

«Пастагы хамчыны саапчам, паарсах, ынаг пай чурт-
тыг полынъар. Улуғларынь ундутпанъар.
Ікінчі хамчызын саапчам, ірікпес-тастаспас
туған полынъар.
үзінчизін саапчам, оол-хыстығ, узах частығ полынъ-
ар»¹

Перевод: «Первый удар за то, чтобы ваша жизнь была дружной и богатой. Не забывайте старших.
Второй удар за то, чтобы вы жили, не разводились, не бросали друг друга.
Третий удар за то, чтобы у вас были мальчики и девочки. Живите долгие годы.

Наносить больше трёх ударов не разрешалось. По окончании обхода, тесть, в сопровождении родственников, выходил принимать лошадь, которая называлась пас ат (дар за невесту), буквально: лошадь за голову. Принимая лошадь, он её накрывал тканью. При уводе лошади, ткань снималась и отдавалась одному из старших братьев жениха. Передача лошади «обмывалась» вином. Вино распивалось тут же на улице. Затем рассматривали бочонки, в которых привозили вино (рис. 46). На этом официальная часть встречи заканчивалась, начинался пир, угоще-

¹ Сообщение С. Л. Патачакова, 1878 г. рождения, пенсионера, проживающего на ферме № 5 Есинского совхоза, Аскизского района.

Обряд приёма вина.

Рис. 46. На свадьбе.

ние, сопровождавшиеся различными увеселительными играми, песнями и борьбой. В тот же день новобрачных вместе с их провождавшими приглашали в гости родственники и братья тестя. После этого гости разъезжались. Молодые супруги у тестя жили три дня. Жить больше или меньше трёх дней не полагалось по обычаю. На третий день за ними приезжали родственники жениха.

В качестве приданого, как и у качинцев, давался скот, предметы домашнего обихода, предметы украшения и т. д. Размер приданого зависел от благосостояния родителей невесты. Причём, приданое определяло судьбу невесты в семье, так как оно являлось её собственностью. Поэтому родители обычно старались дать приданого больше, чем калым. У баев полученный в приданое скот гнали целыми табунами. Так, например, в 1963 г. Авдотья Александровна Майнагашева, вышедшая замуж за Чаптыкова Баткы, получила приданое 9 голов лошадей, 15 голов крупного рогатого скота, 100 овец и 30 руб. деньгами.¹ Кроме того, родители своей дочери особо дарили верховую лошадь, которая называлась изер ат (изер—седло, ат—лошадь). Родители жениха в свою очередь, как и у качинцев, выделяли для сына его долю (үлүзі): скот, предметы домашнего обихода и другие вещи, помогали строить жилище и скотные дворы. Так, доля жениха и приданое невесты, объединённое в одно хозяйство, составляли ту материальную базу, на основе которой развивалось самостоятельное хозяйство молодых супругов. До этого же они находились в полной зависимости от своих родителей.

У хакасов, как упоминалось выше, существовал брак добровольный, по согласию брачащихся, при поддержке родителей жениха. Эта форма брака, по-видимому, более позднего происхождения, но она, по рассказам стариков, в XIX в., особенно во второй его половине, уже была распространена повсеместно. Брачащиеся в тайне от родителей невесты договаривались сами или через посредника (хыс тартчанъ кізі). Согласившаяся на брак невеста дарила жениху кольцо, платок или что-нибудь другое в знак своей верности. С ней же согласовывался срок женитьбы. В назначенный день она выходила к установленному месту и вместе с женихом уезжала в его улус. О совершившемся факте сообщалось её родителям специальным посыльным. «Пострадавшие» посылали погоню (сүргүнчі). Переговоры, мировая, свадебные обряды, получение приданого и т. д. проводились точно так же, как об этом было уже сказано выше.

В семейном быту, это было видно в свадебных обрядах, обычаях, сватании, сохранялись черты пережитков патриархально-родовых отношений. На женщину возлагалась почти вся домашняя работа. Она готовила пищу, ухаживала за детьми, ходила за скотом, заготавливала на зиму запасы провизии, обшивала

¹ ХОА, ф. 2, оп. I, д. 1122, л. 6.

всю семью, помогала в сеноуборке и хлебоуборке. Кроме всего этого, её приданое приносило большой вклад в хозяйство семьи. Несмотря на это, женщина в правовом отношении стояла намного ниже мужчины, который считался в семье её господином. В обращении со старшими братьями мужа она имела ряд ограничений. Ей запрещалось называть их по имени, здороваться с ними: за руку, показываться босиком и с обнажённой головой. Нужно было избегать случайного соприкосновения с ними. Строго соблюдался обычай избегания свёкра (хасты), которого она называла «хастым апсах» (дедушка свёкор), «пистинь апсах» (наш дедушка) или «пистинь кизининь пабазы» (отец нашего человека, т. е. мужа). Старших братьев мужа она называла через их детей как «отец Антона», «отец Тани». В юрте свёкра и старших братьев мужа ей запрещалось переходить в мужскую половину. Её место ограничивалось лишь женской половиной. Сноха своих «хастыларын», т. е. старших мужских родственников по мужу, угощала напитком через другие руки или посуду с содержимым ставила на стол, откуда можно было свободно её взять. Как следствие родовых отношений, у хакасов сохранялся обычай левирата, по которому вдова должна была выйти замуж за младшего брата или племянника покойного мужа. Этот обычай назывался «халтыхха киргені». Существование его современные хакасы объясняют экономическими соображениями. Во-первых, такой брак избавлял родителей молодого жениха от расходов, связанных с женитьбой. Во-вторых, хозяйство покойника оставалось в сохранности его детям, и дети покойника воспитывались среди своих родных. Однако этот обычай, закреплявший неравный брак, не отвечал интересам брачащихся. Поэтому он постепенно изживался из обычая, и к началу XX века подобное бракосочетание было уже редкостью.

Как результат тесного общения хакасов с русскими, часто были браки хакасов с русскими. Больше всего это имело место там, где хакасы жили впережку и по соседству с русскими. Брак заключался на добровольных началах при обоюдном согласии брачащихся и при поддержке родителей невесты. Свадебные обряды проводились по русскому обычаю (сватовство, свадьба у родителей невесты, венчание и т. д.). Но на право бракосочетания хакасов с русской девушкой, или наоборот, требовалось письменное удостоверение от родителей невесты, свидетельствующее о их согласии на брак. Вот некоторые образцы таких удостоверений:

1. «Удостоверение

1872 год января 25 дня мы нижеподписавшиеся Минусинского округа Шушенской волости села Бейского Государственные крестьяне Прокопий Алексеев и замужняя жена моя Агания Петровна Байкаловы дали се удостоверение священноцерковнослужителям Аскизского Петропавловского церкви в том, что мы

поимели желание добровольно выдать в замужество родную нашу дочь Анастасию имевшую ныне от роду 22 года за сына инородца Степной думы Кивинского рода Игнатия Чудагашева Алексея. В чем от нас препятствий не имеется, в том удостоверяем своими подписями Байкаловы».¹

2. «Удостоверение

1887 г. мая 27 дня мы нижеподписавшиеся Енисейской губ. Минусинского округа Абаканской волости деревни Копенской крестьянин Матвей Еремеев Колов и законная жена моя Софья Кондратьевна Колова дали се удостоверение священноцерковным служителям Усть-Абаканской Управы Никольской церкви в том, что наша девица Настасия Матвеевна Колова вступает в законное супружество и доброй своей воли и согласия по нашему благословения с инородцем этого же Минусинского округа Качинской Инородной Управы деревни Бичинской Дмитрием Варламовым Арчиновым по обоюдному их желанию и согласия, которые между собой родства и свойства по установлению святой церкви ко вступлению в брак не имеет. Оба они православного исповедования, в здравом уме, под судом не находятся в том и подписуемся к сему удостоверению личного прозбой неграмотных крестьянина Матвеева, Еремеева и жены его Софьи Кондратовой Коловых писал и руку приложил крестьянин Матвей Садовский.

В том удостоверяю Копенский сельский староста Голощаков».² Удостоверение заверено печатью.

Надо сказать, что браки хакасов с русскими имели положительное значение. Под их влиянием исчезали такие патриархально-родовые пережитки, как похищение невесты, выдача замуж вдовы за младшего брата или племянника покойного мужа, моление огню и небу и некоторые другие элементы старинного хакасского свадебного обряда. Положительное значение таких смешанных браков состояло ещё в том, что на этой основе устанавливались родственные связи и складывались дружественные отношения между хакасами и русскими.

5. Школа и грамотность

Одним из крупнейших культурных приобретений хакасов, полученных от русского народа в дореволюционное время, была грамотность на основе русского алфавита. До этого у хакасов своей письменности, как и вообще грамотности, не было. Но политика господствующих классов русского народа тормозила развитие грамотности среди хакасов. Можно без преувеличения сказать, что несмотря на общее благотворное влияние русской

¹ ХОА, ф. 15, оп. I, д. 46, л. 19.

² ХОА, ф. 16, оп. I, д. 80, л. 6.

народной культуры на хакасов, в условиях царизма уровень их культуры оставался в общем весьма низким. Наиболее важным показателем этого служит развитие народного просвещения. Школы, а вместе с ними грамотность среди хакасов фактически стали появляться лишь во второй половине XIX в.

Царизм и его чиновники не были заинтересованы в развитии дела народного просвещения. Они предпочитали держать хакасов в темноте и невежестве. Ярким свидетельством этого является отношение к народному образованию Минусинского окружного начальника А. К. Кузьмина. Вот что о нём писал декабрист А. П. Беляев¹ в своих воспоминаниях: «Он воспитывался в лесном корпусе, был умён, хорошо образован, начитан и остроумен...» «В таком образованном, — пишет он дальше, — либеральном человеке странно было видеть противника грамотности в народе, грамотность, говорил он, есть язва: выучился писать, и тотчас же давай писать кляузные прошения, а как за это платят, то и подбивать на кляузы мало-мальски чем-нибудь недовольного человека».² До появления школ лишь отдельные хакасы — дети баев — обучались грамоте у частных лиц, у русских письмоводителей и других.

Пионерами школьного дела в Минусинском округе были декабристы братья Беляевы. Они в 30-х годах XIX в., по просьбе жителей Минусинска и крестьян близлежащих сёл, открыли в г. Минусинске первую школу. Основными предметами преподавания в этой школе были русская грамматика, арифметика, география и история. У Беляевых учился один из хакасов, сын бая Чирки Каркина (Картина). Лишь в 1850 г. в г. Минусинске была открыта официальная школа — церковно-приходское училище. В тот год там работали 2 учителя, обучалось около 34 учащихся».³ Позднее были открыты школы в других русских селениях. На территории расселения хакасов в это время школ ещё не было и мало было грамотных. В 40-х годах XIX в. путешественник Н. С. Шукин писал, что хакасы «грамоты своей не имеют, и очень немногие знают читать и писать по-русски. Училища нет во всей степи, да нет и надежды, чтобы когда-нибудь завелось».⁴

Однако, совместная жизнь, постоянное общение с русским населением, экономическое развитие края, развитие товарно-денежных отношений, ведение письменного делопроизводства и официальной переписки — всё это в совокупности требовало наличия грамотных людей. Вопрос об открытии школ становил-

¹ Декабристы братья Беляевы в 30-х годах XIX в. отбывали Сибирскую ссылку в г. Минусинске.

² Из воспоминаний А. П. Беляева, см.: журнал «Русская Старина» т. 31, СПб. 1881, стр. 329.

³ Н. Костров. Город Минусинск «Записки Сибирского отдела русского географического общества», СПб. 1856, стр. 15.

⁴ Н. С. Шукин. Указ. соч., стр. 264.

ся жизненной необходимостью. Уже в 60-х годах XIX в. стали появляться первые школы среди хакасов. Так, в Усть-Абаканске, в центре Абаканской (качинской) управы на средства качинцев в 1864 г. была открыта одноклассная школа министерства просвещения.¹

Такая же школа была открыта в январе 1869 года у сагайцев в Аскизской думе. Позже она была преобразована в двухклассную школу.

Чиновничество и духовенство во вновь открывшихся школах видели прежде всего учреждения, где лучше всего можно внедрять в сознание хакасов христианско-монархическую идеологию и проводить руссификаторскую политику царизма. Эта идея была отражена в правилах об образовании инородцев. Правила относятся к 1870 г. В них говорилось: «Начальные школы инородцев-христиан должны иметь целью религиозно-нравственное их образование и утверждение в православной вере, а также обрусение путём утверждения в православной вере и ознакомлении с русским языком»². Поэтому-то нередко открытию школ содействовали местные священники. Начальство же разрешало открывать школы лишь при наличии на местах священников. Примером может послужить история открытия Аскизской школы. Хакасы этого ведомства ещё в 50-х годах поднимали вопрос об открытии школы. Но в виду отсутствия средств и учителя этот вопрос оставался неразрешённым. В конце 60-х годов аскизский священник Н. Орфеев вновь возбудил этот вопрос. В марте 1868 г. он написал в Степную думу соединённых разнородных племён специальное письмо и вел переговоры с Минусинским окружным исправником. Вот что он писал в своём письме:

«Так как в настоящее время для благополучия жизни человеческой создана необходимость распространения грамотности в верно подданных нашего монарха, а инородцы ведомства Сагайской степной думы,³ все почти люди безграмотные и я со своей стороны неоднократно внушал им словесно о необходимом заведении в селе Аскыс сельского училища, а как сказанное на словах скоро забывается, то я, предлагая Степной думе письменно, надеюсь, что предложение моё не останется напрасным относительно столь благоучреждения для детей своих. Причём прошу позаботиться составлением о сём приговора в двух экземплярах. Один из них представить г. Окружному Исправнику, а другой мне».⁴

¹ ХОА, ф. 16, оп. I, д. 86, л. I.

² Цитировано по статье А. И. Инкижековой «К истории развития хакасской письменности». «Записки» Хакасского научно-исследовательского института, языка, литературы и истории, вып. II, Абакан, 1951, стр. 121.

³ Для краткости Степную думу соединённых разнородных племен часто и в официальных документах именовали Аскизской или Сагайской думой, иногда просто Степной думой. В 1893 г. она была наименована Аскизской управой.

⁴ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 830, л. 1.

Золотопромышленник Минусинского округа Красноярский купец Пётр Иванович Кузнецов, имевший резиденцию в с. Аскизе, обещал пожертвовать для школы один из своих домов. Эти мероприятия были доведены до сведения Минусинского окружного исправника Вахрушева, который предписал Аскизской Думе следующее:

«Имея сведения, что золотопромышленник Пётр Иванович Кузнецов изъявил желание при резиденции своей в с. Аскизе отвезти безвозмездное помещение для сельской школы, а приходский священнослужитель лично выразил мне своё согласие на обучение мальчиков закону божьему, я нахожу весьма возможным и полезным устройство школы в с. Аскизе с 1-го будущего сентября. Если инородцы по общественному приговору изъявят на то своё согласие и приищут средства для обеспечения годового содержания школы и найма учителя; а потому предписываю Думе об этом предложить обществу инородцев с внушением той пользы, которая должна ожидаться от развития между ними грамотности и правил христианского учения и составленный о том приговор представить ко мне не позже как к 1-му июля для дальнейшего распоряжения. 11 мая 1868 года»¹.

На основании этого предписания представители общества родовые старосты на заседании Степной думы от 30 июня 1868 г. приняли постановление об открытии в с. Аскизе сельской школы. На том же заседании были намечены сметы расходов на содержание школы. Ими предусматривалось установить годовое жалованье учителю 200 руб., сторожу 40 рублей, на отопление и освещение школы 30 рублей, на выпуску книг 25 рублей, и на ремонт дома под школу 15 рублей, всего 310 рублей. Чтобы иметь указанную сумму денег, они просили начальство разрешить им производить добровольный сбор средства.² В качестве учителя заседание рекомендовало хакаса Ефима Семёновича Катанова, знающего родной язык, получившего образование у частных лиц. В ответ на просьбу Аскизской думы, Минусинский окружной исправник предписал 23 декабря 1868 года открыть школу с 1 января 1869 г.³ Е. С. Катанов, к тому времени выдержавший экзамен на учителя в Ачинском уездном училище, приказом директора училищ Енисейской губернии от 18 ноября 1868 г. был назначен учителем этой школы.⁴ В сообщении окружному начальнику содержится известие о том, что «училище в с. Аскизе открыто 10 января 1869 г., инородческих детей обучается 4 мальчика, из духовного звания один Пушкарёв, и девица приказного Байкалова. Училище помещено в общественном доме священника Аскизской церкви, так как в пожертво-

¹ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 830; л. 15.

² Там же, л. 17.

³ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 830; л. 12.

⁴ Там же, л. 12.

ванном доме для училища купцом Кузнецовым квартирует сам священник. Училище будет перемещено в означенный дом Кузнецова с наступлением весеннего тёплого времени».¹ Уже через год, т. е. в 1870 г. в этой школе училось 19 мальчиков.² Позднее, из отчёта 1877 г. школы видно, что смета на расходы оставалась прежняя, но учителю выплачивалось в год 300 руб., законоучителю (священнику) 80 рублей.³ Деньги на содержание школы и учителей собирали от населения Думы путём раскладки.

В архивных материалах имеются сведения о том, что после Е. С. Катанова учителем в этой школе работал Николай Катанов, который в июне 1884 г. по собственному желанию уволился с работы. На его место был назначен Давгялло. Последний в тот же год был переведён в другую школу. После него в Аскизской школе работал русский учитель Никифор Потёмкин, окончивший курс учительской семинарии.⁴ Потёмкин проработал в Аскизской школе около 30 лет, обучил грамоте многих детей хакасов. Он был одним из первых прогрессивных учителей Хакасии, который знакомил учащихся с произведениями русских классиков XIX в.⁵

В 80-90 годах XIX в. в соседней русской деревне Иудино работал учителем прогрессивный крестьянский писатель Т. М. Бондарев. У Бондарева вместе с русскими учениками учились и дети хакасов.⁶ В числе прогрессивных учителей конца XIX и начала XX в. были учителя-хакасы. Среди них В. Окунев был одним из проповедников марксистских идей.⁷

В 1885 г. в Аскизской школе обучалось 22 учащихся, из них 14 мальчиков и 8 девочек.⁸ В их числе было русских — 2 мальчика и 3 девочки.⁹

В 1870 году была открыта в русском селении Таштыпе церковно-приходская школа, где вместе с русскими детьми также учились и дети хакасов. В 1888 г. начала работать Усть-Есинская церковно-приходская школа. В Кызыльской управе в то время было 2 церковно-приходских школы. Одна в с. Божье-озёрском, другая в с. Чебаки. Чебаковская школа в 90-х годах помещалась в здании, пожертвованном золотопромышленником

¹ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 921. л. 24.

² Там же, л. 24.

³ Там же, д. 1177, л. 47.

⁴ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 1371. л. 12.

⁵ А. Н. Мохов. Развитие народного образования в Хакасии. «Учёные Записки» вып. II. Абаканского педагогического института, Абакан, 1956, стр. 105.

⁶ Статья М. В. Минокина «Т. М. Бондарев», см. «Записки» Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. II, Абакан, стр. 34.

⁷ А. Н. Мохов. Указ. статья стр. 106.

⁸ ХОА, ф. 915, оп. 22, л. 327.

⁹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), стр. 214.

Иваницким. В 1891 — 1892 учебном году в ней учились 27 мальчиков и 3 девочки.¹

В 90-х годах был открыт ряд церковно-приходских школ, в том числе в Абаканской (Качинской) управе, Усть-Фыркальская у р. Белого Июса, Чарковская на р. Уйбат и одна школа на Ташебе. Последняя вскоре была закрыта. В 1892 г. в Аскизской думе была открыта ещё Сивявинская церковно-приходская школа. Чарковская школа начала работать с 5 октября 1892 г. в здании из двух комнат с мебелью и классной доской, пожертвованными баями братьями Чарковыми.² В ней в год открытия училось 9 мальчиков и 1 девочка. Учителем работал псаломщик Гордей Одрогашев, хакас, окончивший Бийское Катехизаторское училище.³ В 1894 г. в Чарковской школе училось 17 учащихся, из них 13 мальчиков и 4 девочки. Учителем работал Ефим Иптышев (хакас).⁴

Преподавание в школах велось на русском языке. Детей обучали четырём простым арифметическим действиям, считать на счётах, писать и читать. Больше внимания обращалось на преподавание закона божьего, на заучивание молитв. Нередко дети, не выдержав тяжести зубрёжки молитв, бросали учёбу. Молитвы же, содержания которых дети не понимали, быстро забывались. Хакасы, сознавая непригодность такого обучения, предпочитали своих детей отдавать, по возможности, частным учителям в русские школы, где они, кроме грамоты, могли научиться и русскому языку. Многие хакасские дети, преимущественно дети баев, учились в русских школах в Таштыпе, Бее, Минусинске, Новосёлове, Солёноозёрской станице, Ужуре, Шарыпове и других сёлах и деревнях. По поводу неудовлетворительной постановки работы в хакасских школах, в частности по Абаканской Управе, один из авторов под псевдонимом «Качи» в газете «Красноярск» от 4 января 1908 г. выступил с резкими и справедливыми замечаниями. Статья была названа «Татарские школы». Приводим отдельные выдержки из статьи: «В описываемой управе 13 000 жителей и на эти 13 тысяч всего навсего 3 школы, одна Министерская в с. Усть-Абаканске, другая в улусе Чарковском, третья в Усть-Фыркальском, последние церковно-приходские. В 1904 г. на управском сходе был возбуждён, по инициативе самих татар вопрос об улучшении постановки образования татарских детей. Было решено вместо церковно-приходских школ в улусах Чарковском и Усть-Фыркальском открыть министерские, так как татары заявили неудовольствие на преподавание в этих школах. Их ребятишек, не знающих русского языка, заставляют учить церковно-славянский язык, и вообще из этой школы выходили дети, кроме массы молитв, ниче-

¹ А. А. Ярилов. Кызылцы и их хозяйство, Юрьев. 1899; стр. 93.

² ХОА, ф. 22, оп. 1, д. 3, л. 16.

³ Там же, ф. 16, оп. 1, д. 86, л. 22.

⁴ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 22.

го не знающие. На постройку новых зданий для этих школ были собраны деньги в сумме 1 600 рублей: для Чарковской школы 600 рублей и для Усть-Фыркальской — 1 000 рублей. На этом же сходе решено было построить новое здание для Усть-Абаканского училища и открыть при нём 2-й класс, на эту постройку было инородцами собрано 4 800 рублей, дало министерство просвещения 800 рублей. Казалось бы так легко захотели выстроить и открыть школы, собрали деньги, но на деле вот уже почти четыре года, как не только школы не выстроены, но ещё нет и разрешения на это от благопопечительного начальства. На замену церковно-приходских школ министерскими не согласно духовенство, доказывающее полезность вообще для татар церковно-приходских школ, в которых библиотеки-то подобраны под их характер: «все больше церковно-нравственные» и требующие перенесения этого вопроса в Синод». Чарковская и Усть-Фыркальская школы, по настоянию духовенства остались церковно-приходскими. Дальше пишется, что «в Чарковском улусе всё таки нынешний учебный год (1906 — 1907 гг.) училось 18 мальчиков и 6 девочек, а в Усть-Фыркальском улусе никого не обучалось, а татары предпочли отдавать детей в министерскую школу, находящуюся в Солёноозерской станице». В отношении Усть-Абаканского училища сообщалось в той же статье следующее: «Ребятишки подрастают, татары сознают пользу учения, — приговором составленным весной в 1907 г. просят открыть 2-й класс раньше постройки, дают квартиру под школу и учителя, но и этого до сих пор нет. Немногие счастливы отправляют своих детей в Аскизскую двухклассную школу. В с. Усть-Абаканске учится каждый год до 50 — 60 детей. В 1906 — 1907 гг. училось 38 мальчиков и 11 девочек (и многие из них кончают курс учения, а средств ехать в Аскиз не всякий найдёт)». В силу неудовлетворительной постановки школьного дела состояние грамотности хакасов находилось на низком уровне. Так, по статистическим данным 1890 г., в Абаканской (качинской) управе грамотность среди мужчин составляла 4,2%, а среди женщин — 0,1%, в Аскизской (сагайской) управе грамотность для мужчин — 1,5%, и для женщин — 0,2%. По переписи 1910 г., например, отмечено, что у мужчин Абаканской управы грамотность составляла 7,3 %, а у женщин — 0,8 %. В Аскизской управе у мужчин — 5,2 %, а у женщин — 1,4 %¹. Многие, окончившие местные школы, не имея средств, оставались без дальнейшего образования. Лишь отдельные, преимущественно байские дети, попадали в Красноярскую учительскую и духовную семинарию и Бийское Катехизаторское училище. По окончании училища они работали священниками в местных церквях или учителями в церковно-приходских школах, находившихся под попечительством церквей. Из числа

¹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), стр. 214.

зажиточных семей несколько человек получили высшее образование. Из них Н. Ф. Катанов — сагаец по происхождению, получивший известность как учёный тюрколог, учился в Аскизской школе, затем в Красноярской гимназии, после которой он поступил в Петербургский университет. Впоследствии он был профессором Казанского университета и Казанской духовной академии. Им написано много работ по этнографии, фольклору и языку хакасов, тувинцев и других тюркских народов. М. И. Райков, качинец, был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Накануне Октябрьской социалистической революции получили высшее и среднее образование и ряд хакасов, впоследствии работавших на ответственных постах в Хакасии.

Велика была тяга хакасов к знанию и грамоте, но отсутствие достаточного количества школ, неудовлетворительное состояние школьного дела в имеющихся школах, колониальная политика царизма тормозили развитие народного просвещения среди них.

Однако, несмотря на узкие и ограниченные цели и задачи, школа сыграла прогрессивную роль в развитии общей культуры хакасского народа.

6. Народные верования

По религиозным воззрениям хакасы относились к шаманистам. Ещё в 30-х годах XVIII в. в описании служилого атамана Мугунчакова с товарищами о качинцах было сказано что «оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знает, а наипаче, что навывают шайтаном, и веруют в него и шаманят по их закону»¹. Сведения о шаманах содержатся и в сообщениях путешественников этнографов XIX века².

По представлению хакасов мир был населён духами-хозяевами. Реки, горы, тайга и т. д. имели своего духа-хозяина (эзи). Эти духи могли быть добрыми и злыми. В добром расположении духи, как представлялось, могли содействовать благополучию хозяйства и жизни людей. А поэтому старались не озлоблять духов, поддерживать их доброе расположение к людям, соблюдая различные обряды. Так, соблюдался культ огня. Дух огня (от инези — мать огня) представлялся в образе седой ста-

¹ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), стр. 114.

² Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским, СПб., 1818; стр. 3—9 А. П. Степанов. Енисейская губерния, СПб., 1835, стр. 82—83. Н. С. Щукин. Народы тюркского языка, обитающие в Южной Сибири. Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1847, стр. 262—264. Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 56—60. И. Каратанов. Черты внешнего быта качинских татар. Известия русского географического общества, т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 631—632. П. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края, «Живая Старина», вып. I, СПб., 1895, стр. 335—345. Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900, гл. VII.

рушки. По верованию хакасов дух огня содействовал домашнему благополучию. Если случался пожар, считалось, что дух огня чем-то обижен на хозяина дома и вызвал пожар в доме. Поэтому старались не обижать, не разгневать духа огня. Прежде чем садиться за стол, подкармливали духа огня кусочками мяса, сала, кашицы, бросая их в огонь. Перед употреблением хмельных напитков также в первую очередь угощали духов огня и дома (иб ээзі). Огню поклонялась молодая женщина, вступающая в брачную жизнь, молодая кормящая мать. Считалось, что дух огня может предотвращать болезни груди, содействовать достаточному накоплению молока в груди для кормления ребёнка. Поклоняться огню нужно было также с угощением.

Хакасы верили в существование духа — ымай іче, которая сопровождала ребёнка от момента рождения до конца грудного периода. Если ребёнок во сне улыбался, считали, что ымай іче в добром расположении духа и забавляет ребёнка. А если же ребёнок плакал или вздрагивал во время сна, считали, что ымай іче чем-то разгневана или же ушла от своего подопечного ребёнка. И чтобы не разгневать ымай іче, чтобы она не оставляла ребёнка (в противном случае ребёнок мог заболеть), ымай іче также постоянно подкармливали кашницей и молоком.

Охота в тайге также сопровождалась различными обрядами. По народным представлениям хакасов звери — обитатели тайги — являлись собственностью горных духов (таг ээзі). Поэтому успех в добыче должен был зависеть от доброго отношения горных хозяев к охотникам. И чтобы благорасположить к себе горных духов, охотники соблюдали определённые обряды. Сагайцы, например, приехав в тайгу, выбрав место стоянки, разбрызгивали по сторонам абыртху, обращаясь к духам со словами: «Піс килдїбіс, чарадынъар мында чуртирга». (Мы приехали, позвольте нам здесь жить). Только после этого приступали к постройке шалаша. Старший из охотников варил мясной суп. Сваренное мясо вытаскивали в деревянное корытце или берестяную миску. Затем дымящееся паром мясо поднимал над головой, поворачивался по ходу солнца, приговаривая: «Сіредень суран килдїбіс, пайанъарга аянманъар...» (К вам пришли с просьбой, не жалейте своё богатство...) Этот обряд у сагайцев назывался «пус тутханы». При неудаче целыми ночами рассказывали былины и сказания, в собственном сопровождении игрой на хомысе (двухструнный музыкальный инструмент). Этим преследовалась цель — добиться благорасположения горных духов, чтобы они содействовали успеху. Слушать сказания, по представлению хакасов, приходили горные хозяева в образе голых молодых женщин без бровей, с жёлтыми волосами. Их мог видеть только ясновидящий (көрігчі). Если на другой день добыча была удачной, то считали, что горные духи были удовлетворены сказаниями. При уходе из тайги лежанка охотника, его подстилка (трава, ветки) разбиралась. При этом охотник говорил: «Че паралар мын-

нань ибзер» (Ну, поехали отсюда домой). Это делалось с тем, чтобы душа (хут) охотника не осталась в тайге, в шалаше. Если в дороге или по приезде домой охотник заболел, то считали, что его душа осталась в тайге. Её, заблудившуюся душу, мог вернуть, по представлению хакасов, лишь шаман. Обращались к шаману.

Широко были распространены среди хакасов общественные родовые моления, посвящённые духам домашних животных (ызых), духам родовых гор (таг тайи), реке (суг тайи), небу (тигир тайи). Все эти общественные моления сопровождались жертвоприношениями. Целью их было испросить у духов благополучия в семейной и хозяйственной жизни. В подобных молениях не всегда участвовал шаман. Бельтиры, например, при молениях небу (тигир тайи), проводившихся через каждые три года, обращались к небесным духам «творцам» (чаяннар), просили дождя, роста стад. У кого не было сына в семье, в молениях к небу просили, чтобы родился сын. Такие моления сопровождали специальными обрядами (рис. 47). От каждой семьи везли перья беркута (киикчін), синие и белые лоскутки ткани, нанизанные на бечёвку (үлдүрбе). Бечёвка обвязывалась вокруг головного убора. Перев должно быть по числу мужчин в семье, но не меньше трёх. Если хотели, чтобы в семье родился сын, привязывали к бичёвке ещё одно дополнительное перо.

По представлению хакасов, существовали, ещё духи небесные и подземные. Небесными духами (чаяннар) ведал худа́й, т. е. верховное божество, приносящее людям добро, а подземные духи (айналар) подчинялись главному айна, Эрлик хану. Бог людям, кроме счастья, ничего не желает. Он противник всех злых духов. Молнию и грозу, например, объясняли борьбой бога со злыми духами — Эрлик хана. Если гроза побила дерево, то говорили, что в нём прятался злой дух, которого гнали небесные духи. В противоположность добрым намерениям бога подземные духи стремились только причинять зло людям, насылая на них различные болезни. Чтобы задобрить их, соблюдались различные религиозные обряды с приношением жертв. Все эти ложные, фантастические представления составляли основу шаманских обрядов. Шаманы внушали народу, что они имеют своих особых духов (тёс) — покровителей, при помощи которых совершают свои ритуальные действия. Шаманы были наследственные, но становились ими чаще всего после тяжёлой болезни. По внушению шамана, людям представлялось, что больного, избранного духами в шаманы; в состояние припадка, галлюцинации или бреда приводят духи, посланные Эрлик ханом. Обо всём этом, по представлению людей, мог знать только шаман. Он больного посвящал в «тайны» камлания, «ездил» к Эрлик хану просить личных духов (тёстер) для нового шамана. Тёсы, данные Эрлик ханом, покровительствовали и помогали шаману. Тот же шаман, будто бы по поручению Эрлик хана, сообщал новому шаману.

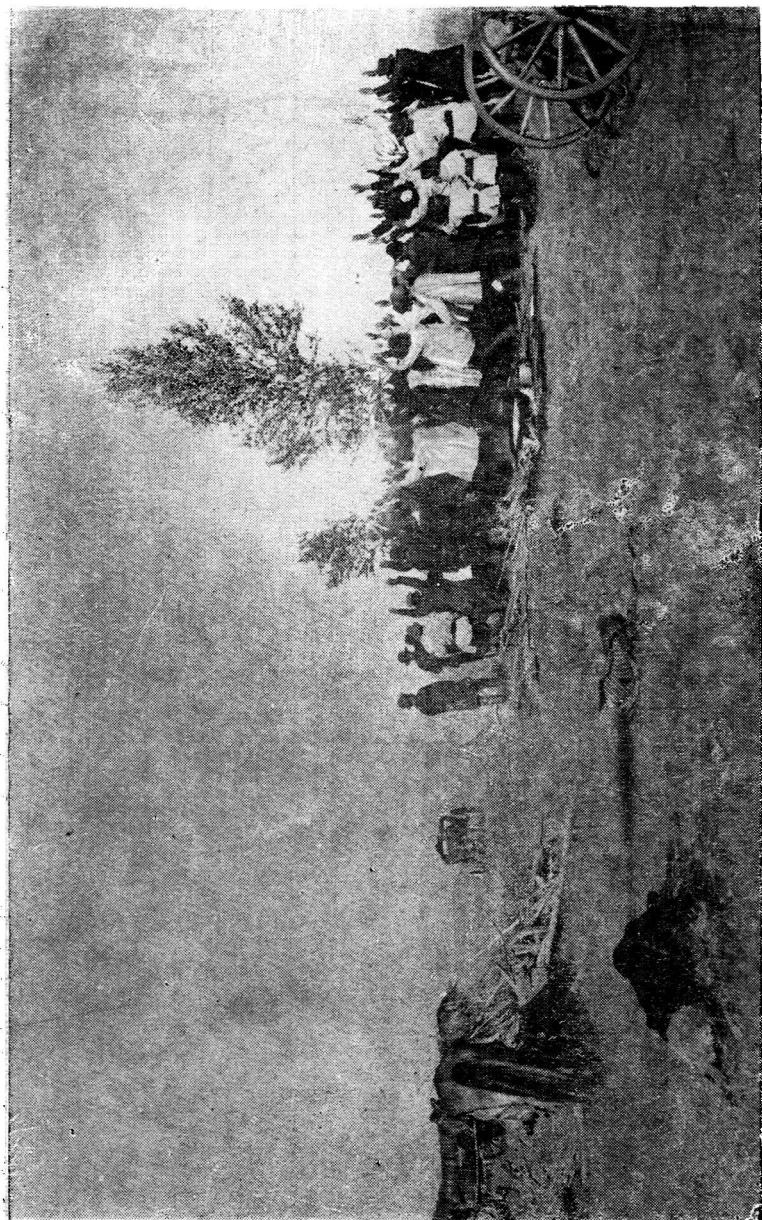

Рис. 47. Обряд моления.

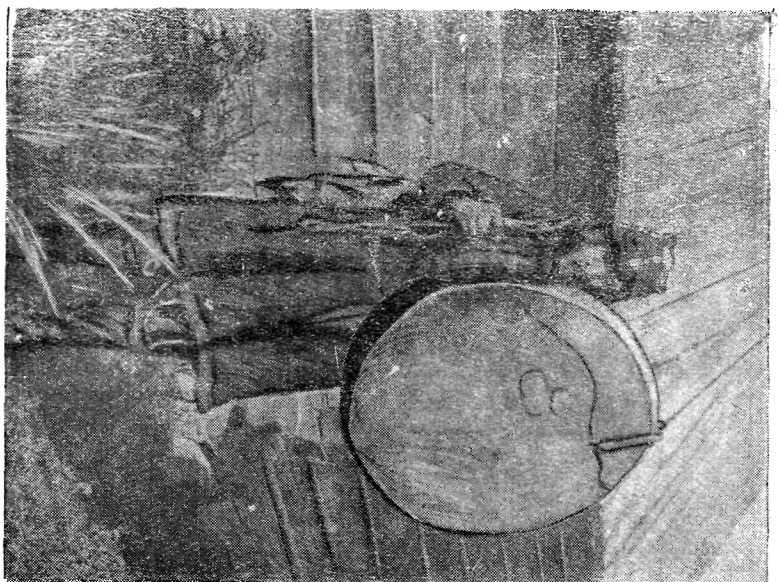
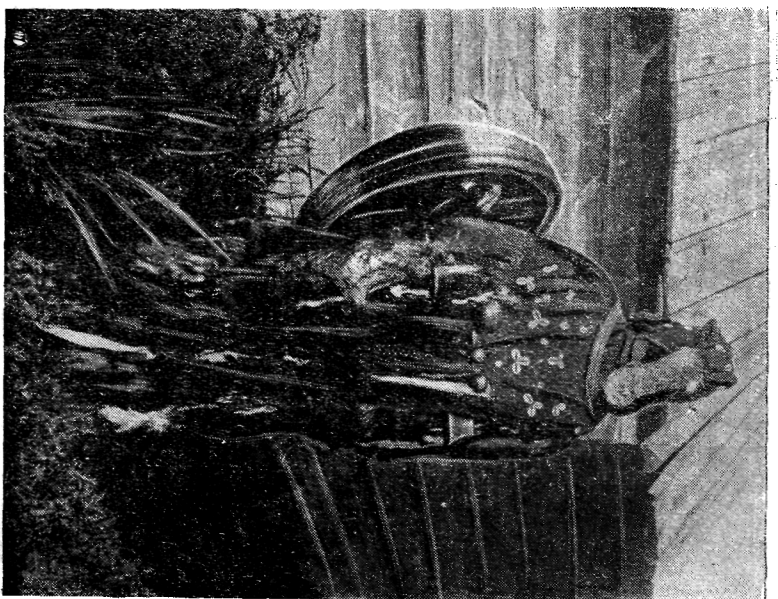

Рис. 48. Шаманская одежда.

как ему камлать: в шаманском ли облачении с бубном или без него. Новому шаману внушалось, что не идти на вызов к больному нелзя, ибо при отказе духи (тöстер) могут наказать его новой болезнью или даже умертвить. Новые шаманы, рассказы-вают старики, в начале камлали с помощью тряпицы. Некоторые из них после окончательного выздоровления совсем отказывались от камлания и шаманства, другие становились шаманами со снаряжением (со специальной одеждой, бубном и коло-тушкой), а третьи камлали без этих атрибутов. Шаманы делились на «великих» шаманов, имеющих костюм и бубен (улуг тигриг-лиг хам), и на малых, шаманивших без указанных атрибутов (тирии чох хам). Шаманская одежда (кафтан, шапка) обвешивались различными железками, тряпками и побрякушками, символизирующими духов. На плечах пришивались крылья беркута, а когти его подшивались к одежде.¹ Считалось, что «великие» шаманы наделены сильными духами, которые могли даже умертвить человека или домашних животных. Поэтому верующие боялись их. Такого шамана называли чеек хам (пожирающий шаман). Чтобы задобрить его и его духов, ему после камлания преподносили дары. Шаман говорил, что эти дары не для него, а для его духов. Он их даже не взял бы, но его заставляют брать духи, противиться которым он не в силах. В качестве даров давали скот, вещи или продукты, даже деньги. При выполнении обрядов, связанных с культом «ызыха», посвящённых духам домашних животных, полагалось обычаем отдавать шаману обязательно заднюю половину туши барана и его шкуру. Передняя половина съедалась на пирушке при освящении животного. При камлании тяжело больному шаманы требовали жертвоприношения. Это мотивировалось тем, что будто бы душа скота отдавалась за душу больного, которая находилась в руках злых духов. За взрослого человека в жертву приносили лошадь или корову, а за детей мелкий скот. Дары шаманам, жертвоприношения за больного, жертвоприношения духам при обрядах моления горам, рекам, небу и др., в связи с этим обильные приготовления самогонного вина, отрицательно отражались на экономическом положении трудящегося хакаса, а шаманы на этом часто наживались. Шаманы — носители первобытных религиозных представлений — являлись представителями самых реакционных слоёв хакасского общества. Шаманы затемняли мировоззрение хакасов, заставляли их верить в сверхъестественные силы. Пользуясь отсталостью сознания населения, они внушали народу, что человек бессилен перед многочислен-

¹ Описание шаманской одежды и бубна см. Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и восточного Туркестана, СПб. 1893, стр. 27—31. Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 54—58. См. также статью Н. Орфеева «Шаманство у инородцев Минусинского округа», журнал «Енисейские епархиальные ведомости», № 1, 1886, стр. 9—11.

ными духами, что только они, шаманы, при помощи их покровителей — тосов — могут спасти больных от злых духов, только они могут предотвратить злые намерения духов. Всё это проделывали шаманы несмотря на то, что многие из них сознавали, что они являются шарлатанами. Как известно из литературы, один из шаманов, по имени Апчайка, откровенно сознался русскому путешественнику П. Островских, что хакасы так глупо верят им, «что хакасов можно два дня подряд дурачить»¹. Молодой качинец Г. И. Инкижеков из улуса Чаркова на Уйбате рассказывал путешественнику П. Островских о том, что он, поссорившись из-за одной девушки с шаманом Одёшкиным, разрезал кожу его бубна. Тогда шаман грозил ему «наслать болезнь». Но его угрозы не оправдались.² Многие хакасы по опыту постепенно убеждались в мошеннических проделках шаманов. Но общая культурная отсталость, особенно отсутствие лечебных медицинских учреждений принуждало их обращаться к «услугам» шаманов.

Русское влияние в области религиозного мировоззрения хакасов проявлялось в форме христианства, насаждаемого, главным образом сверху, православной церковью и чиновниками. Христианизация хакасов началась со времени присоединения их к Русскому государству. По сообщению И. Георги, к 70-м годам XVIII в. большая часть кызыльцев приняла христианство. К 20-м годам XIX века все кызыльцы считались уже православными христианами.³

К середине XIX века большинство качинцев формально также было крещено.⁴ В 90-х годах XIX в. у качинцев числилось 12 051 душа обоего пола христианского вероисповедования, лишь 124 человека оставались некрещёнными. Что касается хакасов Аскизской управы (сагайцы, койбалы, бельтиры и др.), то к 1880 г. 16 203 человека формально числилось православными, некрещённых не было.⁵ Это не мешало им, как и качинцам, придерживаться шаманских обрядов. Христианизация хакасов проводилась духовенством при постоянной поддержке царского правительства и его чиновников, при воздействии местных князев и байской верхушки. Известно, что по царскому указу от 1763 года хакасам, как и другим народам Сибири, принявшим христианство, предоставлялись льготы: крещённые освобождались от ясачного платежа сроком на 3 года. Это, конечно, значительно содействовало принятию христианства рядовым населением. Конкретно путь христианизации хакасов можно проследить на материале сагайцев.

¹ П. Островских. Указ, соч., стр. 343.

² Там же.

³ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы стр. 45.

⁴ Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 56.

⁵ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Указ, соч., стр. 45.

По сообщению П. Палласа, в 1771 г. в с. Аскизе стояла церковь, при которой жили русский священник и сагайский князец по имени Амзор, принявший христианство. Церковь была построена на средства населения (крещённых, и некрещённых), находившегося под управлением этого князца. По архивным данным, из сагайцев со всеми другими племенными и родовыми группами, входившими в состав Степной думы соединённых разнородных племён, в 1824 г. числилось христиан 3 493 человека. шаманистов же было 5 445 человек.¹ К 1842 году эти цифры изменились в сторону увеличения принятых в христианство. Так, крещённых было 4 876 человек, некрещённых 3 371 человек². А в последующие годы число крещённых увеличивалось из года в год. В 1868 г. крестилось 169 человек.³ Через два года, т.е. в 1870 г., из 12 административных родов Степной думы сагайцев в книге крещённых зарегистрировано 234 человека, вновь принявших христианство.⁴ А 15 июля 1876 г. была проведена массовая христианизация, оставшихся ещё не крещёнными сагайцев, на реке Аскиз (левый приток р. Абакана) у с. Аскиза. В этот день было крещёно 3 003 человека.⁵ Население для крещения было собрано местным родовым начальством к приезду епископа. По рассказам стариков, крестившихся в Аскизе, в день приезда епископа-архиерея, мужчин и женщин разделили на отдельные группы. Крестившиеся заходили в воду (реку), ныряли, и после этого им на шею надевали кресты. При этом мужчины были названы Владимирами, а женщины Марьями. Крещение было проведено под руководством Красноярского епископа Антония, при участии протоиерея Алексея Угрюмова, благочинного Минусинского округа Георгия Бенедиктова, священников села Бейского —Афанасия Захарова, села Аскизского—Николая Орфеева, села Тыштыпского—Ионна Герасимова и Абаканской управы—Василия Суховского.⁶ Представители байской верхушки, занимавшие административные посты, принявшие активное участие в крещении, были щедро награждены правительственными наградами и подарками. Так, родоначальник Степной думы А. М. Кызласов был «по представлению епископа Енисейского и Красноярского через святейший синод империи от 11 августа 1877 г. высочайше пожалован почётным кафтаном за содействие при крещении инородцев — 3 тыс. человек в с. Аскизском.⁷ Такой же кафтан получил бельтирский родовый староста Иван (Апах) Александрович Асочаков.⁸ Об

¹ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 3.

² Там же, д. 335, л. 4.

³ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 3, л. 1.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 961, л. 5.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1141, л. 2.

⁶ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 1141, л. 2.

⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1269, л. 36.

⁸ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1237, л. 4.

этом и поныне помнят старики. Учитель Аскизской школы, он же письмоводитель Степной думы Е. С. Катанов, принимавший наиболее активное участие в крещении, был дважды награждён. Первой наградой была серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте¹. Вторая награда — орден святой Анны 3-й степени.² Подобные поощрения давались и другим лицам, способствовавшим распространению христианства.

В более крупных населённых пунктах на народные средства строились церкви. На территории Минусинской котловины ещё в XVIII в., кроме Аскизской, были выстроены церкви в сёлах Абаканском, Минусинском и Шушенском.³ Во время путешествия П. Палласа была намечена постройка церкви и в с. Ужур. Уже в течение XIX в. появились церкви почти во всех основных местах расселения как русских, так и хакасов. Были построены церкви в русских сёлах Таштыпе, Матуре, Бее, Ново-Марьясове, Ужуре; в хакасских сёлах: Усть-Абаканске, Усть-Еси, Б-Сее, Синявине, Божьеозёрском и в Чебаках. В некоторых отдалённых местах были выстроены часовни (в Казаново, Бельтирах, Усть-Чуле, Боражуле и в других местах). В часовнях молебны проводились выездными священниками.

Надо сказать, что хакасы были плохими христианами. Считаясь православными христианами, они тяготились церковными обрядами: отпеванием умерших, венчанием, и особенно говениями и исповедями. В отдалённых от церкви местах хакасы редко ходили на церковные исповеди. Священники, будучи сами бессильными привлечь их к церковной службе, обращались за помощью к официальным властям. Иногда дело доходило до того, что у крещённых собирали подписки об обязательстве исполнять долг христианской религии и нередко им угрожали строгостями законов.⁴ Отношение хакасов к православной религии ограничивалось лишь внешними обрядовыми формальностями. Вот что по этому поводу писал аскизский священник Н. Орфеев: «Инородцы почти все считаются христианами, только дети их, в отдалённых улусах иногда несколько лет остаются не крещёнными. Но они по-прежнему веруют в могущество шаманов, как и до крещения. Православное духовенство уважается, как духовная власть, инородцы беспрекословно принимают его во всех улусах и дают за молебны посильное вознаграждение. Но этими только формальными отношениями к духовенству и церкви и ограничивается духовная и обрядовая связь инородцев с православием».⁵

¹ ХОА, ф. 2, оп. 1, д. 1237; л. 3.

² Там же, л. 6.

³ В. А. Батин. Минусинский край в XVIII в., Минусинск, 1913, стр. 166.

⁴ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы стр. 49 — 52.

⁵ Енисейские спархияльные ведомости, № 3, 1886, стр. 40.

Несмотря на такое положение, христианство, по сравнению с шаманством, объективно сыграло некоторую положительную роль в жизни хакасов. Под прямым влиянием христианства, уменьшились жертвоприношения, искоренялись такие семейные обычаи, как похищение невесты, левират (халтых). Русскими священниками была сделана попытка создать хакасскую письменность на основе русского алфавита с целью проповеди христианства на языке местного населения. Были переведены на хакасский язык две церковные книги: «Беседы готовящемуся ко святому причащению» и «Житие и страдание святого священномученика Киприана и Иустина». Книги были переведены на сагайский диалект хакасского языка. Однако, в силу трудности понимания текста, отсутствия грамотных людей и по ряду других причин эти книги остались мало известными народу, а письменность так и не была создана. Отдельные священники способствовали открытию школ среди хакасов.

Несмотря на упомянутые отдельные положительные черты, в целом в истории хакасов православная церковь играла всё-таки реакционную роль. Она проповедывала христианско-монархическую идеологию, незыблемость её устоев, проводила колониальную политику царизма, помогала ему эксплуатировать трудящихся хакасов, притупляя их сознание различными религиозными догмами. Церковь, как и царизм, тормозила развитие национальной культуры хакасов.

Заключение

Включение хакасов в состав русского государства имело исключительно важное значение для их дальнейшей судьбы. Благодаря этому, хакасы были освобождены от тяжёлого политического, экономического и культурного гнёта, от постоянных агрессивных набегов различных азиатских феодалов. Русское освоение Минусинской котловины создало условия для мирной жизни хакасов.

Одним из наиболее существенных результатов включения хакасов в состав русского государства было установление взаимных тесных связей хакасов с русским народом. В основе этих связей лежала добровольная, взаимная заинтересованность в развитии экономики и культуры обоих народов. Постоянное взаимное общение, установившиеся культурно-экономические связи оказали глубоко положительное влияние на развитие хозяйства, культуры и быта хакасов.

Под непосредственным влиянием русского хлебопашества у хакасов возникло и развилось плужное земледелие. Хакасы у русских заимствовали различные сельскохозяйственные орудия (соха, плуг, борона, коса), технику обработки почвы, уборки урожая и переработки продуктов зернового хозяйства. Усовершенствование земледельческих орудий позволило хакасам зна-

чительно расширить пахотные угодья, увеличить посевы зерновых культур. На основе развития земледелия и развивалось в Хакасии мукомольное дело, появились водяные мельницы. Хакасы через русских научились выращивать овощи, что явилось новшеством для местного края.

Хакасы у русских восприняли стойловое содержание скота с заготовкой сена. Под покосы, как и пашни, осваивались новые, ранее не тронутые земли. Благоприятное влияние русского народа отразилось также в развитии различных кустарных промыслов.

Благодаря установившимся культурно-экономическим связям с русским крестьянством, сельское хозяйство хакасов к концу XIX в. в основном стало комплексным, по сравнению с прошлым временем, более устойчивым, продуктивным и доходным. Повысился уровень экономической жизни населения. Отдельные столкновения из-за сенокосов, пастбищ и охотничьих угодий не меняли общей картины сложившихся мирных взаимоотношений обоих народов.

Под прогрессивным влиянием русской культуры значительные изменения произошли и в домашнем быту хакасов. Развитие комплексного сельского хозяйства повлекло за собой и переход к оседлому образу жизни. В оседлых селениях и улусах появились срубные постройки с благоустроенными, по сравнению с юртами, домами русского типа, вытеснившими старые типы жилища, характерные для кочевников и полукочевников. Заметные изменения произошли во внутренней обстановке жилища, в домашнем обиходе, в ассортименте продуктов питания, в одежде и т. д. Хакасы охотно воспринимали более высокую культуру русского народа.

Не менее важным результатом взаимоотношений обоих народов было появление двуязычия как русского, так и хакасского населения. Тяга к знанию русского языка со стороны хакасов была настолько велика, что сколько-либо состоятельные хакасы, не говоря о баях, посылали своих детей в русские деревни учиться в школе, или нанимали частных русских учителей. Рядовое население, как правило, своих детей отправляло в деревни в качестве работников. Русский язык труднее проникал лишь в глухие таёжные места. В основе стремления овладеть русским языком были причины экономического порядка. Многие русские крестьяне, проживавшие совместно с хакасами, были заинтересованы в усвоении хакасского разговорного языка. Так, в конце XIX в. во всех русских деревнях, возникших и расположенных по соседству и вперемежку с хакасскими улусами, большинство населения было двуязычным. Взаимное понимание друг друга, знание языка способствовало взаимному доверию и установлению дружественных отношений. На этой же основе стали обычными браки хакасов с русскими женщинами. А это в свою очередь содействовало искоренению ряда патриархально-родовых пережитков в семье, о чём говорилось выше.

Нельзя не отметить особой роли русской женщины-крестьянки в изменении старого быта хакасов. Русская женщина научила хакаску сеять муку, печь хлеб, варить варенье, создавать домашний уют, держать в чистоте и опрятности жилище и предметы домашнего обихода.

Прогрессивному влиянию культуры русского народа на культуру хакасов препятствовала лишь национальная политика царизма, проявлявшаяся в налоговой, земельной и руссификаторской политике. Налоговая и земельная политика царизма ослабляла экономическое положение трудовой части хакасов. В руссификаторской политике главной и надёжной опорой царизма была церковь, которая поработала народ в духовном отношении. Проповедуя церковно-монархическую идеологию и различные религиозные догмы, она помогала царизму удерживать хакасов, как и другие народы, в темноте и невежестве.

Однако, несмотря на отрицательное влияние царской политики, благодаря благотворному воздействию русской народной культуры, хакасы к концу XIX и началу XX в. и в культурном и в экономическом отношении далеко продвинулись вперёд по сравнению с предыдущими периодами их истории.

Заметные изменения произошли и в общественном строе. Возникновение и развитие капиталистических отношений ускорили процессы распада как остатков родовых связей, так и патриархально-феодальных отношений, усилили классовую дифференциацию. На этой основе складывались зачатки классовой солидарности трудовой части населения обоих народов, которая неизбежно должна была сплотить их воедино в борьбе против возрастающей эксплуатации. Таким образом, влияние русской культуры не ограничивалось только развитием материальной и духовной культуры хакасов. Оно сказывалось и в области развития их политического мировоззрения, классового самосознания. В этом отношении значительную роль сыграли русские политические ссыльные, пребывавшие в Минусинском крае. Они общались с местным населением, занимались исследовательской работой по изучению края, вели политическую пропаганду и культурно-просветительную работу среди трудящегося русского и хакасского населения.

В силу сознания общности классовых интересов и установившихся культурно-экономических связей между трудящимися хакасами, с одной стороны, и русским народом, с другой, ещё при царизме возникла основа дружественных отношений, которая укрепилась и превратилась в тесную и прочную дружбу только в условиях советского государства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3

Глава I. Ранние культурно-экономические связи хакасов с русским народом (XVII—XVIII вв.)

1. Краткие сведения о хакасах	5
2. Возникновение русских селений	7

Глава II. Развитие хозяйства хакасов в XVIII—XIX вв.

1. Зарождение и развитие земледелия	10
2. Скотоводство	18
3. Промыслы и ремёсла	25
а) Охота	—
б) Рыболовство	32
в) Пчеловодство	34
г) Промысел кедрового ореха	35
д) Ремесло	—
4. Средства передвижения	40
5. Социально-экономические отношения	43

Глава III. Домашний быт и культура хакасов

1. Поселение, жилище и утварь	53
2. Пища	65
3. Одежда	72
4. Семейные отношения	78
5. Школа и грамотность	87
6. Народные верования	94
Заключение	101

Кузьма Михайлович Патачаков

КУЛЬТУРА И БЫТ ХАКАСОВ

в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.)

Редактор *И. И. Пантелеев*

Художественный редактор *А. П. Масленников*

Технический редактор *Л. Ф. Ильина*

Корректор *М. И. Табастаева*

Подписано к печати 4 мая 1958 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печ. л. 6¹/₂. Уч.-изд. л. 7,44.

АЧОО400 Тираж 1000 экз. Заказ 448. Цена 6 р. 50 к.

Типография из-ва „Советская Хакасия“, г. Абакан,

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
8	15	—	с указанными	с указанными
17	1	—	десятин	десятин ¹
25	—	14	соседство	соседнее
32	13	—	тыгы	тагы
44	20	—	обнаружил	обнаруживал
45	15	—	150	1500
85	13	—	1963 г.	1863 г.